НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ
И ИСТОРИИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

ИТОГИ ЮБИЛЕЙНОЙ НАУЧНОЙ СЕССИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. Я. ЯКОВЛЕВА

ЗАПИСКИ

ЧУВАШГОСИЗДАТ
Чебоксары — 1949

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ
И ИСТОРИИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

ИТОГИ ЮБИЛЕЙНОЙ НАУЧНОЙ СЕССИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. Я. ЯКОВЛЕВА

ЗАПИСКИ

ВЫПУСК III

ЧУВАШСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Чебоксары — 1949

Печатается по постановлению Ученого Совета Научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР.

Ученый секретарь Института ***В. В. ЧЕБУХОВ.***

А. Ф. ЭФИРОВ

старший научный сотрудник
Института теории и истории педагогики
Академии Педагогических Наук РСФСР.

ЧУВАШСКИЙ ПЕДАГОГ ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ ЯКОВЛЕВ

В дореволюционной Чувашии хорошо был известен педагог Иван Яковлевич Яковлев, много сделавший для просвещения чувашского народа.

Друг и сотоварищ по работе И. Н. Ульянова, Яковлев разработал для чувашей письменность, составил чувашский букварь, разработал методики преподавания родного и русского языков. Им собирались и издавались народные чувашские песни и сказки. Благодаря переводческой деятельности Яковлева грамотная часть чувашского населения имела возможность читать произведения русских классиков и русскую научную литературу. Через организованную им Симбирскую чувашскую учительскую школу Яковлев подготовил для чувашей около тысячи учителей и учительниц и их силами наладил образцовое обучение чувашских детей в сотнях чувашских начальных школ. Таков краткий актив общественно-педагогической деятельности Яковлева.

И. Я. Яковлев любил великий русский народ и был поклонником русской культуры и образованности. Он писал: „Все деятели по просвещению чуваш с глубоким убеждением выставляют величие русского народа, как создавшего великое мировое государство, как носящее в себе правду и любовь к маломощным вроде чувашей народам"*. В другом месте он говорил: „Сельская школа научила и воспитала меня, а последующие обстоятельства сделали меня русским, и я горжусь этим именем, однако нисколько не гнушаюсь имени чувашина и не забываю своего происхождения".

С юных лет в сердце Яковлева горела любовь к своему народу и желание вывести его из той темноты и отсталости, в которых он находился. С юных же лет он делал все, что мог для просвещения чувашского народа.

---

* Ленинградский архив культуры и быта, Фонд Департ. нар. просв. Дело № 141291, ч. 1. Докладная записка студента Казанского университета Яковлева 22. XII. 1870 г. л. л. 510—526.

I.

Иван Яковлевич Яковлев родился 18 (30) апреля 1848 года в чувашской деревне Кошки-Новотимбаево (быв. Бурундуковской волости, Буинского уезда, Симбирской губ.), находившейся в ведении удельного ведомства.

Он родился в те времена, когда чувашский народ находился в полном экономическом и политическом порабощении и когда самый мелкий чиновник мог безнаказанно грабить и обижать бедных, темных и беззащитных чувашей.

Мать Ивана Яковлевича умерла на второй день после родов. Отец его умер еще раньше. Что сталось бы с младенцем сиротой, сказать трудно, если бы не добрый чувашский народный обычай усыновлять в таких случаях сирот-младенцев. И Иван Яковлевич был усыновлен соседней семьей Пахомовых. По такому же доброму обычаю выкормила его грудью женщина из другой соседней семьи, имевшая своего грудного ребенка. В семье Пахомовых И. Я. рос наравне с прочими детьми, пользуясь такой же любовью и лаской старших. В свою очередь и он любил семью Пахомовых, как свою родную.

Многочисленную семью Пахомовых возглавлял старик Гаврила Пахомов. Это был отставной николаевский солдат, награжденный четырьмя георгиевскими крестами. Энергичный, умный и деятельный, он пользовался большим уважением не только чувашей, но и русских. Именно поэтому старик Пахомов значительное время занимал должность головы местного „приказа“ удельного ведомства (нечто вроде волостного старшины). При Иване Яковлевиче Гаврила Пахомов был уже глубоким ослепшим стариком. Тем не менее власть в доме принадлежала ему, и его авторитет признавался всеми.

Хотя деревня Кошки-Новотимбаево не была крепостною, тем не менее удельное ведомство, которому она принадлежала, применяло к ее жителям крепостнические порядки. Все делалось по приказу, ослушание не допускалось. Не только за какую-либо провинность, но и просто по капризу удельного начальства крестьяне жестоко наказывались. Порка жителей применялась в самых широких размерах. На все это в детстве Иван Яковлевич вдоволь насмотрелся.

Чуваши жители деревни считались православными. Но это была только видимость. Церковные обряды выполнялись как необходимая государственная повинность, без веры и понимания их. В избах чувашей висели иконы. Но нужда в них являлась лишь при появлении священника. В прочее время они особым почетом не пользовались.

Крестьяне чуваши молились не иконам, а своим языческим богам. Пантеизм лежал в основе их религии. Эти верования привились и мальчику Ванюшке, как называли в детстве Ивана Яковлевича.

Сначала маленький Ванюшка служил своему слепому деду поводырем. Не всегда мальчик исправно исполнял эти обязан-

ности. Бывали случаи, когда он заигрывался со своими сверстниками, забывая своего слепого деда. Не всегда и дед безнаказанно спускал эти „промахи" своему проворному внуку. В общем же они жили дружно, и старый дед любил маленького внука—поводыря. С течением времени мальчик стал привлекаться и к сельскохозяйственным работам.

В те далекие времена ученье в школах считалось общественной повинностью, и эта повинность населению казалась почти такой же ненавистной, как рекрутчина. Варварские порядки удельных школ внушали ужас населению. К тому же семьи лишались нужных им работников. Поэтому удельные крестьяне стремились так или иначе избавить своих детей от этой повинности, когда она на них накладывалась, не останавливаясь перед дачей взяток.

Пыталась и семья Пахомовых откупиться от этой „напасти". Старик Пахомов послал священнику А. Баратынскому, заведующему удельной школой, дорогой по тому времени подарок—фунт чаю. Баратынский отказался от взятки, и мальчик был забран в школу.

Бурундуковская школа являлась типичным училищем удельного ведомства. Помещалась она в большом капитальном здании, разделенном коридором на две половины. В одной половине учились мальчики, в другой—девочки.

Наблюдателем училища являлся священник Баратынский, ставший впоследствии известным земским деятелем по народному образованию.

Обучение проводилось по принятой тогда в школах удельного ведомства системе Ланкастера. Под руководством священника старшие уже несколько подготовленные ученики обучали грамоте новичков. Обучение в школе продолжалось от 4 до 6 лет. Преподавание проводилось на русском языке. Ученики делились на 4 группы в зависимости от успеваемости.

О своем пребывании в удельной школе Иван Яковлевич вынес самое тягостное воспоминание. Он писал:

„...Общее мое впечатление о времени, проведенном в Бурундуковском училище то, что это заведение имело глубоко развращающее влияние на детей и подростков".

И. Я. был первым учеником. Однако удельное училище дало ему немного, так как он не понимал русского языка, на котором его учили. Он научился читать по-русски, но механически, без понимания смысла. Единственно, что он усвоил хорошо, это четыре правила арифметики.

Но если училище не оказало на И. Я. положительных воспитательных результатов, то много хорошего он получил от русской семьи Мушкеевых, где он в продолжение четырехлетнего пребывания в школе жил на квартире.

И. Я. впоследствии много раз вспоминал, что именно здесь он научился ценить и любить русский народ.

В семье Мушкеевых все были трудолюбивы, ласковы и добры, все любили своего квартиранта Ванюшку. „Я должен

вообще признаться,—писал в своих воспоминаниях И. Я.,—что влияние семьи Мушкеевых на меня было хорошее, здоровое, русское... Кроме вечной благодарности к этой семье я до сих пор ничего другого не питаю"*.

В 1860 году И. Я. кончил удельную школу. Тот факт, что он кончил ее первым учеником, определил его дальнейшую судьбу.

После окончания училища удельное ведомство направило И. Я. на ученье в Симбирское землемерное училище. Удельное начальство нуждалось для своих имений в опытных землемерах. Оно имело свое землемерное училище, которое комплектовалось лучшими учениками, выпущенными удельными начальными школами.

Таким путем И. Я. из глухой чувашской деревни попал на жительство в губернский город Симбирск.

Учебная и бытовая обстановка землемерного училища была гораздо лучше Бурундуковской школы. Но, конечно, и в землемерном училище были свои недостатки. Бурсацкие порядки имели некоторое место и здесь. На учеников смотрели, как на будущих мелких чиновников удельного ведомства, а потому им давали только практические знания и совершенно не заботились об их общем развитии.

Пребывание в землемерном училище не прошло бесследно для И. Я. Особенно полезными были для него летние практические командировки. Путешествуя по разным местам разноплеменных Симбирской, Самарской и Казанской губерний, он расширял свой кругозор знакомством с жизнью и бытом населения. Это давало ему возможность сравнивать родных ему чувашей с неизвестными ранее ему народами. Здесь стали появляться у него первые мысли о необходимости поднятия культурного уровня чувашского населения.

В землемерном училище И. Я. пробыл три года (1861—1863). По окончании училища И. Я. был назначен в г. Сызрань на штатную должность мерщика с жалованием 10 рублей в месяц.

Работая мерщиком, он познакомился с управляющим крупным имением поляком Косинским, который предложил ему в своем имении частную землемерную работу. Через несколько месяцев у И. Я. скопилась некоторая сумма денег. У него родилась мысль продолжать на собранные средства свое образование в Симбирской гимназии. Это было трудным делом. Но трудности его не остановили, и он начал действовать. Прежде всего ему нужно было перевестись на работу в Симбирск, поэтому И. Яковлев принялся хлопотать об увольнении его с работы мерщика. Несмотря на настойчивость и на помощь, которую он получал от местных влиятельных лиц, хлопоты не давали положительных результатов.

Местное начальство, в лице управляющего удельным окру-

* И. Я. всю свою жизнь имел родственные отношения с семьей Мушкеевых. Внуки Гаврилы Мушкеева учились в Симбирской чувашской учительской школе.

том Белокрысенко, и слышать не хотело об освобождении его от работы. Больше того, Белокрысенко, желая избавить себя от настойчивого просителя и убить в нем какую-либо надежду на увольнение, перевел его на службу из Симбирска в глухой Алатырь. В Алатыре нашлись добрые русские люди, которые сочувствовали стремлениям И. Я. к образованию и бескорыстно помогали ему. Так, математик Мукосеев стал давать ему бесплатно уроки математики, а другой преподаватель—уроки русского языка. В то же самое время он продолжал хлопотать об увольнении, но уже не у местного начальства, а в высших петербургских инстанциях.

Через год в Алатырь приехал Белокрысенко, вызвал к себе И. Я. и грубо потребовал от него, чтобы он отказался от всяких стремлений оставить место мерщика. И каково же было торжество юноши, когда он ровно на другой день после этого тяжелого для него разговора получил уведомление из Петербурга о его увольнении с работы без выплаты затраченных на его ученье средств ведомству уделов.

Так благодаря своей настойчивости и твердому характеру юноша победил носившего генеральский чин начальника.

Для И. Я. Яковлева было устранено главное препятствие к поступлению в гимназию. Из Алатыря он немедленно отправляется в Симбирск для осуществления своей цели.

II.

Приехав в Симбирск, И. Я. стал усердно готовиться в гимназию. В 19-летнем возрасте он должен был поступить в 5-й класс.

Время подготовки в гимназию и последующие годы учения совпали с эпохой освободительного движения. В сфере общественного внимания того времени был и „инородческий вопрос". Стремление молодого, энергичного и талантливого юноши-чувашина к образованию было встречено сочувственно передовой частью симбирского общества. Постоянно находясь среди лучших русских людей, он снискал себе у них и помощь, и поддержку. Упоминавшийся выше математик Мукосеев*, перебравшийся в Симбирск, продолжал давать И. Я. уроки математики. Он познакомил его со своим товарищем, учителем словесности Симбирской гимназии М. В. Арнольдовым, который стал заниматься с ним русским языком и словесностью**. Помощь М. В. Арнольдова была особенно ценной для И. Я., плохо знавшего русский язык.

Большую помощь И. Я. оказывал также случайный его

* Мукосеев, как „политически неблагонадежный", был уволен с должности преподавателя уездного училища и в Симбирске работал в качестве бухгалтера.

** М. В. Арнольдов, подметив литературные способности И. Я., уговорил его принять участие в газете „Симбирские Губернские Ведомости", редактором которой он был. При его содействии И. Я. во время подготовки в гимназию напечатал в этой газете следующие статьи: 1) „Учук", в которой описывал, как чуваши совершают свои празднества, 2) Отзыв на статью Золотницкого о чувашском букваре.

знакомый—гвардейский полковник С. Д. Раевский, принадлежавший к прославленной военными подвигами семье Раевских. Он предложил И. Я. безвозмездно заниматься у учителей, готовивших его племянников, поселил его в своей квартире без всякой оплаты, а по отъезде своем из Симбирска, отдал квартиру со всем ее добром и прислугой на попечение И. Я. с правом жить в ней и питаться за его счет.

Особенно важной для И. Я. была помощь директора гимназии А. В. Вишневского, от которого фактически зависел прием его в гимназию. Вишневский заинтересовался юношей „инородцем“ и оказывал ему свое внимание и во время поступления в гимназию, и в последующие годы. Он сам вырос в чувашском селении, знал нравы и быт чувашей и симпатизировал этому народу.

Так при дружной помощи хороших русских людей И. Я. был подготовлен в гимназию и поступил в нее. Впоследствии он говорил, что гимназическое начальство на экзаменах проявило к нему большую снисходительность, в которой он нуждался при своих недостатках в знании русского языка. К концу первого учебного года он был в числе средних учеников. В следующем году и до конца ученья И. Я. являлся первым учеником в классе.

Симбирскую гимназию того времени коснулись новые веяния освободительной эпохи. Это, прежде всего, сказалось на преподавательском составе. Появились учителя, которые стремились заинтересовать учащихся учебными дисциплинами и расширить их кругозор. Они давали им книги для чтения, приглашали к себе на квартиры и вели с ними беседы о прочитанных книгах. Таким путем И. Я. обстоятельно познакомился с писателями классиками, изучавшимися в гимназии, и с новейшей русской литературой, которая не только не проходилась в гимназии, но и считалась запретной. Он познакомился с произведениями Чернышевского, Добролюбова и Писарева. Особенную память у И. Я. оставили преподаватель русского языка и словесности А. И. Виноградов и преподаватель истории И. Я. Христофоров. Оба они проводили свои занятия интересно, устанавливали дружеские отношения с учениками и знакомили их с передовыми течениями русской общественной мысли.

Переход от землемерного училища с его полукрепостным уклоном к Симбирской гимназии с режимом, в основу которого было положено уважение к человеческой личности, чрезвычайно благотворно подействовал на И. Я. В связи с этим у него опять стали появляться мысли о просвещении родных ему чувашей. На этот раз свои намерения И. Я. решил претворить в дело. В 1868 году у него окончательно окрепла решимость об организации особой чувашской школы повышенного типа.

Каникулярное лето 1868 года после первой учебной зимы в гимназии И. Я. проводил в родной деревне Кошках у Пахомовых.

Здесь он стал уговаривать своих бывших товарищей по Бурундуковскому удельному училищу Игнатия Иванова и Алексея Рекеева приехать к нему в Симбирск для ученья. Осенью

к нему с котомкой за плечами прибыл А. Рекеев. Игнатия Иванова не отпустили родители. Вскоре на „огонек“ пришли сюда еще три мальчика: два чувашина Егор Улюкин и Кашкаров и один русский Исаев. Они поселились вместе с И. Я. на квартире у Раевского. Здесь же вместе с И. Я. проживали два его бездомных товарища по гимназии русские Панаев и Соколов. Эти товарищи сочувствовали просветительной идее И. Я. и вместе с ним усердно стали заниматься с пришедшими мальчиками, подготовляя их для поступления в уездное училище. Получился маленький пансион с общей квартирой, столом и учебным режимом. Содержались мальчики на средства И. Я. К тому времени он пользовался в Симбирске хорошей славой как репетитор, и у него не было недостатка в уроках. Это и дало ему возможность содержать себя и своих учеников.

К лету 1869 года, после скоропостижной смерти Раевского, И. Я. пришлось оставить его квартиру и подыскать для себя и своих питомцев новое помещение.

Мальчики Кашкаров и Исаев, поступив в уездное училище, последовательно переходили из класса в класс. Рекеев был подготовлен И. Я. прямо в третий класс, по окончании которого поступил на открытые в 1870 году инспектором народных училищ И. Н. Ульяновым педагогические курсы (при уездном училище). Улюкин не выдержал городской жизни и, затосковав по родине, ушел в свои сурские леса.

Маленькое просветительное начинание для чувашей, возникшее в комнате бедного гимназиста, в дальнейшем при поддержке русских людей стало увеличиваться, расти и развиваться. На горевший уже ярким светом огонек потянулись из самых отдаленных мест Чувашии новые группы мальчиков, а потом и девочек, жаждущих знаний. Так было положено начало знаменитой Чувашской Симбирской учительской школе.

Не легко приходилось И. Я. Он должен был учить своих учеников-чувашей. На нем лежала забота о заработке. Наконец, ему самому приходилось учиться. И все же со всеми трудностьями он успешно справлялся.

Учился он настолько хорошо, что приобрел известную популярность в городе. Гимназист Яковлев был желанным гостем в лучших домах Симбирска того времени. Особенно дорожил он знакомством с семьей Глазовых. В их доме собиралось передовое общество города*. Семья Глазовых состояла из хозяина-старика—отставного гвардии полковника, его сестры и пятерых детей, взрослой дочери Александры Ардальоновны и четырех сыновей. Двое из сыновей были гимназическими товарищами по классу И. Я. Душою семьи являлась дочь Глазова. Она имела блестящее образование, свободно владела языками—немецким, французским и английским, много путешествовала за-

* В семье Глазовых И. Я. близко познакомился с братом знаменитого писателя Гончарова—Н. А. Гончаровым. Это был, по отзыву И. Я., образованный человек, веселого нрава, интересный собеседник. Он являлся учителем русского языка младших классов Симбирской гимназии.

границей. К тому же она была доброй, отзывчивой девушкой, сочувствовавшей всему хорошему, передовому. Сочувствовала она и просветительным идеям И. Я. и оказывала материальную помощь его школе (подпиской, сбором средств с любительских спектаклей и т. п.).

В 1870 году И. Я. кончил гимназию с золотой медалью и был принят в Казанский университет. Гимназия дала ему многое. Здесь он в совершенстве научился русскому языку, познакомился с русской литературой и полюбил ее. Отсюда он вынес достаточный запас знаний для продолжения своего дальнейшего образования.

Перед отъездом в Казань он должен был обеспечить средствами свою школу. К тому времени эта школа пользовалась уже доброй славой в Симбирске. Ее взял под свое покровительство инспектор народных училищ И. Н. Ульянов и директор гимназии А. В. Вишневский. О ее существовании знал попечитель учебного округа П. Д. Шестаков и заинтересовался ее деятельностью. Все это создавало благоприятные условия для дальнейшего существования школы.

И. Н. Ульянов и А. В. Вишневский выхлопотали ученикам школы от Буинского уездного земства стипендии по 80 рублей каждому. Местное общество устроило спектакль в пользу школы и собрало по подписке на ее нужды 400 рублей. Таким образом к отъезду И. Я. в Казань было собрано на школу 1000 рублей.

Вместе с тем к тому времени школе при содействии Ильи Николаевича Ульянова было назначено от Министерства народного просвещения ежегодно денежное пособие.

Обеспечив школу материально, И. Я. должен был проститься с нею и со своими питомцами. Вместо себя в качестве заведующего школой он оставил старшего из учеников А. Рекеева.

Тяжело было расставание. Ученики чувствовали себя сиротами и не скрывали своих слез, прощаясь с И. Я. Яковлевым.

III.

В 1870 году 22 лет И. Я. Яковлев поступает вместе со своими товарищами Панаевым и Соколовым в Казанский университет. Сначала он выбрал себе математический факультет. Но здесь Иван Яковлевич оставался недолго и перешел на факультет историко-филологический. В университете он с увлечением слушает профессора Имшенецкого, Фирсова, Лесгафта и других знаменитостей того времени. С увлечением работал И. Я. над изучением древних классиков: Гомера, Горация, Виргилия, Тацита и др.

Небольшая стипендия, которую он получал благодаря хлопотам директора гимназии Вишневского, избавляла его от забот по приисканию заработка. Еще в гимназии он выработал привычку работать систематически, не запуская уроков. Эту привычку Иван Яковлевич сохранил и в университете, что давало

ему возможность преодолевать экзаменационные барьеры без особых усилий. Привычку к системе в работе он сохранил в продолжение всей своей жизни.

Уезжая из Симбирска, И. Я. Яковлев, при содействии И. Н. Ульянова, распределил работу между своими учениками. Старший из них А. Рекеев должен был вести хозяйство школы, наблюдать за своими младшими товарищами и держать связь с Яковлевым. Общее наблюдение за школой взял на себя И. Н. Ульянов.

За годы учения в университете Яковлев не оставил забот о своей маленькой Симбирской школе. „В продолжение 4-х лет (с 1871 по 1875 г.) в свободное от занятий время,—писал Яковлев,—я бывал в Симбирске, принимал ближайшее участие в делах школы, помогал в занятиях с мальчиками учителю и вообще по мере сил старался содействовать успехам школы".

Очень трогательное впечатление производит переписка Яковлева с оставленным им во главе Симбирской школы учеником А. Рекеевым. В одном из писем Яковлев дает такой совет Рекееву: „Всякий твой шаг, прежде чем ты его сделаешь, должен быть рассчитан и обсужден, совместим ли он с делом, во главе которого стоишь ты, не вреден ли он этому делу почему-либо, твоя совесть и твой рассудок должны быть решительными судьями в таких случаях".

Письма Яковлева наполнены советами и наставлениями своему ученику. Где нужно было, он указывал Рекееву на его недостатки и ошибки. И в то же время Яковлев отмечал всякий успех в делах своего ученика и внушал ему веру в свои силы.

В первый же год жизни в Казани И. Я. Яковлев познакомился с известным в то время деятелем по просвещению „инородцев" Н. И. Ильминским.

Профессор Н. И. Ильминский, глубокий знаток языков древних народов и языков татарского, арабского, персидского, турецкого, киргизского, якутского, был организатором татарских школ с первоначальным обучением на родном языке учащихся. Открытая им в 1863 году в Казани Центральная крещено-татарская школа подготовляла учителей для таких школ. По программе Ильминского религиозное просвещение стояло в центре внимания его школ.

В свое время мысли Ильминского об организации школ для нерусских народностей с обучением на родном языке учащихся считались недопустимыми. За свои высказывания в этом направлении он был одно время смещен с должности профессора. Позднее правительство, напуганное массовым отпадением от православия крещеных «инородцев», само стало покровительствовать школам, организованным по системе Ильминского, полагая, что подобные школы могут стать средством борьбы с распространением мусульманства.

„...Увидевши вблизи здешнюю крещено-татарскую школу,—писал Яковлев,—и в особенности когда близко познакомился из неоднократных бесед с системою Николая Ивановича Ильмин-

ского, для меня мое дело осветилось с новой стороны и взгляд мой на него более расширился"*.

В центре школьной системы Ильминского стояла упоминавшаяся выше Казанская Центральная крещено-татарская учительская школа. На местах же имелись ее ответвления—маленькие начальные школы грамоты, получившие наименование „братских школ". Обучение проводилось на родном языке учащихся. Главное внимание в школах отводилось вопросам религиозного просвещения.

Внимание И. Я. особенно привлекала центральная школа.

На основании опыта этой школы И. Я. Яковлев пришел к убеждению о необходимости строить первоначальное преподавание в нерусских школах на родном языке учащихся.

Все свободные минуты университетской жизни Яковлева были заполнены деятельностью, относившейся к просвещению чувашей. За годы ученья в университете им разрабатывается алфавит для чувашского языка, составляется чувашский букварь и организуется работа по переводу русских книг на чувашский язык.

Своей Симбирской школе Яковлев наметил придать характер центральной школы, подготовляющей учителей, а на местах он решил начать строительство начальных училищ.

Яковлев не умел откладывать своих решений в долгий ящик и сейчас же стал думать об устройстве первой местной школы. Такую школу он решил открыть на своей родине в с. Кошках. В качестве учителя этой школы он надумал привлечь земляка и друга своего детства, отлично кончившего вместе с ним удельную школу, крестьянина Игнатия Иванова. Он знал его как человека, отзывчивого на все хорошее и весьма способного. Яковлев решил вызвать его в Казань, познакомить с местными „инородческими" школами и с системой Ильминского, увлечь идеей чувашской школы, добиться его согласия стать учителем такой школы и подготовить его к этой должности. На пути к осуществлению всего этого стояло много всяких препятствий и в частности препятствий материального порядка, но Яковлев их преодолел, и Игнатий Иванов при посредстве его симбирского ученика А. Рекеева был вызван в Казань для подготовки к учительству.

Около этого же времени вызывается в Казань и Рекеев для того, чтобы он также мог познакомиться с деятельностью Казанской Центральной крещено-татарской школы и перенести ее порядки в Симбирскую школу.

К началу 1871/72 учебного года Симбирская школа при содействии И. Н. Ульянова принимается на государственный бюджет и, таким образом, получает возможность расширить свою деятельность. Первым учителем школы становится А. Рекеев, кончивший к тому времени педагогические курсы при уездном училище.

* Ленинградский архив культуры и быта. Дело Департ. нар. просв. № 141291, ч. I, л. 510—526.

С того же времени начала существовать и первая начальная школа в селе Кошках, имея своим учителем Игнатия Иванова.

Эта школа открылась при содействии И. Н. Ульянова, который не раз посещал ее и оказывал молодому учителю методическую помощь.

В 1875 году И. Я. Яковлев, после окончания университета, по предложению Ильминского назначается инспектором чувашских школ Казанского учебного округа и одновременно инспектором Чувашской учительской школы. В этой последней должности Яковлев состоит на протяжении 50 лет.

IV.

В 1875 году, когда И. Я. Яковлев вернулся в Симбирск, в его школе вместо 4 мальчиков обучалось уже 52 ученика.

В первые годы своего существования Симбирская школа в учебном отношении мало отличалась от начальных школ. Только с 1877 года школа стала центральной и получила право на подготовку учителей. С 1878 года при школе открылось женское отделение. С 1890 года Симбирская школа преобразовывается в учительскую с правами учительских семинарий.

К 1916 году в Симбирской школе обучалось 335 человек, из них 192 мальчика и 143 девочки.

Возникшая в бедной комнате гимназиста школа, с течением времени, приобрела прочную материальную базу. В 1875 году бюджет школы равнялся 12000 рублей. В 1916 году он достиг уже 40.000 рублей в год.

Школа приобрела собственные здания, мастерские и сельскохозяйственную ферму с большим участком пахотной земли, фруктовым садом, пасекой. Учащиеся школы обеспечивались стипендиями.

Школа имела 3 класса с двухгодичным обучением в каждом классе. Принимались в нее ученики, кончившие начальную школу. Обучение в школе проводилось на русском языке.

Симбирская школа имела следующие учебно-воспитательные задачи: 1) подготовлять учителей—деятелей по сближению чувашей с коренным русским народом; 2) дать учителям возможно более широкое русское образование и одушевить их идеей служения своему народу; 3) готовить хороших специалистов.

В школе проходились следующие предметы: закон божий, русский и церковно-славянский языки, логика, арифметика и геометрия, история, география, физика, химия, минералогия, естествознание, чистописание, черчение и рисование, педагогика, сельское хозяйство, труд, пение.

Главное внимание в школе за все время ее существования отводилось русскому языку.

В отчете школы за 1875/76 учебный год о преподавании русского языка говорится: „Цель преподавания русского языка та, чтобы учащиеся ко времени окончания курса овладели русским языком, научились бы понимать книги, и, наконец,

школы. Симбирская школа тщательно следила за тем, чтобы научились бы излагать свои мысли и суждения связно как устно, так и письменно, правильным литературным языком". В отчете отмечается, что при изучении русского языка большое место отводилось разговорным урокам и объяснительному чтению. Для развития письменной речи применялись диктант и изложение. Изучался русский язык наглядно-переводным методом.

Основными учебниками для изучения русского языка являлись книги Ушинского „Родное Слово" (1-й и 2-й год обучения) и „Детский мир".

В отчете школы за 1912/13 учебный год о русском языке говорится следующее:

„Целью преподавания русского языка является научить правильно, толково, связно говорить, правильно, связно и ясно выражать письменно свои мысли; сообщить воспитанникам знание русской грамматики; познакомить с образцовыми произведениями русской литературы и, наконец, с методами преподавания русского языка".

В отчете указывается, что изучение русского языка проводилось путем разговорных уроков, объяснительного чтения и систематического проведения письменных домашних и классных упражнений (диктант, изложение, сочинение и пр.). И здесь основным методом изучения русского языка являлся наглядно-переводный метод.

В отчете подчеркивается, что данный метод, привлекая родной язык к изучению русского языка, роднит его с последним и приучает любить его так же, как и свой природный язык.

В качестве учебников и учебных пособий применялись книги Толстого, Сердобольского, Мартыновского, Поливанова и Галахова.

Сравнивая два отчета о преподавании русского языка, разделенные почти сорокалетним промежутком времени, мы видим, что, конечно, объем преподавания русского языка в поздний период жизни школы весьма вырос по сравнению с начальным временем ее существования. В частности, здесь уже изучается русская литература, пишутся сочинения и проч.

Но и на заре своей деятельности Симбирская школа проводила преподавание русского языка на основе лучших учебных образцов и достигала высоких результатов в знании этого предмета.

Русская история занимала важнейшее место в деле воспитания учащихся. Они должны были четко усвоить последовательный ход исторических событий и научиться излагать их правильным русским языком. Русская история преподавалась в связи с всеобщей. Это давало возможность, говорилось в программе, отчетливее запечатлевать в умах воспитанников события из русской истории.

С теми же воспитательными целями преподавалась и география.

Для живого закрепления исторических и географических сведений школа практиковала летние экскурсии учащихся по России*.

Следующим по важности предметом в школе считалось пение. Школа стремилась поставить этот предмет так, чтобы каждый ученик не только сам умел петь, но научился бы и руководить хором. Кроме пения, ученики старшего класса в продолжении двух учебных годов обучались скрипичной игре, как необходимому средству при обучении хоровому пению.

Весьма важное место в Симбирской школе отводилось изучению теории и практики сельскохозяйственного дела.

„Сельское хозяйство,—писал Яковлев,—является таким предметом, на котором народный учитель ближе всего может сойтись с крестьянином и своими познаниями, разумным советом, своим примером может принести ему посильную пользу и вызвать доверие к научным знаниям".

Для достижения сознательного изучения сельского хозяйства в школе предварительно изучалось естествознание.

Но школа отводила место естествознанию не только с практической стороны. Она придавала этому предмету важное воспитательное и образовательное значение.

Практические занятия по сельскому хозяйству проводились на имевшейся при школе сельскохозяйственной ферме с пахотным полем, огородами, садом, пасекой и рогатым скотом.

Ферма была обеспечена машинами, сельскохозяйственным инвентарем и лошадьми.

Ежегодно летом при школе устраивались для учителей курсы по вопросам сельского хозяйства и организации училищных огородов.

В Чувашской школе преподавался труд. Яковлев хотел, чтобы учитель знал наиболее нужные в деревенском быту ремесла и мог их распространить среди населения.

Обучение ремеслам в школе практиковалось со времени ее открытия. В первые десять лет существования школы воспитанники обучались сапожному и переплетному делам. С 1878 года в школе стали изучаться столярное и токарное по дереву ремесла.

При школе имелись специально оборудованные мастерские, в которых воспитанники первого и второго классов по 6 часов в неделю занимались столярным ремеслом.

Курс педагогики проходился в 3 классе школы. В нее входили общие понятия о воспитании и обучении и школоведение. Особое внимание отводилось изучению учебных книг начальной

---

* Симбирской чувашской школой в 1896 году проведена была экскурсия выпускного класса по Волге и в Москву. Учащиеся под руководством И. Я. Яковлева осматривали волжские города, знакомились с их историческим прошлым и современным состоянием. В Нижнем-Новгороде они осмотрели имевшую место там тогда Всемирную выставку. Славное прошлое этого города и его героя Минина давало богатый материал для исторических бесед. Москва и ее Кремль оставили у экскурсантов неизгладимое впечатление на всю жизнь.

подготовляемый ею учитель твердо и четко знал учебный материал, преподаваемый в начальной школе, и в совершенстве усвоил ее учебники.

В связи с курсом педагогики проводилась педагогическая практика. Самостоятельную практику проходили ученики старшего класса в начальном училище. Практика начиналась с исполнения отдельных работ по школе, как-то: дежурств по классу, наблюдений за самостоятельной работой учащихся, проверки письменных работ и проч. и заканчивалась дачей самостоятельных уроков. Самостоятельные уроки разбирались под руководством самого Яковлева. В заключение практики Яковлев лично проводил беседы о том, каков должен быть чувашский учитель.

Учебная работа Симбирской чувашской школы строилась так, что все проходимые в ней предметы привлекались к осуществлению воспитательных задач школы.

В школе не было отметок, наказаний и наград. По мнению Яковлева, порядок и дисциплину среди учащихся нужно поддерживать иными средствами. Он думал что для этого „нужно одушевить молодые умы высшей идеей их служения, поддерживать в них любовь к труду, гуманность, словом, держать их в постоянном умственном и нравственном напряжении. Лишь нравственные пружины,—говорил Яковлев, — способны поддерживать порядок".

И. Я. Яковлев отмечал, что в школе всегда обращалось внимание на развитие в воспитанниках любви к русскому народу. Средством для этого служили преподавание истории, географии, личные беседы самого И. Я. и наставников школы, чтение книг соответствующего содержания русских и переведенных на чувашский язык.

„Не мало усилий,—писал он,—прилагалось школой к развитию в воспитанниках и других нравственных качеств, особенно справедливости, гуманности, скромности и любви к труду".

„Вообще школа,—отмечал И. Я.,—стремилась выработать из своих воспитанников, прежде всего, хороших людей и хороших граждан, а потом уже хороших учителей, так как без высоких нравственных качеств невозможно быть хорошим педагогом".

Школа стремилась подготовить близкого к чувашскому народу учителя. Такого учителя, который по своему бытовому укладу не выделялся бы значительно от окружавшего его населения. Яковлев писал, что „задача школы была готовить сельских учителей, воспитывая для этого своих питомцев возможно ближе к народному быту".

Воспитанники школы носили крестьянское платье, которое было по их достатку. Лапти, валенки, кафтаны, полушубки были обычной обувью и одеждой учеников.

„Странное впечатление производит старший класс школы,— писал обследовавший школу педагог.—Обыкновенные деревенские ребята, с грубыми руками, с волосами, остриженными по-мужицки, в лаптях. Но этот парень отлично объясняет на доске

извлеченье квадратного корня, со смыслом толкует об уравнениях и спокойно беседует с Вами о правилах логики. Вот это действительно здоровый дух в здоровом теле",—заключает корреспондент-педагог свои впечатления от учеников Симбирской школы*.

Школа обеспечивала своим питомцам сухое, теплое светлое помещение, чистоту и опрятность, простую и здоровую пищу. Щи, каша, квас и черный хлеб без ограничения—вот обычное меню воспитанников. Мясо, белый хлеб, чай—роскошь в крестьянской семье—являлись роскошью и в школе; их подавали воспитанникам только по праздникам.

В свободное от занятий время воспитанники и воспитанницы обслуживали некоторые школьные нужды. Крестьянской „помочью" таскали дрова, рубили капусту, ухаживали за садом и огородом, изготовляли в школьной мастерской парты, классные доски, шкафы и др.

Весь строй школы был приспособлен к тому, чтобы воспитать простого, трудолюбивого, знающего, близкого к народной жизни учителя.

Сама школа также стремилась стать близкой к населению. Ее двери всегда были широко и гостеприимно открыты не только для родителей учеников, но и для всех приезжающих в Симбирск чувашей. И они всегда останавливались здесь со своими лошадьми и повозками.

Вся жизнь воспитанников школы протекала на глазах их родителей и всего народа. Школа стала близкой и родной чувашскому народу. Она распространяла среди чувашей свет и знание.

Нечего говорить, что Симбирская школа имела самую тесную связь с начальными школами и их учителями, бывшими питомцами школы. Она снабжала школы учебниками и учебными пособиями. Здесь в каникулярное время устраивались учительские курсы и съезды. Отсюда учителя получали себе всяческую помощь и содействие.

Но были и серьезные недостатки в школе. Та авторитарность, которая имела место здесь, оказывала свое отрицательное действие на школьную жизнь.

И сам И. Я. Яковлев и учителя школы далеко не всегда строили свою работу на учете запросов своих воспитанников. Между тем в возрастном отношении учащиеся являлись уже достаточно взрослыми людьми и авторитарные порядки школы их удовлетворить не могли. На этой почве иногда возникали недоразумения и даже конфликты у учащихся с администрацией чувашской школы.

V.

И. Я. Яковлев в своем стремлении приобщить чувашей к русской культуре и просвещению не мог пройти мимо вопросов вовлечения чувашских девочек в школу.

Но, по мнению Яковлева, женщины не должны были воспроизводить в своем просвещении формы мужского образова-

* „Чувашская учительская школа в Симбирске", журнал „Русская Школа" № 4, 1894 г., стр. 280.

ния, а должны развивать преимущественно те стороны народной и общественной жизни, которые свойственны женскому полу. Эти принципы Яковлев стал проводить в своей практической деятельности при организации образовательных учреждений для женщин. Деятельность его в этом направлении началась с открытия в 1878 году женского отделения при Симбирской школе, преобразованного в 1890 году в женское училище. В этом училище проходились следующие предметы: вероучение, русский и церковно-славянский языки, математика, русская история, география, рисование и черчение, чистописание, домоводство и пение. Такие предметы, как математика, русский язык, история и география, преподавались в сокращенном виде. Зато вопросы домоводства, включавшие в себя домашнее хозяйство и уход за детьми, а также рукоделие стояли в центре внимания женской школы. Домоводство проходилось не только теоретически, но и практически. Под руководством опытных хозяек и руководительниц в школе выполнялись все домашние обязанности относительно чистоплотности в помещениях, кройки и шитья белья и всей одежды, работ на кухне по приготовлению пищи и проч.

Женская школа скоро стала популярной среди чувашского населения, что было видно из большого наплыва девушек, желавших поступить в школу.

Вопрос об организации чувашских начальных школ для девочек был поставлен самой жизнью. Долгое время девушки-чувашки или почти совсем не охватывались начальными школами совместного обучения или же очень скоро отсеивались.* Между тем нужда в широком женском образовании была самая настоятельная. Женщина-чувашка в культурном отношении стояла гораздо ниже русской женщины. Только школа, по мнению Яковлева, могла устранить недостатки в культурном облике женщины-чувашки. Отсюда и родилась у него мысль о необходимости создания особых школ для чувашских девочек. Только раздельное обучение при наличии женщины-учительницы, по мнению Яковлева, могло уничтожить отчужденность девочки от школы. Особая же программа школ с обучением рукоделию и домоводству должна была, по его мнению, расположить родителей к женской школе. В результате деятельности такой школы, думал Яковлев, повысится воспитательное значение женщины, она явится силой по сближению чувашей с коренным русским народом.

И Яковлев, являясь инспектором чувашских школ, всемерно содействовал открытию школ для девочек. Учительниц для таких школ готовила его Симбирская женская школа.

Но надо сказать, что женские школы все же особенно большого распространения не получили.

Земства, в руках которых преимущественно находилось дело

---

* В 1894/95 учебном году в Буинском у. Самарской губ. обучались в 21 чувашской школе 977 мальчиков и 27 девочек.

народного образования, из соображения экономии предпочитали давать средства на школы совместного обучения.

И все же женские школы сделали свое дело. Они приохотили девочек к школе и приучили население думать, что школы нужны не только мальчикам, но и девочкам. В результате же получилось, что с течением времени посещаемость начальных школ совместного обучения девочками-чувашками почти сравнялась с посещаемостью школ русскими девочками.

VI.

В ряду выдающихся деятелей по созданию передовой дореволюционной русской народной школы одно из первых мест, несомненно, принадлежит Илье Николаевичу Ульянову. Его педагогические высказывания являются ценнейшим вкладом в „золотой фонд" передовой русской педагогической мысли.

Илья Николаевич Ульянов поступил на должность инспектора народных училищ Симбирской губернии в 1869 году*.

Появление в помещичьем Симбирске этого выдающегося человека с его необыкновенной любовью к делу и кипучей энергией было воспринято современниками, как явление невиданное и чудесное. „Как не назвать чудом,—писал тогда местный публицист В. Назарьев,—появление таких людей, как И. Н. Ульянов, с первого же дня отдавший всю свою душу возложенной на него обязанности".

Этот-то необыкновенный человек и стал учителем, другом, единомышленником и покровителем И. Я. Яковлева в его деятельности по просвещению чувашей.

Когда И. Н. Ульянов прибыл в Симбирск, ему было 38 лет, а И. Я. Яковлеву—тогда еще гимназисту—21 год. Ученики Яковлева А. Рекеев, Е. Андреев, В. Кашкаров и Исаев обучались тогда в Симбирском уездном училище. По выходе их из этого училища Яковлеву при помощи И. Н. Ульянова удалось устроить их на организованные при уездном училище Ильей Николаевичем педагогические курсы. Все они были приняты на эти курсы, и Илья Николаевич обратил на них, как на „инородцев", особое внимание. Так началось знакомство организатора Симбирской чувашской школы И. Я. Яковлева с Ильей Николаевичем Ульяновым, перешедшее затем в дружбу.

После отъезда Ивана Яковлевича в Казань его маленькая школа не могла бы существовать, если бы не взял ее под свое покровительство Илья Николаевич Ульянов. Он выхлопотал школе правительственную денежную субсидию, а ее ученикам—стипендии от земства. Илья Николаевич взял на себя общее наблюдение за школой и всячески помогал старосте школы, старшему ее ученику А. В. Рекееву, растить начинание Яковлева.

Трудно было бы малоопытному и еще малограмотному ученику А. Рекееву справиться с делом по заведыванию школой,

---

* В 1874 году Илья Николаевич занял вновь открывшуюся должность директора народных училищ Симбирской губернии.

если бы он не получал отеческой помощи от И. Н. Ульянова. В одном из своих писем И. Я. Яковлеву Рекеев так сообщает ему о своих посещениях Ильи Николаевича: „...Я несколько раз бывал у Ульянова в доме его, он меня завсегда принимает очень хорошо, вхожу в горницу его, подолгу времени бываю у него"...

Начинание Яковлева после его отъезда не только не захирело, а стало крепнуть, расти и развиваться. Этим оно было обязано И. Н. Ульянову.

В своем отчете о Симбирской чувашской школе в 1871 году Илья Николаевич писал, что эта школа „носит характер закрытого учебного заведения: все мальчики живут в квартире училища и составляют одну семью с учителем — руководителем во главе. Всех живущих в школе учеников 26. Обучение чтению происходит по способу Корфа. Занятия по „Родному слову" ведутся толково и успешно..."

В докладе отмечается, что „в короткое время своего существования школа успела приобрести такое доверие чувашей, что отцы привезли своих сыновей учиться верст за 100 и даже более"*.

Илья Николаевич Ульянов назначил лучших своих учеников-курсистов В. А. Калашникова, А. Н. Сурова учителями чувашской школы. Они отдали много труда и любви школе**. И в продолжение всей своей жизни Илья Николаевич живо интересовался вопросами „инородческого" просвещения и неизменно оказывал помощь Симбирской чувашской школе и И. Я. Яковлеву, как окружному инспектору чувашских школ Казанского учебного округа.

Старший сын И. Я. Яковлева, профессор А. И. Яковлев, в своих воспоминаниях об отце и его школе говорит о тех трудностях, которые стояли на пути педагогической и общественной деятельности Яковлева.

„Не защищай Илья Николаевич И. Я. во всех инстанциях, и „губернии" и „округе"... существование Симбирской школы не продлилось бы и двухдесятилетий"***. Особенно важна была роль И. Н. Ульянова в служебных отзывах о своем молодом товарище по работе перед начальством учебного округа, непрерывно проверявшего через директоров и инспекторов благонадежность нового должностного лица крестьянского происхождения да еще „инородца". Надо было защищать его от распространяемых реакционными кругами слухов, что он якобы ведет деятельность, направленную против России, стремясь отделить от нее чувашей.

Илья Николаевич поддерживал инициативу Ивана Яковлевича в его начинаниях, что было особенно важно в обстановке, когда

---

* *Н. И. Алпатов.* Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова. Учпедгиз, Москва, 1946 г., стр. 96.

** В. А. Калашников в скором времени стал домашним учителем детей И. Н. Ульянова. Он написал впоследствии свои воспоминания „Ильич в детские годы".

*** „Иван Яковлевич Яковлев. 1848—1930". Под ред. проф. Ф. Н. Петрова. Чувашгиз, 1948 г., стр. 45.

инициатива в работе не только поощрялась, а наоборот вызывала подозрения и даже преследования. Известно, например, что женское отделение при чувашской школе удалось открыть только благодаря содействию Ильи Николаевича.

Такое отношение И. Н. Ульянова к делу Яковлева было возможно лишь при наличии одинаковости их взглядов на „инородческое" просвещение, что в действительности и было.

Илья Николаевич был горячим сторонником широкого распространения среди нерусского населения школ с преподаванием на родном языке учащихся.

Но и ему приходилось пробивать глухую стену равнодушия местных и центральных властей к вопросам просвещения детей нерусских национальностей. Однако, несмотря на преграды, И. Н. Ульянов постепенно добивался расширения сети благоустроенных „инородческих" школ с хорошими учителями, подготовленными главным образом Чувашской учительской школой. Он сам старался помочь учителям „инородцам" проводить обучение в школах в соответствии с новейшими педагогическими требованиями.

И в результате всего этого Илья Николаевич уже в 1872 году в своем отчете об „инородческих" школах писал: „Инородческие начальные народные училища Симбирской губернии, содержимые на средства министерства народного просвещения, представляются наиболее организованными между прочими начальными училищами. Все они снабжены достаточным количеством необходимых книг и учебных пособий. Преподавание в этих училищах поручено учителям, более или менее подготовленным к делу и весьма усердным в выполнении своих обязанностей. Нравственные качества преподавателей не заставляют желать ничего лучшего"*.

Н. К. Крупская писала: „Илья Николаевич особое внимание обращал на то, чтобы вооружить знаниями многочисленных „инородцев", как тогда их назвали, населявших Симбирскую губернию".

Единомыслие сблизило Илью Николаевича со своим молодым товарищем по общей работе И. Я. Яковлевым. Оба они не были чиновниками-формалистами, а искренне преданными делу народного образования людьми, видевшие в нем залог духовного развития и роста материального благосостояния народов России и отдававшие любимому делу все свои силы и способности.

Илья Николаевич и его семья не имели личного общения с дворянскими кругами симбирского общества. Зато товарищи по работе и учителя всегда были у них желанными гостями. В числе их наиболее близким человеком являлся И. Я. Яковлев. Мария Ильинична Ульянова пишет: „В нашем доме из знакомых отца бывали главным образом его сослуживцы — инспектора народных училищ, заведующий чувашской школой И. Я. Яковлев, много сделавший для народного образования среди чувашей, преподаватели средних и низших учебных заведений".

---

* *Н. И. Алпатов*. Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова. Стр. 95.

В. В. Кашкадамова в своих воспоминаниях также отмечает, что „обычными посетителями их дома были люди из педагогического мира—семьи инспекторов народных училищ, директор чувашской учительской школы Яковлев и преподаватели средних и низших учебных заведений".

В свою очередь имя Ильи Николаевича и его высококультурной семьи было окружено и в чувашской школе и в личном семейном кругу И. Я. любовью и уважением. Симпатии Ильи Николаевича и его жены Марии Александровны к Яковлеву и его школе воспринимались и их детьми. Нередкими посетителями школы были Александр Ильич и Владимир Ильич*.

А. И. Ульянова-Елизарова вспоминает, как Владимир Ильич, будучи гимназистом, по просьбе И. Я. Яковлева, долго безвозмездно занимался с чувашским учителем Н. М. Охотниковым, подготовляя его к экзамену на аттестат зрелости.

„Учитель этот был чувашенин родом, преподававший в чувашской школе,—пишет А. И. Ульянова-Елизарова.—У него были большие способности к математике. Он прошел ее самостоятельно за гимназический курс, ему хотелось заниматься ею и дальше. Но для поступления в университет надо было сдать окончательный экзамен за гимназию, сдать по всем предметам и по древним языкам.

Конечно, для чувашенина, плохо знавшего русский язык, это было нелегко, к тому же способности у него к языкам и общественным наукам были далеко не блестящи. И все же Володя, которому близкий знакомый нашей семьи, инспектор чувашской школы Яковлев, предложил заниматься с Охотниковым и подготовить его к экзамену, взялся и подготовил своего ученика в полтора-два года, несмотря на свои собственные занятия в двух последних классах"**.

Охотников успешно выдержал экзамен и поступил в Казанский университет***.

Илья Николаевич Ульянов стоял впереди своего времени во взглядах на просвещение „инородцев". В духе уважения к ним он воспитал своих детей.

Н. К. Крупская пишет: „Такое отношение Ильи Николаевича к нацменам не могло не повлиять на Ильича, который слушал, что говорил отец, что говорили другие. Владимир рассказывал мне как-то об отношении симбирских обывателей к нацменам: начнут говорить о татарине, скажут презрительно „князь', о поляке—„полячишко", об армянине—„армяшка".

Илья Николаевич скончался скоропостижно 12 января 1886 г. Понятно, что смерть его явилась большим ударом для Яковлева и его дела.

Профессор А. И. Яковлев рассказывает, что известие о

* „Иван Яковлевич Яковлев. 1848—1930". Стр. 44—45.

** *А. И. Ульянова.* Детские и школьные годы Ильича. Детгиз Министерства просвещения РСФСР. М.—Л. 1947 г., стр. 25.

*** Охотникову не удалось окончить университет, так как он заболел туберкулезом легких и умер.

смерти Ильи Николаевича в их семью принес Владимир Ильич. Об этом в своих воспоминаниях он пишет так:

„Пользуясь лунным вечером, мы досыта накатались с Дмитрием Ульяновым (тогда одиннадцатилетним мальчиком) на салазках с крутой горы, спускающейся к Свияге, и занялись борьбой в большой комнате, в окна которой льется поток лунного света. Неожиданно хлопает входная дверь, и в передней раздается голос Владимира Ильича, тогда ученика 7-го класса Симбирской классической гимназии...

Владимир Ильич не раздевается, как обычно, а остается в передней и быстрым шопотом что-то говорит моему отцу. Лицо его бледно, губы сжаты, глаза опущены. Обращаясь к брату, он спокойно, но голосом, не допускающим возражений, говорит ему:

— Митя, одевайся, поедем домой.

Не понимая, в чем дело, но уже тревожно настроенный, Митя спешно одевается и следует за братом. Владимир Ильич прощается молча, с сумрачным лицом...

Когда братья ушли, я подбегаю к своему отцу и спрашиваю, почему Митю понадобилось увести так рано. Отец смахивает слезу и говорит:

— Илья Николаевич скончался.

Когда уже в советское время в разговоре с Владимиром Ильичом мы вспомнили с ним сцену приезда за братом в 1886 г. он сказал, что каждая деталь этого вечера прочно сохранилась в его памяти“*.

Вскоре семью Ульяновых постиг новый тяжкий удар. За покушение на убийство Александра III-го в 1887 году был арестован, а потом и казнен старший сын Ильи Николаевича Александр Ильич Ульянов, только что кончивший университет с золотой медалью.

„В эту трудную минуту, когда симбирские друзья и знакомые, как по команде, дружно отвернулись от семьи Александра Ильича, даже „не узнавали“ его мать на улице, и Ульяновы остались в Симбирске одни, как на необитаемом острове, И. Я. был едва ли не единственным из старых друзей, кто не только не отвернулся от них, а подошел ближе и сделал попытку при помощи влияния Ильминского спасти жизнь Александра Ильича... Попытка не удалась Александр Ульянов погиб“**.

За 16 лет деятельности в Симбирской губернии И. Н. Ульяновым проделана колоссальная работа по строительству благоустроенных школ и подготовке учительских кадров, вооруженных новейшими методами обучения. Новый состав учителей „ульяновцев“ явился той основной силой, на которую опирался Илья Николаевич в своей просветительной деятельности. С помощью этой силы ему удалось высоко поставить качество учебной работы в русских и „инородческих“ школах губернии

* *А. И. Яковлев.* Четыре встречи с В. И. Лениным. „Исторический Журнал“ № 1—2, 1942 г., стр. 160.

** „Иван Яковлевич Яковлев. 1848—1930“. стр. 42.

и добиться популярности их среди населения. Эта же сила обеспечила и после его смерти дальнейшее развитие просветительного дела в губернии и в частности дела просвещения „инородцев“, о которых он так много заботился вместе со своим верным учеником И. Я. Яковлевым.

VII.

Об И. Я. Яковлеве установилось мнение, как о наиболее последовательном и энергичном деятеле по распространению среди чувашей просветительной системы Ильминского. Так думал о нем и Ильминский, писавший, что „начала инородческого образования, усвоенные г. Яковлевым в Казанской Крещено-татарской школе и развитые его собственным размышлением и опытом, вполне применены в Симбирской чувашской школе“*. Сам Яковлев постоянно говорил о том, что его взгляды на „инородческое“ образование сложились под влиянием Ильминского. Вспоминая о знакомстве своем с Ильминским, он писал: „Целые ночи иногда проходили в беседах об инородческом деле, о его нуждах, перспективах... Под влиянием этих бесед и определились взгляды мои“**.

И все же более близкое ознакомление с педагогическими взглядами и деятельностью Яковлева показывает, что просветительные идеалы Яковлева и организованные им образовательные учреждения коренным образом отличались от идей и дел Ильминского.

Система Ильминского создалась для борьбы с мусульманством, за влияние на „инородческое“ население Поволжья. Школа рассматривалась Ильминским, прежде всего, как средство в этой борьбе. Именно поэтому программа Ильминского преимущественно наполнялась вероучебным содержанием „без какой-либо погони (как говорилось в ней.—*А. Эфиров*) за обогащением учеников научными сведениями“.

Иначе относился к школам Яковлев. Его религиозность не помешала ему придавать школам общеобразовательный характер и строить учебное дело в них на основе передовых педагогических принципов.

Еще будучи юношей, Яковлев поставил себе целью путем школьного образования вывести своих сородичей чувашей из той темноты и невежества, в которых они находились.

„На собственном трудном опыте,—писал Яковлев,— я слишком хорошо знаю цену образования и трудность путей, ведущих к нему, для крестьянина. Отсюда и родилось у меня естественное желание помочь, чем можно, своим соплеменникам чувашам“***.

Отсюда же и возникла идея создания в Симбирске школы

* Журн. „Православный Собеседник“, 1883 г., март, стр. 267.
** „Переписка о чувашских изданиях“. Казань. 1890.
*** Ленинградский архив культуры и быта, Дело Департ. нар. просв. Дело №141291, ч. 1, л. л, 510—526. Доклад студента Казанского университета Яковлева.

для чувашей. Такой школы, которая бы по своим задачам была больше начальных школ и которая бы стала готовить из среды чувашского народа кадры будущих деятелей по просвещению чувашей. „Сложилось у меня убеждение,—писал Яковлев,—в начале может быть инстинктивное, что просвещение чуваш может итти успешно не иначе как посредством школ и при посредстве людей, вышедших из среды самих чуваш. Я думал ,—писал он,—что такие люди, стоя выше и сознавая истину, не только не могут забыть ту среду, из которой вышли сами, но и будут проникнуты и воодушевлены сочувствием к своим бедным и ничего не имеющим родичам, чтобы послужить делу их просвещения“*.

На первых порах у Яковлева не было продуманной системы для осуществления своих просветительских устремлений.

Знакомство с Ильминским дает Яковлеву необходимую для него систему просвещения чувашей.

Показательным примером для Яковлева послужила Казанская Центральная крещено-татарская школа Ильминского с ее школами-отраслями на местах. „Я видел в ее успехах и результатах,—писал Яковлев об этой школе,—исполнение своих желаний“.

По примеру этой школы Симбирская чувашская школа должна была возглавить систему местных начальных чувашских школ, подготовлять для них учителей из чуваш и руководить их деятельностью.

Орудием первоначального обучения в чувашских начальных школах ставился родной язык учащихся.

И Яковлев стал деятельно применять систему Ильминского к делу просвещения чуваш. Но этой системе он придал другое направление. Вместо программы Ильминского, наполненной вероучебным содержанием, он в своих школах стал применять программу земских школ. Таким образом И. Я. взял у Ильминского одну лишь форму, наполнив ее содержанием передовой, прогрессивной педагогики. Для того же, чтобы чувашские начальные школы в качественном отношении были не ниже трехлетних земских школ, им организуются начальные школы с четырехлетним обучением. С этой же целью он ставит своей задачей дать чувашским школам хорошо подготовленных, близких к народной жизни учителей. Исполнение этой задачи возлагается им на Симбирскую учительскую школу.

Еще в первые годы существования Симбирской чувашской школы, в основу ее учебной работы, как отмечалось выше, кладутся передовые педагогические принципы. Изучая программы преподаваемых в то время в школе учебных дисциплин, не трудно видеть, что наставники школы были в курсе лучших педагогических течений своего времени. И Симбирская учительская школа за пятьдесят лет своего существования непрерывно совершенствовала свое учебное дело. Особенно выросла она, начиная с 1890 года, когда получила права учительских семи-

* Доклад студента Казанского унив. Яковлева.

нарий. Учебный план школы расширяется и получает ярко светский характер по сравнению с Казанской „инородческой“ учительской семинарией Ильминского. В частности, школа отводит большое место естествоведческим дисциплинам, чего почти совсем не было в семинарии Ильминского.

В школе в числе прочих дисциплин преподавались: физика, химия, минералогия, ботаника, зоология, анатомия и физиология. Яковлев, придавая большое значение естествознанию, писал: „Естествознание пробуждает в учениках умственную деятельность, расширяет кругозор, вырабатывает правильное и сознательное отношение к окружающей природе, развивает наблюдательность и поддерживает привычку к физическому труду“.

В старших классах школы усиленное внимание уделялось изучению логики, наряду с упражнениями в писании сочинений и решении логических задач. Много внимания отводилось скрипичной игре и пению. Трудовые занятия имели почетное место в школе. При прохождении педагогики особенное значение придавалось изучению чувашской начальной школы, ее программ и учебников, а также школьной практике.

Все это говорит о том, что Симбирская чувашская учительская школа не имела того миссионерского характера, который был присущ педагогическим учебным заведениям системы Ильминского.

За 50 лет своего существования Симбирская чувашская учительская школа выпустила около тысячи учителей и учительниц. К 1913 году в пределах чувашских районов Поволжья имелось 463 школы с 29.600 учащимися и 822 педагогами из чуваш.

В результате деятельности Яковлева и Симбирской школы чуваши по грамотности в дореволюционное время стояли впереди других народов Поволжья. Среди деятелей „инородческого“ просвещения вряд ли еще можно указать лицо, подобное Яковлеву, которое сделало бы так много для развития грамотности среди своего народа.

Деятельность Яковлева заслуживает тем более высокой оценки, что она протекала в обстановке преследования, недоброжелательства и клеветы.

Шовинистически настроенные элементы, как, например, свящ. Смелов и др., сначала резко и несправедливо критиковали переводы Яковлева и разработанный им чувашский алфавит. Затем начались выступления против чувашских школ и учителей. Говорилось, что эти школы плохи и не дают достаточной подготовки в знании русского языка. В дальнейшем стали появляться и более тяжкие обвинения—в национализме и сепаратизме.

Клеветнические выступления против Яковлева сделали свое дело. В 1903 году он неожиданно для себя получает отставку от должности инспектора чувашских школ. Но и после этого Яковлева не оставляют в покое. На происходившем в 1911 году седьмом дворянском съезде имело место выступление с обвинением Чувашской школы и местных школ в революцион-

ной деятельности*. Это обвинение ставило лично Яковлева и его систему школ в исключительно опасное положение.

После этого на Яковлева посыпались еще более частые удары со всех сторон.

В 1912 году ему запретили какую-либо деятельность без предварительного разрешения попечителя учебного округа.

В 1914 году Симбирская школа ревизуется с явным намерением политически опорочить ее инспектора Яковлева и т. д.

В 1916 году министр народного просвещения Кульчицкий разработал проект о закрытии Симбирской чувашской учительской школы. И только Великая Октябрьская социалистическая революция спасла детище Яковлева от разгрома.

VIII.

Великая Октябрьская социалистическая революция застала И. Я. Яковлева 70-летним стариком.

Проявляя свою заботу о Яковлеве, Владимир Ильич Ленин дал в Симбирск следующую, касающуюся его, телеграмму:

„Телеграмма Симбирскому Совдепу. Симбирск. Председателю Совдепа (20 апреля 1918 г.). Сообщите по телеграфу обстоятельства (и) условия избрания председателей чувашской женской и мужской учительских семинарий. Меня интересует судьба инспектора Ивана Яковлевича Яковлева, 50 лет работавшего над национальным подъемом чуваш и претерпевшего ряд гонений от царизма. Думаю, что Яковлева надо не отрывать от дела его жизни.

Председатель Совнаркома Ленин“**.

Последние годы жизни И. Я. Яковлева прошли в большом почете со стороны правительственных органов и общественных организаций Советской страны. Состоявшийся в 1921 году II Областной съезд деятелей просвещения Чувашской области приветствовал Яковлева, называя его „великим старцем“ „начинателем чувашского просвещения“. „Теперь нет чувашской деревушки,—говорилось в приветствии,—где бы не видели труда Ваших рук, а Ваше имя знакомо и дорого каждому чувашину“.

В 1928 году Наркомпрос РСФСР торжественно чествовал И. Я. Яковлева в связи с 80-летием со дня его рождения и шестидесятилетием существования Симбирской чувашской учительской школы.

На торжественное заседание одними из первых прибыли: А. И. Ульянова-Елизарова, Н. К. Крупская, М. И. Ульянова и Д. И. Ульянов. Все они были избраны в президиум собрания.

Нарком просвещения А. В. Луначарский произнес большую, посвященную И. Я. Яковлеву приветственную речь. „Мы собрались,—заявил А. В. Луначарский,—чтобы подвести итоги

---

* На дворянском съезде его участник Арцыбашев говорил: „Инородческое население Казанской губ., составляющее 70% всего населения, совершенно революционизируется и проникается сепаратистскими стремлениями в своих школах...“ („Окраины России“, 1911 г., № 10, стр. 151.)

** Ленинский сборник. XXI. Стр. 263—264.

исключительно важной для всех народов работы чувашской школы, являющейся источником возрождения всей чувашской культуры. Мы чествуем организатора школы—80-летнего пионера чувашского просвещения Ивана Яковлевича Яковлева"*. В своей речи А. В. Луначарский, отмечая заслуги И. Я. в деле национального просвещения чувашей, указал, что после победы Октябрьской революции Владимир Ильич специально запрашивал Симбирск о положении И. Я. Яковлева и предложил обеспечить ему возможность достижения наибольших успехов в деле просвещения чувашского народа.*

Газеты „Известия" и „Правда" отметили юбилей И. Я. Яковлева посвященными ему статьями, а кинематографическое управление выпустило посвященный юбиляру фильм, отражавший жизнь и деятельность Яковлева, начиная с того времени, когда он, будучи 12-летним мальчиком, пришел пешком с котомочкой за плечами в Симбирск учиться.

Умер И. Я. Яковлев 23 октября 1930 года.

Последние годы по состоянию здоровья И. Я. не мог уже принимать участия в работе, но до конца своих дней не переставал интересоваться судьбой дорогой его сердцу чувашской школы. И он был счастлив узнать, что Советская власть преобразовала эту школу в высшее педагогическое учебное заведение, о чем он не мог и мечтать раньше.

---

* „Известия" № 241, 16.X. 1928 г.

М. П. МАКАРОВ.

СИМБИРСКАЯ ЧУВАШСКАЯ ШКОЛА И ЕЕ МЕСТО В ДЕЛЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

Великая Октябрьская социалистическая революция дала широкую возможность чувашскому народу встать на путь быстрого культурного развития. Чувашский народ в содружестве с другими народами Советского Союза, при братской помощи великого русского народа воспрянул от национального гнета и твердой поступью пошел по новому пути экономического и культурного развития. Достаточно сказать, что в Чувашской Автономной Советской Социалистической республике введено обязательное начальное обучение в сельской местности, семилетнее обучение в городах и рабочих поселках. Ликвидирована, в основном, неграмотность взрослого населения, созданы чувашский литературный язык и чувашская художественная литература, проделана огромная работа по подготовке многочисленных кадров для всех отраслей народного хозяйства и культуры. Произошли большие изменения и в области народного образования. В 1947/48 учебном году сеть общеобразовательных начальных, семилетних и средних школ достигла 1054, в том числе: начальных—568, семилетних—399 и средних—87. Обучается в школах более 180.000 человек учащихся, обучают и воспитывают их более 9000 учителей и воспитателей.

В республике функционируют три высших учебных заведения: педагогический, сельскохозяйственный и учительский институты с количеством студентов около 1400 человек. В 23 средних специальных учебных заведениях обучается около 6000 учащихся, имеются театры, музей, научно-исследовательский институт, библиотеки, клубы и т. д.

Десятки тысяч чувашей, получивших при Советской власти высшее образование, отдают свой труд и знания на процветание великой страны Советов. Выросли новые люди сельскохозяйственного и промышленного производства, деятели культуры, искусства и т. д.

„Следует признать,—говорит тов. Молотов,—что важнейшим завоеванием нашей революции является новый духовный облик и идейный рост людей, как советских патриотов. Это относится ко всем советским народам, как к городу, так и к деревне, как к людям физического труда, так и к людям умственного труда. В этом заключается, действительно, вели-

чайший успех Октябрьской революции, который имеет всемирно-историческое значение".

Отмечая небывалый культурный расцвет Чувашии за годы советской власти, общественность не может забыть большой исторической заслуги Симбирской чувашской учительской школы и ее учредителя И. Я. Яковлева, вложивших большой вклад в дело национального подъема чувашского народа и способствовавших сближению чувашских трудящихся масс с русским народом.

В 1948 году исполнилось 100 лет со дня рождения Ивана Яковлевича Яковлева, основателя Симбирской чувашской школы, выдающегося чувашского педагога и общественного деятеля, и 80-летие существования Симбирской чувашской школы (1868).

В жизни чувашского народа, в прошлом угнетенного, неграмотного, не имевшего своей литературы, школы, искусства, эти даты имеют весьма большое значение. Поэтому наша общественность с достоинством отметила как 80-летие Симбирской чувашской школы, так и юбилей, посвященный 100-летию со дня рождения создателя и руководителя этой школы И. Я. Яковлева.

Симбирская чувашская школа, основанная И. Я. Яковлевым в 1868 году по его инициативе, на его собственные средства и имевшая в начале своего существования всего 4 человека учащихся, впоследствии разрослась в крупное педагогическое учебное заведение и сыграла важную роль в деле приобщения чувашского народа к передовой русской культуре.

Симбирская чувашская учительская школа за время своего дореволюционного существования обучила, воспитала и выпустила на педагогическое поприще около тысячи учителей и учительниц начальной школы. В 1879 году Симбирская школа сделала 1 выпуск учителей в количестве 15 человек. С 1876 по 1890 год—до превращения ее в учительскую школу—сделано 9 выпусков и выпущен 141 учитель.

Начиная с 1890 года, после превращения ее в учительскую, Симбирская чувашская школа выпустила 690 учителей.

Роль этой школы и заслугу ее деятелей нельзя полно выразить только числом окончивших ее народных учителей. Ее роль состоит, главным образом, в том, что в годы жестокой реакции и произвола в царской России она была и оставалась проводником и рассадником идей гуманной прогрессивной педагогики. Симбирская учительская школа была не только школой теоретической и практической подготовки учителей для начальных чувашских школ, но и центром, в котором собирался и обобщался опыт учителей, окончивших эту школу и работавших в самых отдаленных чувашских селах.

* * *

Народное образование в период, предшествовавший вступлению И. Я. Яковлева на общественно-педагогическое поприще представляло безотрадную картину, особенно среди „инород-

ческого“ населения. Организация школ, в которых обучались первые чувашские дети, относится к 2-й половине XVI века, к периоду вхождения чуваш вместе с другими народами среднего Поволжья в состав русского государства.

Первая школа для детей нерусской национальности была открыта при Свияжском монастыре, где обучались дети татар, чуваш, марийцев, мордвы, удмуртов и др. народов. Зачисление в школу происходило в принудительном порядке. Изучали в школе азбуку, псалтырь, часослов, закон божий и русский язык. Учителями были монахи.

В 1740 году указом сената учреждается „Новокрещенская контора“, которая открывает школы в Казани, Елабуге, Царевококшайске и в Свияжске с контингентом 30 человек в каждой.

В 1802 году учреждается министерство народного просвещения, воспитания юношества и распространения наук. В 1803 году Россия разбивается на учебные округа, а в 1804 г., после школьной реформы, принимается устав учебных заведений. В связи с этим в с. Буртасах Цивильского уезда (ныне Урмарского района) в 1807 г. было открыто первое для чуваш приходское училище. В нем обучалось 5 человек.

В 1828 году по новому школьному уставу школа превращается в сословную.

Чувашские дети доступа в школы не имели, потому что в школы принимали смотря по состоянию людей и их званию, считая, что обучать грамоте весь народ принесло бы более вреда, нежели пользы. Поэтому о распространении таких школ среди чуваш говорить не приходится.

После крестьянской реформы в 1864 году была проведена земская реформа, в результате чего в 35 губерниях введено было земство, в том числе и в Казанской губернии. Земства сыграли некоторую роль в расширении школьной сети, явились некоторым шагом вперед после сословно-ограничительной политики Николая I. По уставу доступ в гимназии был открыт мальчикам „всех сословий без различия звания и вероисповеданий“ (§ 53), но в первый класс принимались дети не моложе 10 лет, „умеющие читать и писать по-русски“ (§ 55)*. Поэтому о каком-либо значительном влиянии этих школ в деле культурного подъема чуваш не приходится и думать.

В Казанской губернии в 1877 году было 309 школ, в 1894 году—483 школы, в 1898 году—559 школ. В чувашских уездах, входивших в Казанскую губернию, сеть школ росла еще медленнее. В Цивильском уезде было 3 школы, открытых в 1870 году, в Ядринском уезде 1 школа, открытая в 1870 году и в Чебоксарском 3, открытых в 1872 году. Поскольку учителями в этих школах были люди, не владеющие родным языком учащихся, результаты обучения были очень плохие. К тому же, следует отметить, что в середине XIX века значительно усили-

* Собрание постановлений министерства народного просвещения, том III.

вается влияние ислама на чуваш, которое представляло серьезный тормоз на пути приобщения чуваш к прогрессивной русской культуре. И. Я. Яковлев не мог не видеть отрицательной роли магометанства. Поэтому поводу он писал попечителю Казанского учебного округа: „Достаточно нескольких лет бездействия, чтобы магометанство охватило своим влиянием массу чувашского народа“. Нужно было организовать прогрессивные силы, чтобы противопоставить влиянию ислама русскую культуру, избрав в качестве ее проводника, в первую очередь, школу. И. Я. Яковлев сознавал, что Россия по отношению к Востоку должна играть прогрессивную роль.

И. Я. Яковлева, подходившего к проблеме распространения грамотности среди чувашского народа с этих точек зрения, естественно, не могли удовлетворить филантропические начинания, выразившиеся в организации им на свои средства школы из 4 человек.

В поисках путей распространения грамотности в народе И. Я. Яковлевым руководила любовь к родному народу, стремление помочь ему приобщиться к культуре великого русского народа.

В октябре 1868 года возникла Симбирская чувашская школа. У создателя этой школы в начале не было достаточно ясного взгляда на ее устройство. Содержалась она первое время исключительно на средства учредителя. Школа, несмотря на свои скудные средства, малочисленность учащихся и хозяйственно-бытовую неблагоустроенность, приобрела доверие и сочувствие передовых и прогрессивно мыслящих людей. При содействии прогрессивных элементов г. Симбирска она продолжала функционировать. Не раз проводили они подписку на содержание школы. Так, Глазова А. А. собрала путем подписного листа 276 руб 50 к.

И. Н. Ульяновым, который живо интересовался этой школой, были выхлопотаны стипендии по 80 руб. в год на ученика.

В летнее время комната, где занималась школа, сдавалась приказчикам купцов, съезжавшимся в Симбирск на ярмарку, и средства использовались на содержание школы.

„Я принялся за это дело,—писал И. Я. Яковлев в 1870 году,—руководствуясь только одним желанием сделать что-нибудь для чуваш; у меня не было при начинании ни системы, ясно осознанной, ни способов, ни метода как вести его, но я был уверен в практическом значении и пользе от проведения своей мысли в исполнение“.

В 1870 году И. Я. Яковлев поступает в Казанский университет и оканчивает его по историко-филологическому факультету в 1875 году. Будучи студентом университета, И. Я. Яковлев постоянно руководил созданной им школой.

Перед тем как ему выехать в Казань, он составил „Правила при занятиях домашней жизни и во всех других случаях“ из 18 §.

В § 16 правил сказано: „Каждые две недели А. Рекеев (наблюдатель за учебой и поведением), мальчики, которые могут,

пишут мне письма на русском языке; первый обо всем, касающемся мальчиков, последние—о себе".

На имя Рекеева А., старшего среди остальных воспитанников И. Я. Яковлев писал: „Трудись, Алексей, работай для собственного образования, исправляй свои недостатки, и помни: их у тебя много, будь примером для мальчиков—выработай твердый и мягкий в тоже время характер. Кстати я упомяну, прочти книгу „Психология"... читай и другие книги. Мы с тобой много говорили, хорошо если только у тебя не прошло мимо ушей все это. Прощай, трудись повторяю. Скажи мальчикам, что нет часа, чтобы я, если не сплю, не думал бы и не заботился бы о них"*.

А. Рекеев в своих воспоминаниях, говоря о многочисленных письмах И. Я. Яковлева, писал: „Все они близко касались нашего общего дела: от всех писем веяло различными заботами И. Я. В них делались мне наставления, указания, добрые советы, увещания, поручения, сообщения и вопросы, а иногда и строжайшие выговоры, доходящие до уравнения меня с никуда негодным лентяем".

В жизни Симбирской чувашской школы большую роль сыграл И. Н. Ульянов—представитель передовой дореволюционной интеллигенции и школы. Являясь инспектором народных учи лищ Симбирской губернии, а впоследствии директором народных училищ Симбирской губернии, он был постоянным учителем, другом и покровителем И. Я. Яковлева в его неустанной деятельности по просвещению чуваш. Он фактически руководил школой в период пребывания И. Я. Яковлева в Казанском университете.

Лучшие учителя В. А. Калашников, А. Н. Суров назначены были в чувашскую школу по рекомендации И. Н. Ульянова. В письме попечителю учебного округа П. Д. Шестакову И. Н. Ульянов писал: „Признавая весьма полезным и необходимым иметь для всех этих мальчиков особого учителя-руководителя и имея на это место окончившего курс в педагогических классах при Симбирском уездном училище, Василия Калашникова, который месяца 4 занимается в этой школе, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство об исходатайствовании перед г. министром народного просвещения о назначении его с 1 октября сего года особым учителем-руководителем для чувашской школы в г. Симбирске с жалованием из суммы М. Н. П. в количестве 300 руб. в год"**.

И. Н. Ульянов и И. Я. Яковлев настояли перед министерством народного просвещения о необходимости указанной школы, и с 1871 года она была признана Центральной чувашской школой с программой не выше существовавших тогда министерских двухклассных школ. Колпаков В. И., работавший

* Госархив Ульяновской обл., ф. 660, связка 3, л. 292; Цитируется по рукописному фонду Чув. НИИ.

** *Н. И. Алпатов.* Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова, стр. 160—161

вместе с И. Я. Яковлевым, в своих воспоминаниях пишет, что в школу принимались, главным образом, чуваши, отчасти мордва, крещеные татары и 20—25% русских, по меткому выражению Яковлева, „для закваски". Жили они как в одной семье. Рассаживали их по партам так, чтобы в середине был русский, который помогал им в совершенствовании разговорной и письменной речи.

В 1875 году И. Я. Яковлев, окончив Казанский университет, возвращается в Симбирск в качестве инспектора чувашских школ и директора Симбирской учительской школы, хорошо знакомый с системой Ильминского. К моменту его возвращения школа имела уже 52 ученика вместо 4 человек учащихся вначале. С этого момента начинается новый творческий период жизни и развития Симбирской школы.

* * *

При изучении и оценке роли Симбирской чувашской школы в развитии культуры и просвещения среди чуваш следует исходить из оценки, данной В. И. Лениным в известной телеграмме от 20 апреля 1918 г. деятельности И. Я. Яковлева, а отсюда и школы, которую в отрыве от И. Я. Яковлева рассматривать совершенно нельзя.

Когда И. Я. Яковлев вступал на путь служения народу, дело просвещения среди чуваш находилось по существу в зачаточном состоянии.

Будучи студентом Казанского университета, И. Я. Яковлев сблизился с известным деятелем 60-х годов XIX века в Среднем Поволжье, с создателем особой системы просвещения нерусских народов ученым-ориенталистом Н. И. Ильминским.

Содержание системы Н. И. Ильминского и свое отношение к ней И. Я. Яковлев сам сформулировал следующим образом: „Инородцы должны прочно войти в великую семью русского народа, но войти в нее не пасынками, а равноправными детьми. Должен слиться с русским не тот остаток их, который уцелеет после процесса их исчезновения, путем перехода в магометанство, а через это и отатаривание, но, насколько это возможно, вся их масса. Они должны обрусеть, срастись с русским народом, и составить с ним одно органическое, нераздельное, неразъединимое целое. Как достигнуть этой цели?

Прежде всего надо устранить всякую мысль о насильственном воздействии, мысль, столько раз приводившую к самым печальным результатам, не надо стремиться обрусить „инородцев", а надо помочь им обрусеть. Не надо было так же суживать задачи обрусения до обучения одному только русскому языку. Такая постановка задачи была и односторонней и, как уже опыт неоднократно показал, неблагодарной.

Как достигнуть поставленной цели? Н. И. Ильминский указал путь испытанный, путь верный и несомненный... Сделайте „инородца" путем родного языка православным, и он будет русским—таково было глубочайшее убеждение Н. И. Вот в нескольких словах суть системы Н. И. Ильминского. Эти идеи,

приложенные им в жизни, и воодушевили на дело просвещения 1000 людей. Эти идеи легли краеугольным камнем и моего миросозерцания, эти идеи я, один из скромных работников на указанном Н. И. Ильминском поприще, свято берег всю мою жизнь"*.

Отсюда и установилось мнение, что Яковлев является последователем и энергичным деятелем по распространению среди чуваш просветительной системы Н. И. Ильминского. Это мнение явилось плодом недостаточно серьезного изучения и оценки педагогических взглядов И. Я. Яковлева, который не ограничился системой Ильминского. Яковлев, считая себя учеником Ильминского, однако, практическими делами обнаружил существенное отличие от идей и дел Ильминского. Ильминский, в выработанной им системе, большое место отводил школе, которую он рассматривал как орудие борьбы с мусульманством за влияние на нерусское население Поволжья.

В разработанной Ильминским в 1898 году программе сказано: „Закон божий составляет главнейший предмет начальной инородческой школы вообще". В младшем отделении „занятия всеми остальными предметами... служат к дополнению и усвоению назначенного программой по закону божию; особенно это нужно сказать об инородческом и славянском чтении". В старшем отделении закон божий велся уже на русском языке. Пение было опять-таки церковное. Для чтения на русском языке использовались специальные книги издания православного миссионерского общества, „без всякой погони за обогащением учеников научными сведениями". Следует отметить в системе Ильминского и положительное — это обучение на родном языке на 1 году обучения, что и было заимствовано и развито дальше Иваном Яковлевичем Яковлевым.

Ильминский употребил свои знания и для того, чтобы в массовых размерах организовать в Казани переводческую деятельность. Библия и молитвы переводились не только на языки народов Волжско-Камского края, но делались переводы и для Сибири, Туркестана и Кавказа.

И. Я. Яковлев строил учебное дело в школах на основе передовых, по тому времени, педагогических принципов. И. Я. Яковлев отводил в учебной сетке закону божию 3 часа в неделю, а Н. И. Ильминский 6 часов. Если содержанием широкой переводческой деятельности Ильминского была исключительно религиозная литература, то И. Я. Яковлев помимо религиозной в значительных размерах издавал научную и светскую литературу. Так, например, им были изданы классическое произведение К. В. Иванова „Нарспи", баллада М. Ф. Федорова „Арсюри", „Рассказы из русской истории", „Как уберечься от холеры" (1892 г.), „Советы матерям при оспопрививании детям" (1897 г.), „Глазная болезнь трахома", „О чуме" и др.

Симбирская школа через своих воспитанников проводила

---

* Рукописный фонд Чуваш. НИИ инв. № 184, л. 38—39.

большую работу по сбору чувашского фольклора: сказок, поговорок, пословиц, песен и т. д. За время своей деятельности И. Я. Яковлевым, а значит и Симбирской школой, издано несколько сотен названий различных книг на чувашском языке.

Если Н. И. Ильминский благодаря своей же системе народного просвещения мог готовить, главным образом, учителей религиозных, плохо подготовленных в общеобразовательном отношении, то Симбирская школа во главе с И. Я. Яковлевым готовила учителей на уровне передовой педагогической науки того времени. Основными, отправными пунктами, над осуществлением которых неплохо поработала Симбирская чувашская учительская школа, являлись:

1. Подготовка учителей-проводников идеи сближения чуваш с русским народом.

Питая глубокое уважение к русскому народу, И. Я. Яковлев твердо верил в его будущее. Он говорил, что чувашский народ, издавна живущий в непосредственном соседстве с великим русским народом, должен быть его историческим спутником и поэтому самым настойчивым образом вводил изучение русского языка в чувашских школах.

2. Дача учителям возможно более широкого русского образования и воодушевление их идеей служения своему народу.

Любовь к русскому народу, желание служить ему И. Я. Яковлев высказывал не раз. Он писал: „По крови, по привязанности к моим бедным и беспомощным сородичам я принадлежу к чувашскому племени, но по духу, по воспитанию, по любви к моему великому отечеству, по всем моим духовным и житейским связям и по моей службе я чувствую себя членом великой русской семьи, болел и болею ея горестями, радовался и радуюсь ея радостями.

Мое происхождение и мое воспитание определили характер и направление моей деятельности. Я поставил своей жизненной задачей служить делу сближения русского народа с одной из включенных в него историческими судьбами национальностей—чувашами...

Восточные инородцы—незначительные спутники великого мирового тела русского народа... следуют ему и его исторической орбите, его счастье—их счастье, его горе—их горе, его будущее—их будущее...“*

3. Подготовка хороших в педагогическом и методическом отношениях специалистов.

Курс педагогики И. Я. Яковлев вел сам. В учебной работе Симбирская учительская школа руководствовалась педагогическими высказываниями великого русского педагога Константина Дмитриевича Ушинского и других видных представителей прогрессивной педагогической мысли. В частности, идея Ушинского о воспитании человека, связанного с народом, воспитании

---

* Госархив Ульяновской обл., фонд 835, д. № 4. Цитируется по рукописному фонду Чуваш. НИИ.

привычки и любви к труду нашли должное всестороннее отражение в работе Симбирской школы.

Соответственно этим задачам и был построен учебный план школы с 6-летним обучением (с 2-х годичным обучением в каждом классе) на базе начальной школы. В учебном плане школы были: закон божий, русский и церковно-славянский языки, логика, арифметика и геометрия, история, география, физика, химия, естествознание, чистописание, черчение и рисование, педагогика, сельское хозяйство, труд, пение.

Главное внимание после вероучения отводилось русскому языку.

В отчетах школы за 1875/76, 1892/93 и 1912/1913 учебные годы о русском языке говорится, что целью изучения русского языка является научить правильно, толково, связно говорить и ясно выражать письменно свои мысли; сообщить воспитанникам знание русской грамматики; познакомить их с образцовыми произведениями русской литературы, и, наконец, с методами преподавания русского языка.

Русский язык в школе изучался наглядно-переводным методом. Надо сказать, что он применялся весьма умело, его преимуществом было то, что он развивал в учащихся любовь к русскому языку, знание которого у чуваш считалось признаком культурности.

Следует сказать, в интересах справедливости, что Симбирская школа в изучении русского языка достигла хороших результатов.

О необходимости изучения русского языка И. Я. Яковлев говорил и в другой связи. После реформы 60-х гг. темпы развития промышленности в России резко усилились, стала быстро внедряться машинная техника производства, понадобились новые рабочие руки. И это изменение не осталось незамеченным И. Я. Яковлевым, он и в этом случае подчеркнул необходимость знания русского языка для приобщения чуваш к развивающейся технике промышленного производства, транспорта и т. д. И. Я. писал: „Русский язык при теперешнем все увеличивающемся спросе на труд, на рабочие руки, делается для инородцев столь же необходимым, как свет или воздух. Без знания русского языка они осуждены на гибель, это ясно сознают все те, кто близко соприкасается с инородческим делом".*

Неплохо было поставлено в Симбирской чувашской учительской школе преподавание истории и географии. В целях закрепления географических и исторических сведений в 1896 году под руководством Ивана Яковлевича проведена была экскурсия в Нижний-Новгород (ныне г. Горький), где экскурсанты в количестве 50 человек посетили Всемирную выставку. Далее они побывали в Москве, посетили Третьяковскую галлерею, поднимались на колокольню Ивана Великого, были в оружейной палате, в Грановитой палате, посетили Сергиевскую лавру, а потом выехали в Петербург (Ленинград). Здесь они видели Петропав-

* Рукописный фонд Чуваш. НИИ. Инв. № 184, л. 113.

ловскую крепость, были на монетном дворе, в белокаменном дворце Петра I, на площади, где был убит бомбой народовольцев царь Александр II.

Из Петербурга экскурсия последовала в Ярославль, где экскурсанты посетили льняные фабрики, познакомились с работой ткачей и ткачих у машин. Затем экскурсанты побыли в г. Костроме, где посетили Ипатьевский монастырь, в котором в свое время находился царь Михаил Федорович.

Большое место в школе уделялось пению. Это исходило из стремления научить каждого оканчивавшего школу и идущего в народную гущу, на работу в школу, игре на скрипке и управлению хором. Эта традиция Симбирской школы не потеряла своего значения и в наши дни.

Большое место в Симбирской чувашской учительской школе занимал сельскохозяйственный труд. По сельскому хозяйству проводились курсы для учителей. Все это делалось для того, чтобы учителя могли давать крестьянам необходимые советы, приобщать их к научным знаниям. В этих целях была организована сельскохозяйственная ферма при Симбирской чувашской школе, где учащиеся вели практическую работу. Так, в 1913 году учащимися школы было посажено 414 яблонь, 2 тыс. дичков, 100 штук роз, засеяна $^1/_4$ десятины морковью и свеклой, посажено 7 десятин картофеля, завезено 68 возов лесной земли.

Хорошо поставленное столярное, переплетное, токарное дело при школе, кроме учебного, имело также хозяйственное значение в силу ограниченности средств, отпускавшихся на содержание школы.

Педагогика, формировавшая учителя начальной школы как педагога, изучалась в 3 кл. В курсе педагогики основной упор делался на изучение учебника начальной школы. Касаясь режима, порядка, дисциплины, можно привести воспоминания Колпакова В. И., который в своем очерке, посвященном Симбирской школе, пишет, что в Симбирской школе установлен был строгий режим. За поведением учащихся очень строго следили, особо строго преследовалось курение, в силу чего только единицы позволяли себе курение. Появление в нетрезвом виде влекло к немедленному исключению. Поэтому за 12 лет (с 1891 по 1903 гг.) был зафиксирован лишь один факт исключения из школы. Он же рассказывает о следующем распорядке дня: вставали в 7 часов утра; 30 мин. отводилось на утренний туалет и молитву; 1 час на гимнастику в строю, завтрак, состоявший из одного первого мясного; с 9 до 15 часов уроки, обед из 2-х блюд; отдых или прогулка до 17 часов, с 18 до 21 ч. ручной труд, спевки, сыгровки на скрипках, приготовление уроков. В 21 ч.—ужин из 2-х блюд, вечерняя молитва, после чего открываются спальни общежитий и в 22 ч. гасят лампы. В праздничные дни распорядок несколько менялся.

Жизнью и деятельностью Симбирской чувашской учительской школы интересовался И. Н. Ульянов. Живя и работая в Сим-

бирске, он часто посещал ее. При его активном содействии открыты Ходаровская школа Курмышского уезда (ныне Ходаровская средняя школа Шумерлинского района), Больше-Арабузинская школа Буинского уезда (ныне Первомайская средняя школа Первомайского района), Порецкая учительская семинария и др.

* * *

Симбирская чувашская учительская школа пропагандировала новые педагогические идеи и методические приемы обучения детей в чувашской школе. Эта деятельность Симбирской школы, если иметь в виду отсутствие других путей и центров методической работы с учительством, особенно ценна. Учителя работали в школах в большей части по одному, больших коллективов учителей как теперь не было, поэтому методическая работа Симбирской школы со своими выпускниками-учителями имела большое значение.

И. Я. Яковлев упорно работал по распространению среди учителей педагогического опыта и достижений Симбирской школы как путем письменной связи, так и путем личного общения с учителями во время своих двухразовых выездов в течение учебного года для инспектирования.

И. Я. Яковлев как инспектор с хорошей педагогической и методической подготовкой, как непосредственный учитель абсолютного большинства учителей чувашских начальных школ, несомненно, оказывал учителям ценную помощь, в результате чего чувашские школы среди школ Казанского учебного округа считались лучшими. Так, например, И. Н. Ульянов, производивший испытания в некоторых чувашских школах, в своем отчете за 1872 год писал, что „ученики Ходаровского училища, благодаря стараниям и усердию учителя, успешно справляются с программой обучения, понимают выученный материал и умеют изложить его своими словами"*.

А. К. Кирпичникова, окончившая Симбирскую учительскую школу и работавшая учительницей на родине И. Я. Яковлева в деревне Кошки-Новотимбаево Буинского уезда, в своих воспоминаниях о И. Я. Яковлеве пишет: „Бывало, когда приедет с ревизией в школу, просит спеть светскую песню. Один раз спели ему марш Петра Великого „Преображенцы удалые". Он дал хору 5 рублей золотом, ученицы поблагодарили его. Я купила им на эти деньги беленькие платочки...". Школы стали родными чувашскому народу, они как культурные очаги в деревне завоевали большой авторитет среди народа. И. Я. Яковлев имел все основания писать, что „чувашская школа Поволжья приобрела прочное значение, стала среди оценивших и полюбивших ее чувашей могучей нравственной и умственной силой**.

* *Н. И. Алпатов.* Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова, стр. 96.
** „Русская школа" № 7, 1894 г., стр. 303.

Большая заслуга Симбирской чувашской учительской школы и ее руководителя И. Я. Яковлева заключается в организации женского образования. Глубокое педагогическое чутье И. Я. Яковлева подсказало ему мысль о необходимости обучения женщин с учетом специфических обязанностей, выполняемых женщинами в семье, с учетом ее особого положения в обществе. В 1878 г. при Симбирской школе было открыто женское отделение, преобразованное в 1890 году в женское училище. В учебный план женского училища, кроме общих предметов, были включены домоводство (домашнее хозяйство), уход за детьми, рукоделие. Женское училище, организованное по примеру существовавших тогда женских школ, в частности школы П. П. Максимовича в гор. Твери, открытой в 1870 году, несомненно, сыграло большую роль. В своих воспоминаниях бывшая воспитанница Симбирской школы А. Мартыновская (ныне учительница Мартынкинской семилетней школы, Красноармейского района) пишет, что в период ее пребывания в Симбирской школе, с 1911 по 1917 год, девочек обучалось около 300 человек.

К числу замечательных мероприятий, проводившихся Симбирской школой, следует отнести созыв учительских съездов и педагогических курсов при самой школе. Съезды учителей, окончивших Симбирскую школу, по мысли их руководителей, должны были осуществлять новую форму деятельности—собирание и обобщение накопленного Симбирской школой и местными учителями опыта. В г. Цивильске в 1882 году состоялся I съезд учителей Цивильского уезда. В 1883 году состоялось два съезда: в с. Бичурине при двухклассном училище (ныне Октябрьского района) для учителей Чебоксарского уезда и в Аликове—для учителей Ядринского уезда. Курсы-съезды учителей происходили также при Симбирской чувашской учительской школе.

На всей работе съездов и курсов-съездов, судя по обсуждавшимся на них вопросам, и по тому, что в качестве докладчиков привлекались лучшие учителя Симбирской школы, лежит отпечаток строгой деловитости, целеустремленности, конкретности в постановке организационных и учебно-методических вопросов обучения детей в чувашских школах. Указанные съезды и курсы в своих работах особое место отводили изучению русского языка в чувашских школах. Это и понятно, поскольку обучение детей русскому языку в нерусских школах всегда являлось наиболее сложным делом.

Подобные съезды учителей происходили и в других областях. Даже министерство народного просвещения вынуждено было признать, что на съездах „благодаря свободному обмену мнений, выясняются и устанавливаются правильные взгляды на способы преподавания, дисциплинарные и административные меры и другие вопросы школьной администрации, педагогики и дидактики“*.

---

* *С. В. Рождественский.* Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения (1802—1902). СПБ. 1902, стр. 431—432.

На педагогических курсах при Симбирской чувашской школе в 1891 году в результате серьезного обсуждения было выработано недельное расписание 4-летней начальной школы.

Наименование предметов		Число уроков, занимаемых учителем и самостоятельных по годам обучения					
		1 год		2 год		3 год	4 год
		I пол.	II п.	I пол.	II п.		
1. Закон божий	Уроки заним. учителем	3	3	3	3	3	3
2. Обуч. грам. на родн. яз. и обуч. рус. гр.	Уроки самост.	—	—	—	—	—	—
	Заним. учител.	5	8	—	—	—	—
3. Русское чтен.	Уроки самост.	3	5				
	Заним. учит.	—	—	5	4	4	4
4. Письмо и правописание	Уроки самост.	—	—	3	4	4	3
	Заним. учит.	2	2	3	2	2	3
5. Слав. чтение	Уроки самост.	4	4	6	7	6	6
	Заним. учител.	—	—	2	1	1	2
6. Арифметика	Уроки самост.	—	—	—	1	1	1
	Заним учител.	2	2	3	3	3	3
7. Чтение книг религиозно-нравственного содержания на родн. языке	Уроки самост.	—	3	3	3	3	3
	Заним. учит.	—	—	2	2	2	2
8. Церковное пение	Уроки самост.	—	—	2	2	3	2
	Заним. учит.	2	2	2	2	2	2
Итого:	Заним. учит.	14	17	20	17	17	19
	Самостоят.	10	12	14	17	17	15*

Упомянутое расписание, несомненно, явилось весьма серьезной помощью местному учительству в их практической работе. Впоследствии созыв подобных курсов учебным округом не разрешался. Видимо, в них видели мероприятия, несовместимые с интересами правительства. (Последний раз курсы-съезды состоялись в 1891 году).

Эта форма работы, практиковавшаяся Симбирской чувашской учительской школой с целью обобщения педагогического опыта, распространения новых, более совершенных методов работы не потеряла значения и в наши дни.

Одним из замечательных дел И. Я. Яковлева является создание чувашского алфавита, давшего основу для развития письменности на чувашском языке, а отсюда чувашской литературы.

И. Я. Яковлев на основе нового алфавита создал букварь для чувашских школ с привлечением богатого фольклорного

* Расписание извлечено из рукописного фонда Чув. НИИ.

материала. Этот букварь при всех его недостатках имел неоценимое значение в распространении грамотности среди чувашского населения.

Одновременно И. Я. Яковлев высказал свои мысли и в части работы с этим букварем. 20 февраля 1872 года, по выходе в свет букваря, Яковлев писал Рекееву: „При этом я посылаю 10 экз. учебников на чувашском языке. Надобно уметь пользоваться этой книгой. Ты, во-первых, сам научись читать с толком и со смыслом. Прочитай не раз внимательно всю книгу, вникни во всякое слово, потом можно надеяться, что будешь читать скоро и со смыслом. Надобно всех мальчиков научить читать по этой книге, потом надобно им непременно диктовать из этой книги, чтобы они научились скоро и правильно писать по-чувашски. Пусть мальчики пишут теми самыми буквами, которые здесь употребляются“*.

В деятельности Симбирской чувашской учительской школы и ее руководителя И. Я. Яковлева было много трудностей. Административный произвол представителей царской власти, ограничение и подавление прогрессивных начинаний, многочисленные доносы официальных лиц „о политической неблагонадежности“ Яковлева и его коллег были постоянными спутниками этой школы и И. Я. Яковлева.

Правительство до некоторой степени мирилось, пока школа еще не окрепла, не имела сильного влияния на население, но стоило ей окрепнуть и превратиться в реальную силу в деле распространения знаний и света в народе, она стала слыть в официальных кругах опасной для правительства. При всех искусственно создаваемых трудностях школа терпеливо и упорно переносила эти трудности, развивалась и находилась на уровне образцовых педагогических учебных заведений, была близкой народу, известной далеко за пределами Симбирской губернии.

Симбирская школа выделялась тем, что там был установлен глубоко продуманный порядок как в интернате, так и в учебных занятиях, в системе внеклассных мероприятий, в организации досуга и т. д. Достаточно сказать, что в 1913 году силами учащихся была поставлена опера „Иван Сусанин“. Воспитанникам и воспитанницам прививали чувство ответственности и требовательности к себе и к товарищам, доверие и уважение к своим преподавателям.

* * *

В данное время более 100 человек бывших воспитанников Симбирской чувашской учительской школы работают в школах республики, со знанием своего дела, с глубокой любовью относятся к школе и детям. Многие питомцы Симбирской школы работают в научных учреждениях, в высших школах и советских учреждениях. И что интересно отметить—это их

* Госархив Ульяновской обл., 660, л. 103—104. Цитируется по рукописному фонду Чуваш. НИИ.

яркие, глубоко волнующие воспоминания о Симбирской школе, об И. Я. Яковлеве и других учителях.

„Наше отношение к Ивану Яковлевичу,—вспоминает быв. воспитанник Чувашской школы, ныне гвардии генерал-майор тов. З. Трофимов,—можно было охарактеризовать так: мы любили его, как отца и боялись так же, как отца. Он по отношению к нам был строг и ласков, как настоящий отец. Свыше трех десятков лет прошло с тех пор, как я покинул стены любимой школы и ученическую куртку сменил на солдатскую шинель. Но до сих пор с любовью храню в сердце память о родной школе“.

„Переступив порог школы, каждая воспитанница попадала в обстановку одной большой семьи, семьи, спаянной общими интересами, общим руководством—заботливым, внимательным и чутким к запросам и нуждам своих питомцев“,—пишет бывшая воспитанница Симбирской чувашской учительской школы Порфирьева-Артемьева.

Следует отметить, что в Симбирской школе подготовка учителей происходила на основе использования передовой, прогрессивной педагогической мысли, путем установления тесной связи теории воспитания с педагогической практикой.

Несмотря на то, что Симбирская чувашская учительская школа была стеснена рамками ограниченных программ, И. Я. Яковлев и учителя школы выходили из рамок программ. Так, например, литература вовсе не упоминается в учебном плане, она проходилась одновременно с изучением русского языка и путем внеклассных занятий, и по всем данным не меньше, чем в объеме гимназического курса.

И. Я. Яковлев не стоит среди революционеров, и ни по убеждению, ни по характеру своей долголетней деятельности он им не был. Но независимо от этого, будучи повседневно связан с народом, он видел окружавшую его темноту и невежество, выражал глубокое возмущение существовавшей социальной несправедливостью и искренне желал открыть путь народу через просвещение.

Общественность по достоинству оценила роль И. Я. Яковлева и Симбирской школы в просвещении чуваш. В 1908 году была отмечена дата 40-летия Симбирской чувашской школы. Многочисленные телеграммы из самых отдаленных уголков с выражением чувств благодарности и горячих пожеланий ярко продемонстрировали связь Симбирской чувашской школы с народом, глубокое чувство уважения народа к своей школе.

В 1928 году общественность отметила 60-летие существования Симбирской чувашской учительской школы и 80-летие со дня рождения ее создателя и руководителя И. Я. Яковлева. Этот юбилей застал И. Я. Яковлева глубоким стариком, он жил тогда в Москве у своего сына. Нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский, председатель торжественного заседания, дал высокую оценку роли Симбирской чувашской учительской школы и деятельности И. Я. Яковлева, пронесших светоч культуры через мрак царского самодержавия. А. В. Луна-

чарский в своей телеграмме Ульяновским чувашским педагогическому и сельскохозяйственному техникумам писал: „Чувашские трудовые массы в условиях неслыханного угнетения в прошлом сумели заложить первые основы массовой грамотности и национальной письменности и школы. Великий выходец из самых бедняцких слоев чувашского крестьянства Яковлев и его соратники, также выходцы из крестьян, в течение полувека работали и боролись за массовую культуру чувашских трудящихся. Полувековая работа по национальному подъему чувашского народа подготовила миллионные чувашские трудящиеся массы принять активное участие в Великой Октябрьской революции“*.

Советская общественность, люди нового поколения, активные строители коммунистического общества, свидетели всемирно-исторических побед в нашей стране во всех областях народного хозяйства и культуры, защитившие честь и независимость своей любимой отчизны в борьбе с немецким фашизмом, с полным сознанием значения Симбирской чувашской школы отдают свою дань уважения ей и ее основателю И. Я. Яковлеву.

Обозревая славный путь, пройденный Симбирской чувашской учительской школой и отмечая много поучительного и положительного для нас в ее работе, мы, конечно, далеки от идеализации ее, от признания за благо всего того, что в ней было.

Наследие Симбирской чувашской учительской школы—это живое дело живых людей, представленных в многочисленных уголках Чувашской республики и далеко за ее пределами.

Симбирская чувашская школа и И. Я. Яковлев заслуженно пользовались уважением чувашского населения, которое добрую память о них достойно чтит и в настоящее время.

После Великой Октябрьской социалистической революции на базе Симбирской чувашской школы был создан Институт народного образования—первое высшее учебное заведение в истории чувашского народа.

Учитывая прогрессивную роль Симбирской школы в просвещении чувашского народа и ту близость, которая установилась между населением и школой в течение полувековой деятельности школы и ее руководителя И. Я. Яковлева, Президиум ВЦИК в 1922 году своим постановлением за подписью М. И. Калинина все имущество Симбирской школы передал из ведения Симбирского губисполкома в ведение чувашских трудящихся масс в лице ЦИК Чувашской Автономной области.

Великая Октябрьская социалистическая революция, освободившая народы от векового угнетения, предоставила широкие пути всем народам СССР, в том числе и чувашскому, для расцвета культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. За годы советской власти на основе ленинско-сталинской национальной политики чувашский народ добился

* Госархив Чуваш. АССР., д. № 75, опись 26, л. 91.

гигантских успехов как в области хозяйственного, так и культурного строительства.

И. Я. Яковлев, будучи не революционером, не мог знать того, что только социалистическая революция, советская власть могут с корнем уничтожить социальную несправедливость и перестроить жизнь на новых социалистических началах. Но он твердо верил в приход новых сил, которые смело и уверенно пронесут знамя культурного подъема своих соплеменников — чуваш. Эти силы пришли благодаря Великому Октябрю, благодаря советской власти, благодаря руководству коммунистической партии и ее вождей Ленина и Сталина.

А. ШАЛФЕЕВА

И. Я. ЯКОВЛЕВ—ИНСПЕКТОР ЧУВАШСКИХ ШКОЛ

I.

Незадолго до начала педагогической деятельности И. Я. Яковлева, в 1864 году, правительство Александра II издало новое „Положение о начальных народных училищах“. Это положение не изменило курса царского правительства на ограниченное содержание начального образования, а попрежнему оставляло народную школу под влиянием дворянства и духовенства. Тем не менее оно было все же некоторым шагом вперед, так как давало возможность участия новых общественных учреждений—земств в открытии школ и в управлении ими.

Это позволило и Яковлеву от организации школы для чувашских детей на свои средства перейти к более широкому охвату их обучением за счет средств, собранных в порядке пожертвований.

В 1875 году, после окончания курса университета, Яковлев был допущен к исполнению обязанностей инспектора чувашских школ Казанского учебного округа. И только через 8 лет, в 1883 году, Яковлев утверждается инспектором чувашских школ Казанского учебного округа, охватывавшего Казанскую, Симбирскую, Самарскую, Саратовскую и Астраханскую губернии. С этого момента и основанная им чувашская школа в официальном порядке была передана под его непосредственное руководство.

И. Я. Яковлев целиком отдался этой работе. Всю свою дальнейшую деятельность он посвятил делу просвещения чувашского народа, приобщения его к культуре русского народа.

Еще в юные годы зародилась у И. Я. Яковлева страстное стремление помочь чувашскому народу в его просвещении, возникла идея создания в Симбирске чувашской школы. „Сложилось у меня убеждение,—писал Яковлев,—вначале может быть инстинктивное, что просвещение чуваш может итти успешно не иначе как посредством школ и при посредстве людей, вышедших из среды самих чуваш“.

В первое время у Яковлева не было ясной, определенной и последовательной программы действий. В своей переписке с попечителем Казанского учебного округа он отмечает: „Этой программой наделил меня Н. И. Ильминский...“

Яковлев использовал опыт работы Казанской центральной крещено-татарской школы Ильминского.

Несмотря на то, что хотя сам Яковлев был убежден в том, что он является последователем Ильминского, „просветительные идеалы Яковлева и организованные им образовательные учреждения существенно отличались от идей и дел Ильминского“*.

На педагогических взглядах И. Я. Яковлева сказалось сильное влияние отца В. И. Ленина—Ильи Николаевича Ульянова, работавшего тогда инспектором народных училищ Симбирской губернии. Илья Николаевич считал необходимым давать детям нерусской национальности светское образование. Считая мордву, чуваш и татар способными к образованию и нуждающимися в школьном обучении, Илья Николаевич много работает над открытием школ в тех селениях, где их не было, над улучшением состояния существующих училищ. Будучи личным другом и ближайшим соратником Ильи Николаевича, И. Я. Яковлев часто делился с ним своими мыслями об образовании чувашских детей и об устройстве для них школ и всегда встречал со стороны Ульянова необходимую поддержку.

Так, под влиянием, с одной стороны, одного из наиболее прогрессивных педагогов того времени И. Н. Ульянова и в известной мере деятеля в области просвещения нерусских национальностей Н. И. Ильминского, с другой стороны, складывались педагогические взгляды будущего просветителя чуваш—Ивана Яковлевича Яковлева.

II.

Права и обязанности инспектора чувашских школ были определены в распоряжении попечителя Казанского учебного округа Шестакова от 28 августа 1875 года. В этом распоряжении Шестаков писал И. Я. Яковлеву: „Не изъемля чувашские школы из ведения директоров и инспекторов народных училищ, я поручаю Вам следить за ходом преподавания в этих школах, снабжать учащих в оных указаниями, которые могли бы служить к более успешному ходу развития учеников-чуваш. Главная Ваша задача должна клониться к тому, чтобы чувашские начальные школы имели учителей подготовленных, знающих язык своих учеников и могущих вести преподавание согласно указаниям журнала Совета Министра Народного Просвещения 2 февраля 1870 года № 42. Вообще о преуспеянии чувашских школ Вы должны заботиться сообща с директором и инспектором народных училищ, с которыми и прошу Вас входить по вопросу о школах в непосредственные сношения“**.

Одновременно И. Я. Яковлев этим же распоряжением был назначен инспектором Симбирской чувашской учительской школы.

---

* Журнал „Советская педагогика“ № 7, 1946 год, стр. 81.

** Госархив Чув. АССР, фонд 207, № 11, лист 2.

К моменту назначения И. Я. Яковлева инспектором чувашских школ чувашское население губерний, входивших в Казанский учебный округ, было почти поголовно безграмотное. В округе было весьма небольшое количество школ. Чувашское население к этим школам относилось недоверчиво и даже враждебно, воздерживалось от посылки в них своих детей, так как обучение было поставлено из рук вон плохо, а к учащимся применялись всякого рода телесные наказания. В связи с этим чувашские школы очень часто комплектовались учащимися в принудительном порядке.

Такое тяжелое наследие в деле школьного образования ставило Яковлева, как инспектора чувашских школ, в затруднительное положение. Надо было добиться того, чтобы чувашское население поняло пользу школьного образования, надо было изжить недоверчивое отношение к школе, создать чувашской школе авторитет среди населения. Этого можно было добиться хорошо поставленным обучением в школе, которое бы вели достаточно подготовленные учителя из чуваш. Требовалась упорная работа по усовершенствованию чувашских школ, по обеспечению их кадрами учителей, учебниками и пособиями. Наряду с этим, надо было неуклонно расширять сеть школ, чтобы школьное образование могло действительно способствовать культурному подъему чувашского народа.

Разрешению этих благородных задач и посвятил свою инспекторскую деятельность И. Я. Яковлев.

III.

И. Я. Яковлев, вступив в должность инспектора, провел ряд существенных мероприятий по улучшению работы чувашских школ.

До Яковлева чувашские школы Казанского учебного округа занимались по программе, принятой для русских школ, и имели трехлетний курс обучения. Занятия велись на русском языке. Основное место в учебном плане занимал закон божий. Обучение грамоте учащихся велось по букварю, созданному первым инспектором чувашских школ Казанского учебного округа Н. И. Золотницким и изданному в 1867 году под названием „Чуваш кнеге“. Букварь этот был напечатан с использованием русского алфавита и добавлением к нему ряда дополнительных знаков для обозначения некоторых специфических звуков чувашского языка.

Еще до вступления И. Я. Яковлева в должность инспектора чувашских школ им был издан „Букварь для чуваш“, составленный на основе нового алфавита, разработанного самим Яковлевым при активном участии студента-филолога В. А. Белилина.

Работая над проблемой усовершенствования чувашской школы И. Я. Яковлев пришел к выводу о необходимости удлинения срока обучения в чувашских школах в связи с тем, что учащиеся-чуваши обязаны изучать в школе два языка—чуваш-

ский и русский. Им был разработан тип начальной школы с 4-х летним курсом обучения. По мнению Яковлева только такие школы могли встать на уровень с русскими 3-х летними начальными школами.

Имея в виду ограниченность контингентов детей, поступающих в школу, и недостаток учителей, И. Я. Яковлев выдвинул и осуществил правила приема учеников в школы один раз в два года. Таким образом, школы имели в один год первый и третий классы, в следующий год—второй и четвертый классы. Выпуск из школ производился не ежегодно, а через год.

Серьезное значение Яковлев придавал содержанию и методам обучения в школе. В этом он неуклонно следовал указаниям И. Н. Ульянова, считавшего необходимым давать детям нерусской национальности светское образование. Следуя советам И. Н. Ульянова, Яковлев не пошел по пути распространения церковно-приходских школ, а придал чувашским школам достаточно широкий общеобразовательный характер, стал применять в чувашских школах программу земских школ и строить учебную работу в них на основе передовых педагогических принципов.

В учебный план чувашской школы были включены, кроме обучения грамоте на родном языке и обучения русской грамоте и закона божьего, русский язык, арифметика, пение, славянское чтение, чтение на родном языке, письмо и правописание. Во внеклассном порядке велась работа по садоводству, огородничеству, а с девочками — по рукоделию.

По арифметике проходились четыре действия с решением задач на именованные числа, квадратные и кубические меры.

Русский язык являлся главным предметом обучения в чувашских школах, он служил средством приобщения чуваш к русской культуре.

Преподавание русского языка в школах, подведомственных Яковлеву, строилось на следующих принципах: в основу изучения ставилась разговорная речь; чтение и письмо являлись дополнением к разговорным урокам. Все обучение проводилось при помощи родного языка, наглядно-переводным методом. „Желательно,—писал Яковлев,— чтобы в чувашской школе обучение русскому языку велось не исключительно по книге, а чтобы на уроках русского языка возможно шире применялась устная разговорная речь“*.

Изучение русского языка начиналось разговорными уроками. Когда у учащихся приобретался некоторый навык в русской речи, разговорные уроки постепенно соединялись с уроками чтения и письма. Главное внимание в письменных работах обращалось на уменье понятно и грамотно выразить мысль. Грамматические сведения давались во время разговорных уроков, при объяснительном чтении и в связи с письменными работами.

И. Я. Яковлев требовал, чтобы уроки русского языка про-

---

* Букварь для чуваш, стр. 185.

водились только на русском языке. К родному языку он советовал прибегать только в исключительных случаях, особенно в начальном периоде обучения, в целях объяснения и перевода отвлеченных и трудных русских слов. В старших классах весь урок должен проходить только на русском языке.

Большое внимание уделялось развитию русской речи учащихся. Главной формой работы в этом отношении были разговорные уроки. При проведении этих уроков серьезное внимание обращалось на последовательность в подборе материала. Затем старались добиваться бойкого и выразительного чтения с пересказом прочитанного. Большое место в работе учителей занимало объяснительное чтение.

Для изучения родного языка и разговорной речи применялся составленный Яковлевым „Букварь для чуваш". Учебник этот состоял их двух частей. Первая часть букваря назначалась для изучения чувашского языка и являлась букварем и первоначальной книгой для чтения. Эта книга была рассчитана на одновременное обучение чтению и письму. В основу обучения были положены принципы наглядности и сознательности. Рассказы для выразительного чтения располагались по степени трудности. В конце книги имелся русский отдел с азбукой и фонетическими упражнениями. Русские буквы располагались в порядке, удобном для прохождения их чувашскими детьми. Ценнейшим разделом русской части книги являлись фонетические упражнения, дававшие возможность тренировать учащихся в правильном произношении таких звуков и звуковых сочетаний русской речи, которые являются трудными именно для чуваш вследствие особенностей строя чувашского языка.

Во второй части „Букваря для чуваш" содержался тщательно составленный и систематизированный материал для разговорных уроков по русскому языку.

В отчетах преподавателей школ, в частности преподавателя Симбирской чувашской школы Новинского, говорится о том, что изучение статей велось следующим приемом: „Сначала прочитывалась известная статья в классе одним и несколькими учениками, затем учителем объяснялись непонятные слова и выражения, а иногда и повод к написанию статьи, затем статья рассказывалась прочитавшими ее учениками и отыскивалась ими, под руководством учителя, главная идея. Давалось некоторое понятие о видах словесных произведений. Средний успех учеников по русскому языку можно назвать удовлетворительным".

Серьезное внимание уделялось сочинениям. Уже во втором классе ученики писали сочинений 12 на разные темы, каждое сочинение задавалось на 10—15 дней. Этим создавалась возможность для тщательной подготовки каждого учащегося. Кроме этого, Яковлев добивался, чтобы учителя практиковали изложение своими словами содержания той или другой басни (т. е. обратить стихотворную статью в прозаическую и определить их смысл). Все это положительно сказывалось на развитии устной русской речи чувашских детей.

На изучение учениками басен наизусть и письменное их переложение обращалось особое внимание еще и потому, что в них „под общедоступной и общепонятной фабулой заключается известная нравственная истина (нравственные уроки), которую ученики должны были понять и выразить своими словами, указав, при том, примеры из обыденной жизни, особенно из собственного быта. С этой стороны изучаемые басни являлись переходною ступенью к самостоятельным сочинениям и даже к одному из труднейших видов сочинения—рассуждению“ (Из отчета Новинского).

Основной формой занятий Яковлев считал урок. Именно этой формой было обеспечено постоянное руководство со стороны учителя. На каждом уроке, после изложения изучаемого материала и толкового объяснения смысла слов, следовал опрос учащихся, которые должны были повторить его в том же порядке, как и учитель, объяснить правила теми же примерами. Если ученик ошибался, его надо было исправлять. Вся учебная работа на уроке в его школах дополнялась обязательной домашней работой детей, выполняемой по заданию учителя. Выполнению домашнего задания Яковлев придавал исключительное значение. Учитель Марков из Яльчикского района, бывший ученик Яковлева, вспоминает: „Большое внимание уделял домашним заданиям. Не прощал тем ученикам, которые не готовились дома к урокам“.

IV.

Лучшие представители общества высоко ценили труд учителя, считали его роль большой и почетной. Работа учителя в школе зависит от его подготовки, от присущих ему качеств зависят результаты работы школы, т. е. качество знаний учащихся, их мировоззрение, их поведение. Яковлев большие требования предъявлял к учителю. Личность воспитателя он считал самым важным фактором педагогического влияния на молодежь и в этом отношении строго следовал указаниям К. Д. Ушинского, который говорил: „Дитя воспитывается, развертывается умственно и нравственно только под прямым влиянием человеческой личности, и никакой дисциплиной, никакими уставами и расписаниями времени занятий невозможно искусственно заменить влияние человеческой личности. Это плодотворный луч солнца для молодой души, которого ничем заменить невозможно“ (*К. Д. Ушинский*, „Проект учительской семинарии“. Собрание педагогических сочинений, т. I, изд. 3-е, 1909 г.).

Яковлев, как инспектор, предъявлял большие требования к учителю. Он хорошо помнил, что от качества работы учителя зависит и объем знаний учащихся и прочность их. В „Кратком жизнеописании преподавателя Симбирской центральной чувашской школы“ Охотников 18 мая 1888 года писал: „Прежде чем стать преподавателем математики старших классов, нужно было основательно повторить курс математики в объеме гимназического курса“. Затем в декабре 1880 г. Охотников по предложению Яковлева „подвергался в Симбирской гимназии

испытанию по математике на звание учителя уездного училища". Этим его подготовка не закончилась. Ему следовало познакомиться с приемами преподавания и учебниками, более подходящими к ученикам Симбирской чувашской школы. Поэтому первые годы работы в этой школе он занялся изучением методик и руководств и чтением вообще педагогических сочинений. Кроме этого, для расширения кругозора учителя практиковались экскурсии в Москву на педагогические выставки. Такая выставка была посещена Охотниковым в 1882 году, когда он ездил для ознакомления с постановкой учебного дела и обучением ремеслу в учительских семинариях Петербургского и Московского округов.

При окончании семинарии Яковлев с каждым выпускником говорил лично и давал напутственные слова. „Будь здоров, будь хорошим человеком, не жалея сил работай для народа, не останавливайся на полученных знаниях в этой школе, держи связь со школой" (Из воспоминаний учителя Сабанчинской семилетней школы Яльчикского района тов. Маркова).

Большое внимание уделял Яковлев личным качествам, личному примеру учителя. Он говорил, что каждому учителю надо помнить, что он всегда оказывает своим примером воспитательное влияние на детей.

Яковлев подчеркивал, что одним из важнейших нравственных качеств народного учителя является его способность к постоянному совершенствованию, к постоянному повышению уровня своих знаний и к улучшению своего практического опыта. Всю свою жизнь Яковлев систематически поддерживал связь и вел переписку со своими воспитанниками.

За время деятельности Яковлева число чувашских школ дошло до 400. В большинстве этих школ учителями работали воспитанники Симбирской чувашской учительской школы. Их высокое педагогическое мастерство и постоянная помощь им со стороны Яковлева сделали то, что чувашские школы стали лучшими в Казанском учебном округе. Будучи инспектором, он добивался того, чтобы в школах, которыми он руководил, качество знаний было высоким.

По имеющимся материалам Симбирская чувашская школа, будучи официально низшим учебным заведением, считалась ниже гимназии и семинарии, но по курсам логики, педагогики, естествознания и математики была не ниже их, а по сельскому хозяйству и ремесленным классам (по столярному ремеслу) была выше.

Хорошая подготовка Симбирской школой учителей не раз отмечалась в отчетах училищных советов Буинского, Цивильского и других уездов. Об этом же говорят отзывы о школах директора народных училищ Казанского учебного округа Ишерского и директора народных училищ Симбирской губернии Самоситского. Председатель училищного совета Симбирской земской управы Назарьев, экзаменовавший учеников чувашской школы, писал: „Впечатление, вынесенное мною, было самое

отрадное,—это было очевидное торжество новой школы, поборовшей невероятные трудности, сопряженные с обучением русскому языку чувашей"*.

К инспектору чувашских школ Яковлеву обращались земские управы и земства, отдельные учителя и чиновники за помощью в открытии школ в чувашских селениях или в их укомплектовании учительским составом. Так, Бугурусланская уездная земская управа 10 июня 1876 г. обратилась с письмом о том, что в с. Стюхине Бугурусланского уезда открывается школа для чуваш и поэтому требуется учитель, знающий чувашский язык, с окладом 300 руб. в год. Инспектор народных училищ Саратовской губернии 2 августа 1876 г. просит назначить учителя в чувашское село Казанлу Вольского уезда, знающего чувашский язык (одного из воспитанников чувашской учительской семинарии), с окладом 300 руб. в год. На каждое письмо Яковлев аккуратно отвечал и во всех случаях удовлетворял просьбы обращавшихся к нему.

Кроме этого, земские управы, директора училищ и училищные советы, отдельные учителя из разных уездов и губерний обращались с просьбой прислать им разных учебников (особенно букварей для чувашских школ на чувашском языке). И каждый раз Яковлев высылал учебники училищам, сообщал им письменно о высылке учебников.

V.

Как инспектор, И. Я. Яковлев обычно два раза в год выезжал по губерниям, входившим в Казанский учебный округ, для инспектирования чувашских школ, охватывая за каждую поездку до 20 и более школ. Вот один из его инспекторских маршрутов: Тюрлема—Карамышево—Бичурино — Акулево—Чебоксары —Икково—Ишаки—Пихтулино— Тораево — Хочашево — Аликово — Ходары — Яншихово-Норваши — Яльчики — Рунга — Буинск — Кошки-Новотимбаево (его родное село) — Симбирск.

Основным объектом инспектирования по каждому учебному предмету было выполнение учебной программы как с количественной, так и с качественной стороны. Процесс инспектирования был построен так, чтобы выявить результаты выполнения учебной программы. В зависимости от содержания материала того или иного учебного предмета Яковлев судил о степени выполнения программы. Например, применительно к инспектированию в чувашских школах по русскому языку показателями выполнения программы являлись: 1) владение учащимися разговорной русской речью (в пределах программы данного класса), 2) чтение и понимание читаемого, 3) знание основ русской грамматики, 4) умение выражать по-русски письменно свои мысли, 5) знакомство с некоторыми произведениями русской художественной литературы в старших классах.

Владение учащимися чувашских школ разговорной русской речью обусловлено также преодолением трудностей правильного

* *Назарьев.* „Современная глушь". Журн. „Вестник Европы", 1876 г., стр. 190.

соединения слов во фразы, в предложения, уменьем согласовывать слова, употреблять нужные падежи, предлоги. Поэтому Яковлев рекомендовал учить учащихся строить русские предложения из 2—5 слов практически.

Яковлев требовал, чтобы: 1) ученики умели построить предложение из 4—5 членов, правильно расставив слова, 2) умели употреблять нужные формы слов множественного числа, косвенного падежа, 3) умели употреблять предлоги. Умели произносить трудные слова.

При инспектировании школ обращалось особое внимание и на чтение по-русски и понимание читаемого, прежде всего, на моменты самой техники чтения—его правильности, беглости, выразительности, затем способы выражения понимания читаемого. И. Я. Яковлев требовал от учителей при чтении учащихся особо обращать внимание на ошибки учащихся при чтении и учитывать их, требовал обязательного пересказа прочитанного текста.

При изучении русской грамматики он считал главным не заучивание учащимся грамматических определений и правил, а умение пользоваться этими правилами в практике своей речи—устной и письменной, т. е. главным образом, умение правильно строить русские предложения, употребляя для этого нужные слова и нужные формы слов. Самые правила, определения, как и вся грамматическая терминология, следовательно, должны были играть вспомогательную роль.

По развитию письменной речи учащихся требовалась правильность и точность ответа (изложения) по существу, т. е. по содержанию, правильность построения русской речи, орфографическая и пунктуационная грамотность.

Для проверки качества усвоения учащимися учебных предметов Яковлев знакомился с большим количеством работ учащихся (по русскому языку) а также непосредственно наблюдал учебные занятия в классе. В частности, при проверке постановки преподавания русского языка объектами его наблюдения были: урок—как основная форма работы, задания на дом, внеклассное чтение, методы учебной работы, работы учащихся (тетради и др.), учебники и учебные пособия, школьное оборудование и другие условия учебной работы, учитель, его общеобразовательная и методическая подготовка, материалы об успеваемости учащихся.

Знания учащихся Яковлев проверял не по цифровым данным, а по показателям фактических знаний учебного материала. В каждом случае проверки школы сам опрашивал учащихся по всем предметам и только тогда делал соответствующее заключение о качестве знаний учащихся.

При инспектировании школ И. Я. Яковлев пользовался следующими приемами: беседы с руководством и коллективом учителей школы, беседы с учителем обследуемого класса и предмета, изучение документации школы и учителя, наблюдение учебного процесса в целом, наблюдение уроков по отдель-

ным предметам, анализ письменных работ учащихся, беседы с учащимися и пр.

В процессе инспектирования школы Яковлев нередко практиковал проведение уроков с контрольными работами.

В итоге инспектирования школы проводились консультации по вопросам постановки преподавания в порядке текущей помощи учителям, ставились доклады и сообщения на собраниях учителей, на заседаниях педсовета, давались практические советы руководству школы и отдельным учителям.

Каждый выезд в школы обязательно оформлялся в виде письменного документа, по которому можно было судить, как обстоит дело в обследованных школах, что сделано в момент пребывания в школе инспектора и что должно быть сделано в дальнейшем для улучшения работы школы в целом и каждого учителя в отдельности.

Акты обследования школ И. Я. Яковлев оформлял четко и сжато. Из сохранившихся в небольшом количестве актов обследования школ, составленных И. Я. Яковлевым, видно, что в них отмечались лишь самые необходимые сведения о школе (количество учащихся, учебников, материальная база школы и пр.), обязательно во всех случаях давалась оценка отношения учителя к работе, оценка качества его работы, оценивались знания учащихся. Например, в одном из актов от 22 июля 1879 года И. Я. Яковлев пишет: „Учитель Шленский, несмотря на свою серьезную болезнь, припадки которой тогда препятствовали правильному ведению учебного дела, занимается весьма усердно. Кроме занятий в школе с детьми, он вел нравственные беседы, а также посещал их в домах...“

В этом же письме мы видим оценку результатов работы учителя, знаний учащихся: „Письму и чтению ученики обучались совместно, пишут, судя по времени обучения, удовлетворительно. Для чтения употребляется „Букварь для чуваш“, в котором заключается несколько коротеньких рассказов, нравоучительные изречения и общеупотребительные молитвы. Букварь этот прочитан почти весь... По арифметике пишут цифры (в числе их и чтение) и решают некоторые задачи устно, а частью, письменно“.

А вот выписка из ревизионной книги, присланной инспектором народных училищ 3 участка Казанской губернии: „14 февраля 1891 года я ревизовал Аликовское двухклассное училище Министерства народного просвещения. Слушал занятия учителя 1-го класса Васильева, учителя 2-го класса Никитина и учителя пения Алексеева. В 1-ом классе был урок арифметики. Решали задачи (устно и письменно) на числа 1-й степени. Урок веден был правильно, а знания учеников оказались вполне удовлетворительными. Затем я присутствовал на уроке диктовки во 2-ом классе. Диктовалась по книжке Пуцыковича статья „Постоялый двор“. Урок шел правильно. Учитель Никитин обращал внимание на правильность, красоту и чистоту письма, ошибки объяснялись обстоятельно. Наконец, я слушал урок

пения. Учитель Алексеев занимался с учениками 1-го и 2-го класса голосовыми упражнениями на всевозможные интервалы тонов. Упражнения ведутся по руководству Смоленского и Альбрехта. Урок был веден правильно и толково, знания учащихся удовлетворительны".

Большое внимание уделялось Яковлевым хозяйственному состоянию школ. Прием и сдача школы в каждом отдельном случае оформлялись актом.

Инспекторскую работу И. Я. Яковлев сочетал с работой по созданию учебников и литературы для чтения на чувашском языке. Большой его заслугой является создание чувашского алфавита, составление букваря на чувашском языке, который на протяжении 70—90-х годов XIX века был основным первоначальным учебником для чувашских школ и сборником оригинальной литературы на чувашском языке.

И. Я. Яковлев неустанно заботился об усовершенствовании знаний учителей чувашских школ, о росте их педагогического мастерства. В письме к попечителю Казанского учебного округа от 27 февраля 1891 г. Яковлев отмечает, что он считает очень полезным „устройство временных, краткосрочных педагогических курсов для учителей чувашских народных училищ... На курсах учителя могут значительно пополнить свои сведения в преподаваемых ими предметах, познакомиться с лучшими способами обучения и усовершенствования в деле ведения начального обучения.

Для временных курсов по помещению и по имеющимся в достаточном количестве учебным пособиям Симбирская чувашская учительская школа, после Казанской учительской семинарии, представляется наиболее пригодною".

Курсы и съезды учителей для учителей того времени имели большое значение, потому что в то время не было ни методических объединений учителей, ни педагогических кабинетов. И если иметь в виду, что сельский учитель в школе работал один, то станет вполне понятным, какую неоценимую пользу давали они сельскому учителю.

Как правило, курсами и съездами руководил Яковлев, а в качестве методистов приглашались преподаватели Симбирской учительской школы.

В 1882 г. был проведен первый съезд учителей Цивильского уезда. В 1883 году состоялось два съезда, в с. Бичурине, при двухклассном училище, для учителей Чебоксарского уезда и в с. Аликове для учителей Ядринского уезда. В 1884 г. был проведен съезд учителей при Симбирской чувашской школе.

Необходимо обратить внимание на то, что съезды и курсы учителей проводились в наиболее глухих местах (с. Бичурино, с. Аликово, г. Цивильск) вероятно потому, что после 1874 года министерство просвещения стало относиться к этому мероприятию отрицательно, опасаясь проникновения в учительскую среду антиправительственных настроений. Несмотря на это, Яковлевым проведено пять учительских съездов, некоторые из

них проходили как временные педагогические курсы учителей.

На этих съездах обсуждались важнейшие вопросы учебной работы. Курсы-съезды знакомили учителей с новейшими методами преподавания, вооружали их педагогическим мастерством, помогали в улучшении воспитания и обучения детей в чувашских школах. Так, на первом съезде учителей Чебоксарского уезда в 1883 году в с. Бичурине обсуждались важнейшие практические вопросы народного образования. В повестку дня этого съезда было включено 17 вопросов. В том числе вопрос „Об устройстве учебных занятий при 4-х летнем курсе обучения".

Главное внимание на съездах-курсах учителей обращалось на проведение принципов наглядности в учебной работе. Давались открытые уроки с последующим обсуждением их, с применением наглядных пособий и натуральных предметов.

Обсуждался и такой вопрос, как о чтении книг на „инородческих языках". Выступивший по этому вопросу инспектор Казаринов заметил, что „на съезде инспекторов народных училищ Казанской губернии, бывшем в сентябре 1880 года, вопрос о чтении инородческих книг был обсужден по предложению инспектора чувашских школ И. Я. Яковлева, и было решено, согласно его мнению, ввести чтение книг на родном языке во всех отделениях, признано полезным читать инородческие книги даже тогда, когда ученики свободно владеют русской речью"*.

Съезд постановил выделить особые часы для чтения на родном языке во всех классах „инородческих" начальных школ. Яковлев считал, что родной язык учащихся должен использоваться во все годы обучения, и с этой целью он настаивал на введении чтения на родном языке во всех группах обучения.

Последние педагогические курсы были проведены при Симбирской чувашской учительской школе в 1891 году в период с 20 июля по 20 августа. На курсы было командировано 15 учителей начальных училищ Ядринского уезда, а также присутствовало несколько учителей из чувашских школ Симбирской губернии, 7 кандидатов на учительские должности из окончивших курс в Казанской учительской семинарии и 20 учеников 3 класса Симбирской чувашской учительской школы.

Как отмечается инспектором народных училищ 2-го участка Казанской губернии Вишневским в составленном им отчете об этих курсах, „главнейший труд по ведению курсов выпал на долю главного наблюдателя курсов Яковлева И. Я., который, обладая обширной педагогической опытностью, направлял занятия как руководителей, так и слушателей курсов, к последним он относился с истинно отеческой заботливостью".

Вышеозначенные курсы были проведены Яковлевым с максимальной эффективностью для слушателей. В отчете того же Вишневского указывалось, что на курсах были проведены теоретические и практические занятия.

Теоретические занятия состояли в следующем:

* Постановление съезда законоучителей, учителей и учительниц Чебоксарского уезда. Казань, 1884, стр. 32.

1) В беседах руководителей курсов с слушателями с целью ознакомления их с лучшими способами преподавания предметов начальных училищ, 2) в подробном разборе лучших методических руководств и учебников для начальных училищ, 3) в обсуждении конспектов практических уроков, составленных учителями для дачи уроков, 4) в обсуждении данных учителями уроков с указанием их достоинств и недостатков, 5) в обсуждении вопросов о продолжительности учебного года в начальных училищах, 6) в составлении подробного расписания занятий в чувашских училищах, 7) в составлении подробного плана занятий по русскому языку и чтению в чувашских училищах, 8) указании всех родов самостоятельных и письменных работ, даваемых ученикам во всех отделениях школы.

На курсах был составлен список учебников, необходимых для начальных училищ Ядринского уезда, была установлена норма письменных принадлежностей (бумаги, перьев, карандашей и др.) для учащихся.

Главное внимание наблюдателя и руководителей курсов было обращено на правильную постановку преподавания русского языка и русского чтения в чувашских училищах, т. к. в этом отношении местным инспектором народных училищ подмечалось более всего недостатков, особенно у учителей, не получивших специального педагогического образования.

Серьезное внимание было обращено на пение, чтобы учителя училищ сумели правильно обучать учеников пению, для чего ежедневно велись теоретические и практические занятия по пению, 10 учителей обучались игре на скрипке, ибо уменье играть на этом инструменте необходимо для регента.

Врач при Симбирской учительской школе Филатов познакомил слушателей курсов с главнейшими положениями школьной гигиены, что весьма важно знать для учителей начальных училищ.

Преподаватель Симбирской учительской школы Смоленский разъяснил слушателям курсов, как должно быть ведено чтение по учебнику о физических явлениях. Для этого он дал несколько уроков по физике, сопровождая их производством опытов и подробными разъяснениями.

Со слушателями курсов был пройден курс гимнастики, установленный для учительских семинарий, они были ознакомлены с программой гимнастики для начальных училищ. Занятия гимнастикой велись ежедневно по 30 минут. По прохождении курса гимнастики было произведено испытание слушателей курсов.

Практические занятия состояли из образцовых уроков учителей, участвовавших на курсах. Уроки давались в начальной школе, состоявшей из учеников — чуваш, учившихся 2 года, 1 год и совсем неграмотных.

Учителя, дававшие практические уроки, накануне представляли одному из руководителей курсов конспект предстоящего урока, в котором подробно указывались цель и план урока, этот конспект исправлялся руководителем курсов, а затем подробно разбирался и всеми слушателями курсов. Урок давался

в присутствии главного наблюдателя и руководителей курсов и всех слушателей курсов. Все уроки, данные в течение дня, вечером этого же дня подробно обсуждались, причем сначала высказывали свои мнения о достоинствах и недостатках урока слушатели курсов, а затем уже и руководители курсов. Окончательное заключение об уроке давал наблюдатель курсов. Благодаря такому разбору уроков слушатели курсов приучались критически относиться к своим урокам и к урокам товарищей и ими вполне выяснялось, какими достоинствами должен обладать хороший урок и каких недостатков следует избегать при уроках, на что всегда и было обращено внимание слушателей курсов.

20-го августа перед закрытием курсов наблюдатель курсов И. Я. Яковлев обратился к слушателям курсов с краткой речью, в которой он благодарил слушателей курсов за их безукоризненное поведение во все продолжение курсов и за весьма ревностное отношение их к занятиям на курсах, выразив надежду, что учителя, бывшие на курсах, вполне применят на практике те приемы и методы, какие были указаны им на курсах, затем он просил учителей проявлять возможно ревностное отношение к своему святому долгу и не забывать того важного значения, какое имеет начальное училище для народа, а особенно среди инородцев для их просвещения*.

На этих курсах были также обсуждены вопросы организационно-педагогического характера, как-то: о продолжительности учебного года, о расписании уроков, о числе ежедневных уроков в каждом отделении, о чтении русском и чувашском, о письменных работах, об учебниках, об учебных пособиях и принадлежностях.

По вопросу о продолжительности учебного года на курсах пришли к выводу, что с учениками первого отделения необходимо начинать занятия с 1 сентября, а с остальными не позднее 15 сентября. В году должно быть не менее 180 учебных дней, занятия должны прекращаться с 1 июня.

По вопросу о числе отделений в чувашских школах было постановлено: установить четырехлетний курс обучения, вместо трехлетнего в русских школах. Выпуск из школ соответственно приему производить в два года один раз. При одном учителе занимается два отделения.

И. Я. Яковлев писал: „...В чувашских школах, как школах инородческих, внимание учителя очень необходимо для учеников, так как только путем личного устного и постоянного руководства со стороны учителя при чтении и устных беседах возможно научить чувашских детей русскому языку. Никакая книга, никакой словарь сами по себе не в состоянии заменить устной речи учителя, который учит и правильно произносить слова, и правильно читать их в известном сочетании и правильно понимать, и, наконец, понятно рассказывать правильным русским языком. Следовательно, чем менее учитель дает вне сво-

* Госархив Чуваш. АССР, фонд 207, дело № 191 за 1896 г., листы 73—80.

его непосредственного руководства самостоятельных работ чувашским детям, чем более он лично руководит ими в деле обучения, тем успешнее бывает изучение и др. предметов, преподаваемых на русском языке. Необходимой же ступенью к этому изучению является изучение родного языка"*.

Установление четырехлетнего курса обучения в чувашской школе, таким образом, было связано со всем содержанием работы школ. При этом Яковлев особо подчеркивал роль учителя в школе, которого не может заменить никакая книга и никакой словарь.

По вопросу о числе ежедневных уроков в каждом отделении было решено ежедневно, кроме субботы, заниматься по 6 уроков, каждый урок продолжительностью в 50 минут. Занятия в школе должны начинаться с 8 утра и продолжаться до 4 часов дня, с большой переменой с 12 до 2 часов дня. По субботам иканунам праздничных дней заниматься по 4 урока в день. В первом полугодии с младшими учениками заниматься только четыре часа в день.

По вопросу о чтениях на русском и чувашском языках было твердо установлено, что обучение грамоте необходимо начинать на родном языке. В конце первого года обучения приступать к изучению русского алфавита. Дальнейшее обучение вести на русском языке, но учитель может постоянно обращаться к родному языку учащихся с целью лучшего усвоения ими материала. „При ведении русского чтения,— пишет И. Я. Яковлев в отчете о временных педагогических курсах,— в видах сознательного усвоения читаемого инородцами в начальных училищах необходимо пользоваться чувашским языком. Поэтому читаемое по-русски, кроме кратких объяснений отдельных слов и выражений, следует сопровождать переводом и пересказом по-чувашски по частям и в целом".

О письменных упражнениях были даны следующие установки: первые два года обучения ученики упражняются в письме под диктовку отдельных слов и простых предложений, в списывании с книг и переводах русских слов и фраз на чувашский язык. В старших отделениях ученики пишут под диктовку распространенные предложения, приобретают навыки в расстановке знаков препинания, в составлении предложений на отдельные вопросы, излагают прочитанные статьи, выполняют самостоятельные письменные упражнения.

Для чувашских школ рекомендовали следующие учебники: по русскому чтению — „Новая азбука" и все 4 книги Л. Н. Толстого и „Наше родное" Баранова, по чистописанию — прописи Пуцыковича, для первоначального обучения грамоте — „Букварь для чуваш".

При активном участии И. Я. Яковлева в 1899 г. в г. Самаре был проведен съезд учителей по инородческому образованию.

---

* Отчет о временных педагогических курсах, устроенных при Симбирской чувашской учительской школе в 1891 г. для учителей чувашских начальных училищ. Симбирск, 1899 г., стр. 26—27.

Съезд обсудил ряд вопросов, имевших в то время немаловажное значение для дела просвещения нерусских народов Поволжья, в том числе чуваш. Наиболее важным среди них были вопросы о подборе учителей для инородческих школ, о подготовке учителей для школ грамоты. Съезд решил, что самыми подходящими лицами для занятия учительских мест в инородческих школах должны быть сами же инородцы, получившие специальную подготовку и вполне свободно владеющие русским языком.

Съезд подчеркнул, что в инородческих школах обучение необходимо непременно начинать с родного языка и только в конце первого года обучения или даже со второго года приступать к русскому языку.

И. Я. Яковлев, как инспектор, был одним из наиболее передовых деятелей просвещения нерусских народов. В тяжелой обстановке царской России он сумел далеко вперед продвинуть дело просвещения чувашского народа и сделал все возможное для приобщения чуваш к русской культуре. С неутомимым упорством он добивался открытия новых школ, заботился об их благоустройстве, учил учителей наиболее рациональным методам и приемам обучения, завоевывал авторитет школе среди чувашского крестьянства. Разъезжая по глухим чувашским деревням, он беседовал с крестьянами, разъяснял им пользу обучения, созывал сходы для обсуждения вопроса об открытии школ. В своей плодотворной просветительской деятельности он находил поддержку со стороны передовой интеллигенции того времени. Особенно большую помощь во всех его начинаниях оказывал ему инспектор, а впоследствии директор народных училищ Симбирской губернии Илья Николаевич Ульянов.

* * *

Подводя итоги основным моментам организации педагогического процесса в чувашских школах того времени и методическим установкам И. Я. Яковлева, следует отметить, что многое из того, что было разработано и установлено Яковлевым, не устарело и до наших дней. В частности, установки Яковлева в деле организации обучения русскому языку в чувашской школе в значительной своей части до сих пор сохранили свое значение и используются современными школами. Сюда относятся: разговорные уроки, все более и более внедряемые в практику работы современной чувашской школы; место и роль родного языка при обучении русскому языку; требование сознательности в усвоении русского языка учащимися; требование максимальной наглядности в деле обучения учащихся-чуваш русскому языку; признание огромной роли объяснительного чтения на уроках русского языка в чувашской школе.

Одним из наиболее ценных моментов в педагогическом наследстве И. Я. Яковлева является правильное разрешение вопроса о языке первоначального обучения в чувашских школах. Он требовал вести обучение грамоте в школах на родном языке учащихся и придавал родному языку в деле школьного обучения

огромное значение. Он считал, что при помощи родного языка можно развивать, перевоспитывать, пересоздавать старые понятия, делать к ним новые прививки и вводить в них новые элементы, но без помощи родного языка можно только ломать и разрушать их. Он говорил, что язык умирает только вместе с создавшим его народом, и требование, чтобы родной язык народа был забыт, почти равносильно требованию смерти народа.

Из инспекторской практики И. Я. Яковлева наиболее ценными для нас моментами являются: требовательность его к учителям, личный опрос инспектором учащихся школ, проведение в период проверки работы школы проверочных (контрольных) работ, личное проведение инспектором отдельных уроков в школах, связь инспектора с местным населением, с родителями учащихся, творческая деятельность инспектора по разработке вопросов дальнейшего улучшения работы вверенных ему школ, забота о неуклонном росте педагогического мастерства учителей.

Вся долголетняя деятельность И. Я. Яковлева, как инспектора чувашских школ, была полна благородным стремлением вывести чувашский народ из темноты и невежества, приобщить его к передовой культуре великого русского народа. И если чуваши накануне Великой Октябрьской социалистической революции по грамотности населения стояли впереди других народов Поволжья, то этим чувашский народ в первую очередь обязан широкой просветительной деятельности таких людей, как Илья Николаевич Ульянов и Иван Яковлевич Яковлев.

В. Г. ЕГОРОВ
кандидат филологических наук

РОЛЬ И. Я. ЯКОВЛЕВА В СОЗДАНИИ ЧУВАШСКОГО АЛФАВИТА И ЧУВАШСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Старая чувашская письменность начинается с XVIII века. В этом веке в Москве появляется первая печатная грамматика чувашского языка под заглавием „Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка". В конце этого же века в Нижегородской епархии составлены были рукописные переводы вероучительных книг и пятиязычный словарь под заглавием „Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно: россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис". В первой половине XIX века переводы на чувашский язык продолжаются. От этого времени мы имеем переводы четвероевангелия (1820 г.), „Начатков христианского учения" (1832 г.), „Дня святой жизни" (1857), „Книги хвалений или псалтири" (1858 г.) и др. Переводом занималось русское духовенство. Многие священники, выросшие и работавшие среди чуваш, сравнительно хорошо владели чувашским разговорным языком, и епархиальное начальство в нужных случаях, особенно при обнаружении массового отпадения чуваш в магометанство, поручало им переводить на чувашский язык вероучительные и нравоучительные книги. Переводы эти с каждым годом умножались.

Отсюда легко можно заключить, что ко времени выступления И. Я. Яковлева на путь создания новой чувашской письменности существующие переводы составляли уже довольно солидную литературу, и чувашская письменность столь же успешно могла продолжаться и без вмешательства И. Я. Яковлева. Но такое заключение было бы в корне неверно. Хотя указанные книги переводились лучшими знатоками чувашского языка, хотя на эти переводы затрачено было много труда и энергии, но все же они не достигали своей цели. Чуваши их совершенно не понимали. Ошибка заключалась в том, что, во-первых, переводчики из уважения к букве священных книг усвоили систему буквальных, подстрочных переводов. Они переводили русский или славянский текст слово в слово, располагая слова в порядке следования их в оригинале. Поскольку русский и чувашский язык принадлежат к разным системам языков, постольку и словорасположение в них не совпадает. Согласно чувашскому синтаксису русскую фразу нередко приходится переводить с конца, располагая слова в обратном порядке, чем в русском. Кроме того, русский алфавит, принятый в чувашской графике без дополнительных диакритических значков, не в состоянии

был точно передать чувашские звуки. Часто различно произносившиеся слова писались одинаково. Напр.: корак—грач, корак (вм. корăк)—трава; сисем (вм. сисĕм)—чутье и сисем (вм. çиçĕм)—молния; вылля—играй и вылля (вм. вĕлле)—улей и т. д. Сюда нужно прибавить еще своеобразное, неточное произношение русскими чувашских слов. Вследствие указанных причин чувашские переводы с искаженной передачей многих слов представляли собою неудобопонятный и невразумительный текст. Так, в „Начатках христианского учения", на которое русское духовенство любило ссылаться как на образцовый перевод, мы читаем: „Торран посне порьда сьоратна визи-хирялле, тора порняда (сяндалыкрыня) туври нимьдан..." (стр. 10). То же самое находим и в других книгах. Например, в „Псалтыри": „омба, што вул юн туггагганзаня, озал тувать, астувать она, манмасть хисьтярьнызань хойгила сазса" (Пс. IX, 13) и т. д.

В свое время многие отмечали несоответствие этих переводов своему назначению. Напр., Сбоев в своей книге „Исследования об инородцах Казанской губернии" (1856, 1865) пишет: „но всё это переводы подстрочные, в которых мало обращалось внимания на дух языка и на внутренний механизм его... Далее строение и склад речи здесь большей частью не чувашские. Наконец, что всего страннее, переводчики по неизвестной причине боятся употреблять условную форму глагола, столь обыкновенную в устной речи, и без всякой нужды пестрят текст русским „если", тогда как союз этот вовсе неизвестен чувашам..." (стр. 164). Н. И. Золотницкого прямо возмущала эта подстрочная система переводов. Он объявил ей решительную войну: „Поверьте,—пишет он,—что именно от несоблюдения порядка в расстановке слов, согласно требованию чувашского синтаксиса, т. е. от подстрочного перевода с русского, для чуваш совершенно непонятны поучения, говоримые в церквах по-чувашски, и переводы таких книг, как „Кон святой борнызин, али хорав идю сине: епле ман святой борнас?". Даже заглавие это до сих пор еще ни один чувашин не мог перевести мне по-русски или объяснить перифразом по-чувашски. Между тем сколько употреблено труда на такие бесполезные переводы!" (Заметки для ознакомления с чувашским наречием. Вып. I. Казань, 1871, стр. V).

Тяжеловесный, неуклюжий, уродливый язык означенной церковной литературы не имел почти ничего общего с разговорным чувашским языком, он только отталкивал чуваш от этих переводов.

Таким образом, к концу 60-х гг. прошлого столетия, к моменту выступления И. Я. Яковлева на путь просвещения чуваш, чувашская действительность представляла слишком унылую, печальную картину. Безотрадное положение трудящихся чуваш того времени особенно хорошо характеризует финский ученый Альквист, посетивший Чувашию в 1856 г. и побывавший вместе с чувашским этнографом Спиридоном Михайловым в селе Ишаках и в целом ряде других селений тогдашнего Козмодемьян-

ского уезда (ныне Ишлейского и Сундырского районов). Альквист был поражен жалким, бесправным положением чуваш и бесперспективностью языка их. Неизбежность вымирания чувашского языка в ближайшем же будущем казалась ему очевидной и ничем непредотвратимой.

„Чувашский язык, — писал Альквист, — очень благозвучный, и конструкция речи в нем отличается удивительной точностью и замысловатостью. Эти свойства делают чувашский язык достойным лучшей участи, чем оставаясь в настоящем положении, постепенно приходить ему в упадок или продолжать жить только на страницах грамматики. Однако, чувашскому языку мы не можем предсказать счастливой будущности. Хотя среди чуваш очень мало знающих русский язык, а тем более среди женщин, влияние которых на сохранение народного языка несравненно сильнее, хотя чуваши живут сплошной массой и если среди них и попадаются русские, то это непременно или члены церковного причта или же торговцы, хорошо владеющие чувашским языком, но несмотря на все это, чувашский язык в одно прекрасное время может совсем вымереть. Что касается чувашской литературы, преподавания на чувашском языке, управления и суда, то об этом и речи не может быть, не приходится и мечтать. Оригинальной чувашской литературы совсем нет, и даже те немногие книги на чувашском языке, какие имеются, представляют никуда негодные переводы с русского, и если чувашам что-нибудь почитаешь из них, то они обычно отвечают одно: пильместип (не понимаю). В народном образовании ощущается сильнейшая нужда, но оно едва еще зарождается, и коль скоро возникает вопрос об этом серьезно, то преподавание допускается только на русском языке, как это, по крайней мере, было до сих пор. Остается, наконец, власть, начальство, администрация. Последняя до сих пор никогда не пользовалась чувашским языком и еще меньше надежды, чтобы она заговорила по-чувашски когда-нибудь в будущем...“*

Обстоятельства трудовой и самостоятельной жизни рано приучили Ивана Яковлевича к наблюдательности и критическому отношению к окружающей действительности. В качестве землемера побывавший в разных уездах Симбирской губернии и тщательно присматривавшийся к жизни русских и чувашских крестьян, он глубоко переживал тогдашнее безотрадное положение чуваш. ** К тому же это был период 60-х годов. В это время в России начался сильный подъём общественного движения. Прогрессивные идеи властителей дум молодёжи того времени Белинского, Чернышевского, Добролюбова и Писарева

---

* Suomi. Sext. arg. 1856, стр. 249—250; ср. Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Berlin. Bd. XVIII, S. 63. 1858.

** Даже много позднее в письме к Ильминскому от 27 февраля 1883 г. он пишет: „Не отрадную картину представляет нынешнее житье-бытье чуваш. Приходя в близкое соприкосновение, нельзя смотреть без боли в сердце и мучения на их убожество, невежество, крайнюю бедноту и скудость материальную, а более духовную...“

доходили и до глухой провинции и вызывали здесь брожение умов*. Под сильным впечатлением всего виденного и слышанного Иван Яковлевич стал часто задумываться, что ему делать. Ему хотелось сколько-нибудь помочь родному народу, поднять его культурный и экономический уровень, улучшить его правовое положение. Но в то же время он хорошо сознавал свое бессилие в настоящем положении, хорошо понимал, что прежде чем выступить на такое большое и ответственное дело, нужно получить надлежащее образование самому. И вот он после долгих размышлений о своей будущей судьбе в 1867 году 19 лет от роду поступает в V-й класс Симбирской классической гимназии, а по окончании ее в 1870 г. — в Казанский университет.

В бытность свою студентом он знакомится с Н. И. Ильминским. Ильминский об этом рассказывает так: „После этого (т. е. после посещения И. Я. крещено-татарской школы.—*В. Е.*) Яковлев стал ходить ко мне по вечерам в каждую неделю по одному или по два раза, и шли у нас долгие разговоры... Конечно, говорилось постоянно об инородческом образовании и о необходимости родного языка в образовании каждого инородческого племени...“**.

Встречи с Ильминским способствовали дальнейшему укреплению намерения Ивана Яковлевича работать по линии культурного развития чуваш. И он с первого же курса начинает подготовляться к будущей своей деятельности.

Прежде всего Иван Яковлевич озабочен был созданием нового алфавита, такого алфавита, который бы давал возможность читать чувашские слова правильно, согласно произношению. В этом начинании ему помогал студент-филолог В. А. Белилин, слушавший в университете татарский и арабский языки. Они вдвоем долго работали над составлением чувашского алфавита, знакомились с разными алфавитами—с сербским алфавитом Вука Караджича, с якутским алфавитом академика Бётлингка и др. Наконец, ими составлен алфавит. В основу его они положили строго фонетический принцип, применяемый ныне в лингвистике в научной транскрипции.

Составленный Яковлевым и Белилиным чувашский алфавит состоял из 45 букв, из коих 8 гласных и 37 согласных. В указанном алфавите мягкие согласные обозначались вертикальной черточкой над буквой*** на подобие славянского тяжкого ударения (вария), звонкое глухое ч—буквами д и т с вертикальной черточкой над ними на подобие славянского острого ударения (оксия): д, т, редуцированные гласные звуки заднего и переднего ряда—буквами ъ и ь. Новым алфавитом издан был И. Я. Яковлевым в 1872 г. первый букварь под заглавием „Тъваш адизене сыръва

* Тотчас же по поступлении в гимназию И. Я. выписывает себе сочинения Белинского и Добролюбова (Государственный архив Ульяновской области. Архив И. Я. Яковлева св. I, лист 3).

** *Н. И. Ильминский.* К истории инородческих переводов, 1884, стр. 51.

*** За неимением знаков указанные черточки здесь не проставлены.

вьренмелли кнеге". Казань. Типолитография К. А. Тилли, 56 стр. Цена 15 коп. Этим букварем Яковлевым положено было начало новому периоду чувашской письменности. Первый опыт, однако, не увенчался успехом. Новый алфавит, хотя сравнительно и точно передавал звуки и слова чувашского языка, но практически он оказался крайне неудобным „по неблагообразию этих торчащих подобно щетине многочисленных черточек над буквами", как выражается Н. И. Ильминский.* Кроме того, в письме требовалось много времени, чтобы проставить эти черточки, а при печатании они часто ломались. Сюда нужно прибавить еще то, что русское реакционное духовенство выражало резкое недовольство употреблением русских букв ъ и ь в ином значении, чем какое оно привыкло соединять с ними. Все это сильно огорчало составителей алфавита Ивана Яковлевича с Белилиным, но они не упали духом, решили пересмотреть и упростить его.** В результате длительных опытов, продолжавшихся целый год, они составили новый, более упрощённый алфавит. Последний состоял уже только из 25 букв. В новом алфавите использовано только 17 букв русского алфавита и 8 из них снабжены дополнительными диакритическими значками. Сведения об особенностях нового алфавита и вытекающие из применения его правила чувашского правописания изложены были в 12 параграфах в „Предуведомлении" к только что изданной новым алфавитом книге „Чӑн тӗн кӗнеки" („Начальное учение о православной христианской вере"). Казань. Типолитография К. А. Тилли. 1873, 16 стр. Эти правила перепечатаны были отсюда и в букварях издания 1874—1880 гг. Звонкое произношение шумных согласных (к, п, с, ç, т, ť, *т*, х, ш,) определяется здесь положением их: а) между гласными: пукан (пуган), упа (уба), пуса (пуза), кӗçӗр (кӗзӗр) и б) между сонорными согласными (в, й, л, м, н, р) и гласными: чавса (чавза), куршанкӑ (куршангӑ), карта (карда) и т. д. Смягчение согласных также обусловлено положением их непосредственно перед или за гласными переднего ряда: ил (иль), пир (пирь), кин (кинь) и т. д. Мягкое же произношение звуков л, н, т в словах с гласными заднего ряда обозначается хвостиками внизу у соответствующих букв, а мягкость т в том же положении — птичкой над буквой: выԓӑх (выльӑх), мӑкӑԋ (мӑкӑнь), вулаť (вулать). Мягкость же с в любом положении передается буквой *с* с хвостиком внизу (с седилем): пуç (пусь), çӗр. Так как низовое ч является звуком зазубным (а не альвеолярным, как в русском языке), то оно обозначается у Ивана Яковлевича буквой *т*

---

* *Н. И. Ильминский.* Переписка о чувашских изданиях. Казань. 1890, стр. 42.

** Упоминаемый здесь Василий Алексеевич Белилин, между прочим, присутствовал на торжестве празднования 80-летия со дня рождения И. Я. Яковлева, устроенном в Казани в ноябре 1928 года коллективом чувашского отделения Восточно-педагогического института и казанским землячеством студентов-чуваш. Сидел он в президиуме, от выступления отказался, ссылаясь на то, что он уже не помнит подробностей составления чувашского алфавита. Ему и самому в это время было уже около 77—78 лет.

с хвостиком внизу: Буква ӳ передает звук, идентичный французскому *u* или немецкому *ü*: пӳрт, тӳшек. Буква е обозначает звук э. Редуцированные гласные в новом алфавите передаются буквами ӑ, ӗ; тутӑр, кӗмӗл. Таким образом, составителям алфавита при помощи 17 русских букв и 8 дополнительных подстрочных и надстрочных значков к ним удалось точно передать все богатое разнообразие звуков низового наречия чувашского языка.

* * *

Чуваши приняли новый алфавит Яковлева и изданные им книги с восторгом и благодарностью. Яковлевская транскрипция явилась весьма крупным событием в истории чувашской письменности, событием, вызвавшим заметный перелом в деле образования чуваш.

Если раньше при господстве духовно-миссионерской письменности и системы подстрочных переводов чуваши всячески чуждались книг на родном языке, чуждались школы и образования, так как обучение с первых же дней на незнакомом и непонятном языке было очень трудно и мучительно для детей,—теперь же, с введением яковлевской транскрипции и учебников яковлевских изданий, книги на родном языке и чувашские школы с учителями из центральной чувашской школы Яковлева или из Казанской инородческой учительской семинарии сразу завоевывают симпатии чуваш. Интерес к школе и к книгам быстро растет. Если раньше школы среди чуваш систематически пустовали, то теперь они не в состоянии вместить всех желающих. Дети хотят учиться и охотно идут в школу.

Хотя выработанная Яковлевым транскрипция строго соответствует звуковой системе чувашского языка и дает словам точную определенность, но все же реформа его встречена была многими весьма неприязненно, а реакционными элементами духовенства поднято было против него настоящее гонение. Главным застрельщиком враждебного движения выступил священник села Кошек Чебоксарского уезда В. Я. Смелов, который в течение 12 лет (1878—89) боролся и против транскрипции Яковлева и против его переводов. Каждому вновь назначенному на казанскую кафедру архиепископу он подавал свои рапорты-записки, имевшие нередко характер доносов.

Прежде всего он возмущается тем, что Яковлев задался мыслью чувашский язык сделать языком книжным, литературным, что чувашскому языку дает право гражданства среди других книжных языков,* что это крайне смело и во всяком случае не политично и бесполезно, ибо чуваши рано или поздно должны слиться с русскими, и язык чувашский должен остаться

---

* *Н. И. Ильминский.* Переписка о чувашских изданиях. Казань 1890, стр. 30, 33.

только народным памятником в библиотеках записных филологов (там же, стр. 3). Поэтому он обрушивается едкой филиппикой против транскрипции Яковлева: „Яковлев снова изменил транскрипцию в своих переводах, и когда окончатся его эксперименты—сказать трудно. Бедные чуваши! Вместо того, чтобы для вашего нравственного развития поскорее и побольше дать вам в руки книг религиозно-нравственных на вашем языке, люди, к тому способные, тратят время на развитие ваших филологических способностей, хлопочут об ознакомлении вас с тонкостями вашей фонетики. Прежде вы при чтении переводов Яковлева должны были по-английски проглатывать лишние буквы, а теперь вставлять недостающие. Да, правду сказал премудрый, что приложивый разум приложит болезнь (Ек. 1, 18) как себе, так и тем, которым судьба судит быть под сенью такого мудреца“ (там же, стр. 9—10). По мнению Смелова, не нужно чувашам другого алфавита, кроме русского. Чувашин и написанное русским шрифтом и по правилам русской орфографии прочитает верно, согласно свойствам своего языка (стр. 30).

Так же придирчиво относится Смелов и к содержанию переводов Яковлева: везде ему мнится здесь чуть не ересь, везде он готов усмотреть неточности.

В борьбе с реформой Яковлева, Смелов был не одинок, и другие священники были против новой транскрипции. Так, благочинный 2-го округа Козмодемьянского у. Порфирий Любимов в своем рапорте на имя архиепископа Палладия в 1886 г. пишет: „К величайшему прискорбию, книги эти (Яковлевские) мало доступны для инородцев чуваш, не по самому переводу, против которого ничего нельзя сказать не в пользу его, но по измышленным и ни к чему служащим знакам, без коих можно было бы обойтись. Подобные знаки, наставленные почти на каждом слове, не имеют никакого значения, кроме вреда, ведут к ереси тех, кои вышли из школ, обучаясь по книгам инородческим, отпечатанным по благословению св. прав. синода и по высочайшему повелению, где отпечатано русскими буквами, без всяких знаков. Придуманные знаки отстаиваются личностями, их придумавшими. Книги, переводимые на инородческий язык, хотя сами в себе весьма полезны, но чрез сии знаки впоследствии, со сходом со сцены лиц, придумавших их, будут достоянием архивной пыли“ (стр. 79). Далее Любимов прибавляет, что такого мнения держатся все священники, все они желают, чтобы для достижения благодетельной цели те же переводы были напечатаны штилем свящ. истории и катихизиса, изданных в 1832 г. с одобрения св. прав. синода и по высочайшему повелению и т. д. (там же, стр. 80).

Все эти нападки не оставались, конечно, без достойного отпора, без соответствующих ответов, которые давал Н. И. Ильминский или А. П. Петров, но всё же нападки эти оказывали отрицательное влияние на окружающее общество, результатом чего явилось совершенно голословное обвинение чуваш в сепа-

ратизме, обвинение, тяготевшее над ними вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.*

Дружный, решительный, но плохо мотивированный протест реакционного духовенства против алфавита и переводов Яковлева вызван был, по нашему мнению, не принципиальной стороной дела, не тем, что у него в переводах имелись небольшие ошибки и опечатки, а совершенно другим. Духовные лица смотрели на себя как на единственных просветителей инородцев, они думали, что успешно продолжают свою миссионерскую деятельность, вытекавшую из „памятного наказа" царя Ивана Грозного первому архиепископу казанскому Гурию.

Но вот на ту же работу выступает И. Я. Яковлев. Всецело преданный идее служения своей родине, он создает для чуваш новую письменность, не искусственную уже, какою пользовалось духовенство до него, а подлинную, вполне доступную и понятную для всех. Он же открывает для них школы и подготовляет кадры учителей. И о чудо! Обстановка резко меняется. Книги Яковлева разбираются нарасхват, читаются детьми с воодушевлением, и даже взрослые начинают прислушиваться к содержанию их и проявлять к ним интерес. Школы также охотно посещаются детьми. Учащиеся через школу сравнительно легко овладевают русским языком, начинают читать русские книги, знакомиться с богатой русской литературой, постепенно проникаются любовью ко всему русскому. Отсюда естественно тесное сближение чуваш с русским населением, широкое приобщение чуваш к русской литературе.

На всё это не могли смотреть без зависти и злобы реакционные элементы русского духовенства. В успехах Яковлева они видели собственное бессилие и банкротство своей исторической миссии. Они никак не могли допустить себе, для них было дико, что вдруг какой-то чувашин (а на чуваш они смотрели как на низшую расу), к тому же не имеющий богословского образования, принимается за перевод священных книг. Не бывать этому! И вот они решили во что бы то ни стало позволительными и непозволительными средствами в самом же начале пресечь деятельность Яковлева, не дать ему возможности развернуть ее. Что озлобленные противники Яковлева нередко прибегали и к не совсем красивым приемам борьбы, ясно видно хотя бы из того, что священники Смелов и Любимов обвиняют Яковлева в том, что он дерзнул слово „ангел" перевести языческим словом „пюлюхсе", „пирĕшти" и далее прибавляют, что не только они сами, но и все священники желают, чтобы для достижения благодетельной цели переводы были

* Иван Яковлевич в письме к Н. И. Ильминскому от 12 января 1879 г. пишет: „Я здесь часто слышал страшное слово „сепаратизм" и излюбленное „обрусение". На губернском земском собрании в декабре один гласный мне говорил: „Ваша школа прекрасно идёт, это все знают. Но у вас учат по-чувашски, поют по-чувашски, у вас и всенощная совершается по-чувашски, поэтому многие не сочувствуют и говорят, что вы поднимаете чувашский вопрос и можете возбудить в них сепаратизм".

напечатаны штилем священной истории и катихизиса, изданных в 1832 г. с одобрения святейшего правительствующего синода и по высочайшему повелению". (Переписка о чувашских изданиях, стр. 80 и др.). Между тем как в этой самой книге „ангел" передается на чувашский язык исключительно только словом „пюлюхсь" (стр. 15, 70 и др.).

Но с другой стороны, в противовес необоснованным, придирчивым обвинениям, отрадно отметить и то, что люди, не предубежденные умышленно враждебно против яковлевской реформы, ценили и алфавит и переводы его по их достоинству. Например, в 1879 г. съезд духовенства Цивильского у. в лице председателя его Н. Богородицкого высказался так: „Назад тому пять лет наш съезд таковым пособием (т. е. пособием при разъяснении чувашам христианских истин в церкви и домах и при преподавании закона божия в школах на их родном языке) принял книги перевода г. Яковлева и только относительно орфографии этих переводов выразил неблагоприятное суждение. В настоящее время уже пятилетний опыт доказал, что орфография г. Яковлева, с кавычками и хвостиками при буквах, нисколько не помешала книгам г. Яковлева сделаться самыми любимыми у чуваш; требование чуваш на эти книги постоянно возрастает, так что только в одном моем приходе этих книг куплено было более 200 экземпляров и они сделались настольными в каждой чувашской семье, в которой есть хоть мало-мальски грамотный, чтение их постоянно привлекает к слушанию и неграмотных и некрещенных, и некоторые выражения этих переводов начинают употребляться как поговорки и пословицы. Таким образом, достоинство переводов г. Яковлева и орфографии его оценено в самой высокой степени самими чувашами, для которых они и сделаны. Но с другой стороны, возражения против достоинства этих переводов и особенно орфографии их среди духовенства еще продолжаются и последния, вероятно, сделались настолько громки, или настолько вески, что новые на чувашский язык переводы редакция братства св. Гурия стала печатать уже с новой орфографией, как, например, чин исповедания и проч., и есть основание предполагать, что и все переводы г. Яковлева могут подвергнуться новой орфографической переделке. Не сочтет ли поэтому настоящий съезд наш нужным выразить пред епархиальным начальством и братством св. Гурия свое мнение о неудобстве переменять яковлевскую орфографию в переводах на чувашский язык, после того как она уже принята самими чувашами. Постановили: приняв во внимание, что чуваши легко и скоро выучиваются читать по книгам орфографии г. Яковлева и уже многие из них привыкли самостоятельно пользоваться ими, просить его высокопреосвященство и братство св. Гурия о распоряжении, чтобы все чувашские книги, которые назначаются для употребления чувашам, впредь печатались бы неизменно с орфографией г. Яковлева; те же чувашские книги, которые печатаются собственно для употребления священников

чувашских приходов, могут, конечно, печататься с какою угодно орфографией, так как, если священник знает чувашский язык и если он внимателен к своему делу, то он не затруднится никакой орфографией“ (Переписка о чувашских изданиях, стр. 22—23).

Также и передовая часть тогдашнего русского общества, передовая интеллигенция в лице директоров народных училищ Симбирской губернии Ильи Николаевича Ульянова, Вишневского, Ишерского, директора женской гимназии Годнева, директора Казанской учительской семинарии Ильминского, этнографа В. К. Магницкого и др. относилась с полным одобрением к культурно-просветительной деятельности Яковлева при помощи созданного им алфавита и изданных учебников, но все же, несмотря на это, ему стоило большого труда и энергии, чтобы отстоять свое начатое дело. Тем более в это время в правительственных кругах происходила сильная борьба против всех, посягающих хотя бы на малейшие изменения русского алфавита в применении его к передаче звуков инородческих языков. Туркестанский генерал-губернатор фон-Кауфман, резко проводивший в Средней Азии политику насильственного обрусения нерусских народностей, в своем письме к министру просвещения графу Толстому категорически заявил, что поскольку „транскрипция должна облегчить начало к изучению государственного языка и тем дать средство к объединению различных народностей, то его личное мнение в данном случае заключается в необходимости, чтобы все учебные округа, в которых есть инородцы, приняли для транскрипции русскую азбуку в том виде, какою она изучается в наших школах, без всяких изменений и дополнений диакритическими и другими знаками“, и что „надобности в добавочных буквах и разных диакритических знаках никакой не встречается, ибо русская азбука вполне достаточна для выражения фонетики всех известных нам восточных наречий“.*

Туркестанскому генерал-губернатору вторили и другие лица. Последние тоже всецело разделяли его мнение. Например, попечитель Оренбургского учебного округа П. А. Лавровский писал в министерство просвещения, что он „прочел мнение туркестанского генерал-губернатора и считает приятным долгом заявить, что не только вполне разделяет его основания, но и глубоко сочувствует главной его мысли“ (там же, стр. 8).

При таких неблагоприятных общественных условиях в тогдашней России Ивану Яковлевичу подчас приходилось очень туго. Часто его большому делу, только что успешно развертывающемуся, грозила опасность полного срыва. Он тяжело переживал все ограничительные мероприятия, направленные против инородцев, тяжело переживал нападки и обвинения, направленные лично против него и основанные или на недоразумении, или

---

* *Н. И. Ильминский.* Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам. Казань, 1883, стр. 6—7.

непонимании его дела, или же на зависти и недоброжелательстве. Только благодаря искреннему сочувствию и сильной поддержке таких авторитетных лиц, как И. Н. Ульянов,* Н. И. Ильминский и др., ему удалось умело отразить все наветы противников и отстоять свое большое дело. Будучи человеком неукротимой энергии, он, несмотря на все препятствия и неприятности, упорно продолжал начатое дело для блага своего народа.

* * *

Алфавит И. Я. Яковлева оказался вполне жизнеспособным. Точно передавая на письме чувашские слова и исключая возможность одинакового обозначения различных слов, как это наблюдалось при старой дояковлевской системе письма даже у лучшего представителя этой системы Н. И. Золотницкого (паллаузнавай и палла (вм. паллӑ)—знак, примета), он легко и скоро привился чувашам. Дети быстро научались правильно читать все написанное этим алфавитом. Книги нового издания, не в пример старым, везде находили доступ и с интересом читались. Они значительно подняли грамотность среди чуваш.

Алфавит И. Я. Яковлева продолжает существовать до наших дней без существенных изменений. В 1933 г. заменили в нем букву *т*, буквой ч, а в 1938 г. буквы *љ*, *њ*, *ť*—сочетаниями букв ль, нь, ть, т. е. ввели в чувашский алфавит букву ь в значении мягкого знака. Кроме того, с этого времени ъ и ь получили и значение отделительных знаков в связи с введением букв е, ё, ю, я, э (раньше буква е в чувашском языке употреблялась исключительно в значении э, а е (йэ), ё, ю, я обозначались сочетанием букв йе, йо, йу, йа). Таким образом, с 1938 г. дополнительные диакритические значки оставлены только при четырех буквах ӑ, ӗ, ӳ, ҫ.

Рассмотренный алфавит И. Я. Яковлева для самих чуваш является большим достижением. Природными чувашами он легко усваивается и легко применяется. Но нельзя того же сказать о нем по отношению к нечувашам, для которых чувашский язык не является родным языком. Для последних усвоение и применение его сопряжено с большими трудностями. Трудности эти заключаются в отсутствии в алфавите отдельных знаков (букв) для звонких шумных согласных. В природных чувашских словах они обозначаются буквами соответствуюших глухих и звонкое произношение их определяется фонетическим положением их а) между гласными и б) между сонорными согласными и гласными. Хотя всякий алфавит имеет условное значение, хотя связь между буквой и звуком несколько случайна, так что буквы являются только слабыми символами звуков, но все же с точки зрения чисто языковых интересов только та буква имеет право на существование, которая сразу вызывает в нашем сознании пред-

* Например, И. Я. в письме к Ильминскому от 24 июня 1871 года пишет: „С И. Н. Ульяновым мы очень в хороших отношениях; он человек добрый и хороший, всегда готов оказать свое содействие там, где нужно, и это для нас весьма важно".

ставление соответствующего звука, чего, однако, мы не можем сказать о восьми буквах чувашских шумных согласных: к, п, с, ç, т, х, ч, ш. С указанными буквами ассоциируется главным образом два (вернее четыре, если принять во внимание твердость и мягкость их) произносительно-слуховых представления: одно—привычное для всех глухое произношение их и другое—непривычное для нечуваш звонкое произношение их в указанных выше фонетических положениях. Например, в языковом сознании русского человека с буквой ш будет соединяться представление только глухого произношения соответствуюшего звука, а между тем как мы произносим этот звук и звонко как ж (лаша). Вообще, каждый раз, как встретится в слове буква, обозначающая шумный согласный звук, нечувашину приходится задумываться, как ее читать—глухо или звонко: и вот у него начинается сложный мыслительный акт: входит ли данная буква в состав указанных выше восьми букв, если входит, то какая буква стоит непосредственно перед ней и какая после нее и т. д.

На первый взгляд устранить эту трудность кажется совсем легкой: взять и написать слова согласно произношению их. Напр., вместо апат, ака, утă, пусă, хуçа писать их так, как мы их произносим: абат, ага, удă, пузă, хузя и т. д. Все это, конечно, можно, но, к сожалению, мы этим можем устранить трудность только наполовину. Главное затруднение здесь в том, что обозначаемые указанными восьмью буквами согласные звуки могут звонко произноситься и в глухом положении, т. е. в конце слов и в начале слов, если между конечным согласным одного слова и начальным гласным следующего слова или между конечным гласным первого слова и начальным согласным следующего слова создается звонкое положение. Напр., фразы *ан пар, киле çит* мы читаем как *ан бар, киле зить*. Но писать их по произношению мы не можем: это затрудняло бы понимание их, так как в языке нет слов бар и зить, а есть только пар и çит. Притом еще не всякое звонкое положение данного вида вызывает звонкое произношение указанных звуков, последнее возможно только в пределах ритмической единицы. Количество же ритмических единиц в фразе является величиной непостоянной: при чтении одного их получается одно количество, а при чтении другого—другое. Все это затрудняет радикальную реформу чувашского алфавита и орфографии.

* * *

И. Я. Яковлев в течение своей 50-летней педагогической деятельности создал обширную и богатую письменность на чувашском языке. Им издано несколько сот названий книг. К сожалению, в условиях царского режима ему приходилось работать главным образом над изданием переводов вероучительных, нравоучительных и богослужебных книг. Изданий другого содержания цензура почти не пропускала. Яковлев только частично мог уделять внимание на создание учебных пособий, на распространение среди чуваш необходимых сведений по сельскому

хозяйству, медицине, истории и только украдкой на развитие оригинальной художественной литературы на чувашском языке.

Издание книг первой категории составляет отрицательную сторону деятельности Яковлева. Что касается книг второй категории, то они тоже в основном представляют сочинения переводные и только отчасти оригинальные поэтические произведения. Прежде всего мы должны обратить внимание на чувашский букварь, выдержавший до революции десятки изданий. В построении букваря Яковлев следовал крупным педагогам своего времени—Л. Н. Толстому, К. Д. Ушинскому и частично Бунакову. Букварь его, кроме обычных упражнений в чтении, содержит довольно богатый материал по чувашскому фольклору: сказки, пословицы, загадки, песни, предания и пр. В букваре помещались также и оригинальные очерки и коротенькие рассказы из чувашской жизни, принадлежавшие самому Яковлеву и его ученикам. Во второй части „Букваря" содержались материалы по русскому языку, которые в позднейших изданиях приняли характер разговорных уроков.

Большое значение придавал И. Я. также популяризации среди чуваш русской художественной литературы. С этой целью он лучшие произведения русских писателей издавал на чувашском языке*.

Ознакомление чуваш с русской историей стояло также в центре внимания И. Я. В этих целях им еще в 1879 г. издана была на чувашском языке книга под заглавием „Рассказы из русской истории", выдержавшая несколько изданий. Кроме того, много исторических статей, рассказов из русских писателей и лирических стихотворений содержалось в „Книге для классного чтения" Баранова, переведенного на чувашский язык.

Иван Яковлевич всячески старался внедрить среди чуваш более рациональные приемы ведения сельского хозяйства. С этой целью он снимал в аренду участки земли, а иногда и оборудованные фермы. Здесь учащиеся школы под руководством опытных агрономов практически знакомились с полеводством, огородничеством, садоводством и цветоводством. С целью же популяризации сельскохозяйственных знаний среди сельского чувашского населения он организовал переводы книг и брошюр по этим отраслям знаний. Сюда относятся: „Три беседы о зем-

---

* Цензурные условия царской России не позволяли Яковлеву расширить план его изданий. Цензурный гнет чувствовался не только при издании переводной художественной литературы, но даже при издании самых безобидных брошюр по сельскому хозяйству. Для иллюстрации приведем следующий случай. В 1903 г. очередное собрание Ядринского земства вынесло постановление отпечатать для местного населения на чувашском и марийском языках брошюры по вопросам сельской агрономии, животноводства и санитарии. Затея, казалось бы, самая невинная и безобидная, но совершенно иначе посмотрели на это казанские зубры, от которых зависело утверждение означенного постановления. Председатель губернской земской управы Н. А. Мельников (бывший земский начальник, позднее товарищ министра в колчаковском правительстве) и его присные усмотрели в этом кровное оскорбление великорусской народности... („Каз. Газета" № 15, 1903 г.)

леделии", „О почве". 1910, „О правильной обработке земли". 1908, „Как растет хлеб в поле". 1908, „О хлебных семенах и посеве". 1908, „О травосеянии". 1910, „О пчеловодстве", „Как выбирать молочный скот", „Сельский скотолечебник" и др.

В момент выступления Ивана Яковлевича на культурно-просветительную работу чуваши, сплошь неграмотные, жили в антисанитарных условиях, не умели предохранять себя от болезней и бороться с ними. Знахарки, пользовавшиеся большим доверием их, прививали им дикие способы лечения болезней и страх к врачам и больницам. Поэтому И. Я. большое значение придавал распространению среди них гигиенических и медицинских знаний. Отсюда вполне понятно, с каким интересом он переводил книги и брошюры по этим отраслям знаний. Сюда принадлежат: „Сборник популярных листков по медицине". 1903 (Издание Симбирского губернского земства); „О сохранении здоровья". 1903; „Советы матерям при оспопрививании". 1897; „О глазной болезни трахоме". 1898; „О чуме". 1897; „О холере". 1911 и ряд других.

Нельзя обойти молчанием также календари на чувашском языке. В первый раз выпустил календарь на чувашском языке ученик Яковлева К. П. Прокопьев в Казани на 1903 г. Календарь этот весьма богат содержанием. В нем имеется очень много полезных сведений для чуваш. В частности, с интересом читались последними статьи о садоводстве, пчеловодстве, животноводстве, о родильницах и роженицах, о лечении разных болезней, о кредитных товариществах и потребительских лавках, о почтовых операциях и пр. Календарь чувашский издавался в Казани (а на иные годы и в Симбирске) и в последующие годы вплоть до Октябрьской революции.

И. Я. Яковлев очень старался также о развитии чувашской оригинальной художественной литературы. Он чутко прислушивался к малейшим проявлениям творческого начала в своих учащихся. Если в ком-нибудь он замечал такое дарование, то очень дорожил им, всячески поощрял его к творческой деятельности. В первое время скромные литературные опыты учеников он помещал в букваре. Оригинальные произведения чувашских писателей отдельным изданием царская цензура не пропускала. Только в 1908 г. Ивану Яковлевичу удалось усыпить бдительность цензоров и выпустить произведения чувашских поэтов отдельным изданием под необычным заглавием „Сказки и предания чуваш". Сюда вошли поэма „Нарспи" основоположника чувашской литературы К. В. Иванова, „Арçури" Федорова и целый ряд произведений др. поэтов. Но многое из имеющегося осталось в рукописи, напр. этнографический очерк Г. Тимофеева „Тăхăр ял", написанный автором еще в период времени между 1898—1901 гг., бытовые рассказы Юркина и некоторые др.

Около Яковлева для реализации его большого дела воспиталась целая школа даровитых бескорыстных переводчиков, его ближайших сотрудников. Они вербовались из учителей и

учеников Симбирской чувашской учительской школы. К сожалению, имена их в истории чувашской письменности остались совершенно в тени и неизвестности. Из них необходимо упомянуть П. В. Васильева, Д. Ф. Филимонова, А. П. Петрова, В. Н. Никифорова, Ф. Д. Данилова, И. С. Степанова и др.

В своей литературной работе главной задачей они ставили книжный язык сблизить с народным разговорным языком и старались, чтобы он ни в какой степени не мог обособиться (как это было до Яковлева) в особый, искусственный, чуждый народной массе язык. Они очень много положили труда на организацию переводов, развитие чувашского языка и создание необходимой терминологии.

В последнем отношении яковлевская плеяда работников не могла уберечься от одной весьма распространенной и у других народностей ошибки. Яковлев и его сотрудники, желая дать чувашской трудящейся массе книги на вполне понятном и доступном языке, задачу развития чувашского языка несколько суживали: всякое новое понятие, нередко самое отвлеченное, старались выразить средствами родного языка—одним словом или перифразой, вместо того чтобы принять его и ввести в употребление в том виде, в каком это слово бытует в русском языке. Только весьма редкие слова в качестве термина или собственного имени они оставляли без изменения: князь, болгарсем, собор, Кавказ, губерния, директор, инспектор и др. Позднее, в советское время буржуазные националисты это своеобразное пристрастие к „чистоте" чувашского языка довели до крайней степени. Например, один из них в 1923 году на конференции чувашских писателей требовал: „Пур ют чĕлхесенчен йышăнакан сăмахсене хура халăх калашĕ пек калама та, çырма та тăрăшмалла: ахтономи (автономи мар), хветераци (вместо федерация), принçип (вм. принцип)" и т. д. Этим же пуристическим принципом буржуазных националистов все „очувашить", всему придать узко националистический характер объясняется пущенные ими в обиход слова „тӳре-шара" в значении советского правительства, „пăлхавăр" в значении революции и др. в том же духе, а также предложенные ныне покойным врачом Цивильской больницы Ефремовым термины для водорода „шывамăш" и для кислорода „йӳçамăш", термины, нашедшие себе место даже „в рабочих учебных книгах".

Яковлевская школа переводчиков и авторов очень много работала над стилистической обработкой чувашского языка. Яковлев явился первым создателем и основоположником нынешнего чувашского литературного языка в широком значении этого слова. Чувашский книжный язык в изданиях Яковлева достиг значительного совершенства и литературной обработки: простота и безискусственность его местами прямо неподражаемы. Для этого достаточно сравнить отрывки его переводов с переводами изданий, опубликованными до И. Я. Яковлева, и изданий Золотницкого.

„Хонзе сана мухтассе, майзыр хуна-ху астуватган бол; омбала што ончохне эз шикланна хоша ра".

„Майзыр номай синзам билимассе ябала-зэнь, изь-зэнь да чин тюсьне; сявнбала вул-зам пага хорассе мухтассе да перьперь сявын-ьишине...". (Кон святой борнызинь", 1857, стр. 64).

Хальги Хозан губернинче авал чох Булгар ятлы халых тэмизе сьӳр сьол порынны. Булгар-халых-сьомыньче Чувашсам тада Сярмыссам иликренех порнатьчесь. Болгар патшызэм Адылбаньчы холара сявах Булгар ятлыскэрьдэ борынны. Болгар халыгын орых холызэм дэ номай-че, Болгар-холы порь холыэзэньчэнь дэ ытла пызык-че... (Из „Жития Авраамия Болгарск". Перевод под редакц. Н. И. Золотницкого)*.

Пирĕн çурт çунни. Эпир пĕр каçхине хиртен тырă вырса пĕтерсе тавăрăнтăмăр. Тавăрăнсассăн, ĕç пĕтернĕ йĕркепе мунча хутса кĕтĕмĕр. Аттесем: [illegible] пуç Турра хирти тырра-пулла пĕр майлă турăмăр ĕнтĕ! тесе савăнса калаçа-калаçа лараççĕ. Апатлантăмăр та туха-туха выртрăмăр. Эпĕ те: „ĕнтĕ ыран ирех тăрса хире каяс çук, пĕр эрнерен манăн Чĕмпĕре вĕренме каймалла, Чĕмпĕр епле-ши, юлташсем сывă-ши, пурте каллех пырĕç-ши вĕренме, тесе шухăшлакаласа выртатăп. Çапла шухăшласа выртнă çĕрте кăшт ыйăха кайайнăччĕ. Сасартăк, хаяррăн, шăри-шари кăшкăраша пуçларĕç урамра... (Букварь для чуваш. Симбирск. 1897, стр. 34).

Содержание первого отрывка из дояковлевской письменности вследствие неточности транскрипции и неправильного расположения слов совершенно непонятно для чуваш. В этом отрывке можно понять только некоторые отдельные слова вне связи их с остальными. В данном случае без русского оригинала невозможно разобраться, о чем собственно тут говорится. Текст редакции Н. И. Золотницкого довольно близок к разговорному языку, но носит несколько книжный характер и нуждается в литературной обработке. Текст же из „Букваря" Яковлева представляет подлинную чувашскую речь в литературной обработке.

* * *

В заключение с глубоким удовлетворением можно отметить, что полувековая напряженная общественно-педагогическая деятельность И. Я. Яковлева прошла не впустую. Она ощутительно подняла культурный уровень чуваш и отразилась на всех сторонах их жизни и быта. Яковлев первый пробудил в чувашах интерес к образованию и собственным примером показал значение грамотности и образования. (При нем грамотность чуваш поднялась до 15—18%). Созданная им литература на чувашском языке отучила чуваш от многих старинных суеверий и от остатков грубых языческих верований, выражавшихся главным образом в общественных жертвоприношениях (учӳк), во

* Ознакомление с фонетикой и формами чувашского языка А. Добролюбова под редакцией Н. И. Золотницкого, Казань. 1879 г., стр. 5.

время которых закалывались жертвенные животные (лошади, быки, овцы и гуси) на многие сотни рублей, почитании киреметей, обращениях к йомзям и проч.

Яковлевская система образования и изданная им литература сильно способствовали сближению чуваш с великим русским народом и усвоению передовой его культуры. Читая, например, в переводе русских классиков или рассказы из русской истории, чувашин, увлекшись содержанием их, невольно переходил к русскому оригиналу, чтобы ознакомиться и с другими произведениями заинтересовавшего его писателя или с более подробными курсами русской истории. Вступая же в более тесное соприкосновение с русскими, чуваши постепенно воспринимали от них и некоторые особенности быта их. Научались соблюдать элементарные гигиенические условия, по примеру русских избы начинали строить по-белому, стали употреблять чистые холщевые полотенца вместо „кипке" (старая рваная рубашка) и т. д.

Вообще на какую бы сторону жизни чуваш мы ни обратили внимания, почти везде яковлевская система давала положительные результаты. Созданная Яковлевым письменность дала возможность чувашам после революции, при советской власти сразу дружно включиться в строительство своей культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. И чувашская художественная литература, зародившаяся при Яковлеве, в советское время быстро развернула свои творческие возможности и заявила себя целой плеядой талантливых писателей. И чувашский книжный язык, созданный Яковлевым и достигший при нем значительного совершенства, в новое время все более и более обогащается и окончательно офармливается в подлинный общенациональный литературный язык, становясь языком школы, прессы, художественной литературы, сцены и радиовещания.

Великий русский народ в лице лучших своих представителей достойным образом оценил бескорыстную, высокоплодотворную деятельность Ивана Яковлевича Яковлева по образованию чуваш в духе приобщения их к передовой русской культуре, в духе дружеского сближения их с русским народом. Особенно ярко выразилось это в 1908 году в приветствиях на акте в день сорокалетия Симбирской чувашской учительской школы и шестидесятилетия со дня рождения основателя ее И. Я. Яковлева — в приветствиях члена Буинской земской управы А. К. Сусанина (потомка знаменитого Ивана Сусанина), директоров народных училищ Симбирской губ. Самосадского и Ишерского, директора Симбирской женской гимназии Годнева, директора синодального училища С. В. Смоленского и др.

„Вся история чувашской школы, — говорил Годнев, — протекала на глазах нас, старожилов города Симбирска... Для устройства и первоначальной организации этой школы совсем не было проторенного пути. Всю организацию ее пришлось создавать сначала, по совершенно новому плану. Пришлось изобретать

алфавит для письма на чувашском языке, пришлось решать вопрос о всей системе отношений чувашского племени к русскому, вопрос о том, должно ли это племя стремиться к самобытному от русских существованию, или оно должно отказаться от всяких мечтаний об отдельном от русских существовании, должно стать нераздельным спутником русского народа, объединиться с ним в одной общей культурной работе, в достижении общих целей нравственного и экономического успеха; пришлось решать вопрос об языке для школьного преподавания и много других вопросов самого серьезного значения... Не могу не заметить, что решение некоторых из них мне представляется в высшей степени совершенным, хотелось бы сказать—прямо идеальным. Таким я нахожу, например, решение вопроса о чувашском алфавите. Этот алфавит построен согласно самым последним требованиям лингвистической науки. В нем нет двойных или тройных букв для обозначения одного и того же звука, что, как известно, является крупнейшим недостатком большей части других алфавитов. С другой стороны, всякий звуковой оттенок произношения находит в чувашском алфавите свое буквенное обозначение...

„Позвольте мне, господа, в заключение моего приветствия нашей чувашской школе и ее глубокоуважаемому организатору от лица великорусского племени, к которому я сам принадлежу, чем и горжусь, так как этому племени суждено нести на своих плечах главную тяжесть нашей государственной истории, высказать искреннее пожелание, что бы и мы, русские, и чуваши были и оставались добрыми друзьями и хорошими соседями, чтобы и тот и другой народ никогда не смотрели врозь, а всегда сознательно направляли свой совместный труд к достижению общего блага". (Сорокалетие Симбирской чувашской учительской школы, стр. 33—36).

Последняя, глубоко трогательная оценка педагогической и общественной деятельности Ивана Яковлевича Яковлева дана нашим великим вождем В. И. Лениным в известной телеграмме его в Симбирский губисполком от 20 апреля 1918 года.

Чувашская советская общественность высоко чтит память бескорыстного труженика, основоположника чувашского алфавита и чувашской письменности И. Я. Яковлева, более полувека неустанно работавшего над национальным подъемом чуваш, приобщением их к передовой русской культуре и претерпевшего ряд гонений от царизма.

М. Я. СИРОТКИН

И. Я. ЯКОВЛЕВ И ЧУВАШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Начало литературной деятельности И. Я. Яковлева относится к 1871—72 годам и тесно связано с созданием и изданием букварей и книг для чтения в чувашских школах. Издание светской литературы в условиях, когда начинал Яковлев свою общественно-педагогическую работу, было делом необычайно трудным. Цензурой поощрялось издание только религиозной литературы, да и той лишь в переводе с русского. Единственной отдушиной были буквари и учебные книги для чтения, на страницах которых печатались небольшие по объему оригинальные рассказы, стихи, образцы произведений устно-поэтического народного творчества, переводы отдельных произведений русских классиков. Буквари и учебные книги, издававшиеся И. Я. Яковлевым, на протяжении всей второй половины XIX века были почти единственным способом публикации произведений чувашских писателей, в том числе и самого Яковлева, поэтому они являлись не только букварями, но и хрестоматиями чувашской литературы.

В построении своего букваря И. Я. Яковлев следовал принципам учебных книг К. Д. Ушинского „Родное слово" и „Детский мир". Большим вниманием его пользовались также книги для русского чтения Л. Н. Толстого. При изучении родного языка И. Я. Яковлев важное значение придавал народному творчеству, народной поэзии, как средству ввести учащихся в мир народной мысли, чувств, духа и жизни родного народа. В его букваре в большом количестве встречаются народные песни, сказки и анекдоты, поговорки, пословицы, загадки, ибо в них, по выражению К. Д. Ушинского,—„отразились все стороны жизни народа... его взгляд на природу, на людей, на значение всех явлений жизни". С произведений этого жанра и начинается литературное творчество И. Я. Яковлева. Пользуясь образцами народного творчества и отбирая лучшие из них, И. Я. Яковлев вкладывает в них нужный ему смысл, направленный на воспитание в читателях трезвого отношения к жизни. Песни, пословицы, загадки, поговорки, прибаутки, народные анекдоты, басни и сказки представляли в этом отношении удобную форму и давали богатый материал для осмысления читателем своего места и роли в обществе. Богатые идиомами, конкретными и яркими образами произведения народного творчества, имевшие безобидную форму шутки, сказки, анекдота, песни, развивали в детях чутье не только к звуковым красотам родного языка, но и бу-

дили в них критическое чувство, обостряли внимание к социальным и бытовым явлениям.

В загадках, подобранных И. Я. Яковлевым, мы наблюдаем отражение живого, изобретательного народного ума. Цель их заключалась в том, чтобы прививать детям навыки логического мышления, научить детей постигать образную простоту и красоту родной речи.

Приведем некоторые образцы этих загадок: у одной шапки сорок заплат (каменка в бане); в одной зыбке два дитяти (полба); у сивой лошади шкура поперек (береста); ниже травы, выше коня (седло); в лесу гнедая, в дороге лысая, дома белая (липа); четверо толкут, один веет (ноги и хвост лошади).

Следом за загадками идут побасенки и прибаутки, имевшие ту же цель: „Таракан и клоп были друзья. Таракан сказки рассказывал, а клоп слушал. Слушал-слушал и засыпал". Или: „Волк мой кашевар, медведь—атаман, лиса—сотник, заяц—десятник, а русак мой сборщик". Вот еще другая ритмизированная прибаутка: „Тилить-тилить, Мигулай, всех денежек у него два рубля: и дом он хочет на них купить, и клеть приобрести, и в жены взять девушку, да и лошадку завести". В этих миниатюрах, особенно в последней, проступает тонкая ирония трудящихся над превратностями своего бытия, вырисовывается картина скудной жизни масс, вынужденных претерпевать всякие трудности, чтобы сводить концы с концами, для которых и заяц казался десятником и сборщиком податей—так запуганы и стеснены были они многочисленными поборами.

В отличие от К. Д. Ушинского, который отзывался о народных песнях, как произведениях мало соответствующих детскому мышлению и являющихся произведениями „возмужалого чувства", И. Я. Яковлев обильно насыщал свои буквари образцами чувашских народных песен. Это объяснялось, с одной стороны, тем, что Яковлев не располагал оригинальными лирическими произведениями—их не было: чувашская оригинальная литература еще только зарождалась и лирика в ней была неразвита. С другой стороны, чувашская народная лирика давала необычайно ценный познавательный материал для усвоения богатства родной речи и ее поэтических особенностей, для воспитания в детях образного мышления. Кроме того в старых чувашских народных песнях большое место занимают дидактические, нравоучительные мотивы, мимо которых не мог пройти И. Я. Яковлев при отборе этих песен для включения в свои буквари. Такова, например, одна из них:

Не умеешь ездить по дороге,
Так и пару лошадей загонишь.
Не умеешь речь вести в беседе,
Так и все лицо слезой омоешь.
Не умеешь наблюдать и видеть,
Так и оба глаза краснотой покроешь,
Не умеешь управлять собою,
Так и ногти на ногах занозишь.

Тонкий народный юмор сквозит в другой песне:

Тятя меня любит, уважает:
Избу белую мне обещает,
Тесом думает ее покрыть.
Мама меня любит, уважает:
Красную корову обещает,
На подойку жбан мне хочет подарить.
Братец меня любит, уважает:
Лошадь пегую мне обещает,
Без нагайки, говорит, бежит.
Тетя меня любит, уважает:
Козу белую мне обещает,
На подойку кринку хочет подарить.

О роли юмора тонкого намека в воспитании чувашских детей, характеризуя народную педагогику у чуваш, Н. М. Охотников, один из воспитанников Яковлева, талантливый математик и педагог, второй по времени после своего учителя универсант из чуваш, писал: „Говорить намеки свойственно чувашам... Еще замечу, что этот мудрый способ указывать детям на ту или другую работу намеками у чуваш очень развит. Намеки сильнее действуют на рассудок и на сердце, чем приказание или выговор. Последние нередко вызывают в детях раздражение, а намеки легко располагают детей к работе". („Записки чувашина о своем воспитании", 1888).

Глубокие лирические чувства отражаются в третьей песне:

По крутому долу черная смородина—
Утренние росы ласково взрастили.
Но настала осень и пришли морозы:
Нежный лист смородины до сроку сгубили.
Сердце молодое, очи мои черные
Ласки материнские холили, растили.
Но пришли невзгоды, горькие заботы:
Жизнь молодую до сроку сгубили.

От отбора образцов произведений устно-поэтического народного творчества И. Я. Яковлев переходит к литературно-творческой обработке их. Народные анекдоты, пословицы и поговорки развертываются в короткие нравоописательные и нравоучительные рассказы. Мораль этих рассказов, имеющих в своей основе народную дидактику, облекается в яркую и выпуклую форму коротенького эпизода, диалога, бытовой сценки, воспоминания.

Так мысль о том, что прежде чем сказать—надо подумать, воплощается в такую сценку: „Привез однажды мужик с базара хомут. Приходит к нему сосед и спрашивает: „Дорого ли дал за хомут?" А тот отвечает: „В цене не разобрался, а полтинник уплатил".

В анекдотическом рассказике „На сенокосе", основанном на прибаутке, дается сентенция, что во всякой работе требуется осмысленный подход к делу, единодушие и согласованность в действиях участников: „Отправились трое на сенокос: Каринке, Емельке и Сяманка. На беду лошадь их провалилась в болото. Сяманка и говорит: „Как быть, Каринке? Что делать, Емельке? А Каринке отвечает: „Так вот надо сделать, Сяманка". И, говорят, с большим трудом, а вытащили они лошадь".

Непередаваемая игра слов оригинала, основанная на смысловых интонациях, аллитерациях и ассонансах, очень характерная для произведений устно-поэтического творчества, богато используется писателем и в этом рассказике, придавая ему особую выразительность. С мягким юмором высмеивает писатель в другом таком же маленьком рассказе „Вихрь", в основе которого лежит чувашская поговорка „Перепуганная утка задом в воду нырнула", суеверия и предрассудки: „Молотили мы однажды летом на лужайке семенную рожь. Не заметили, как нависла туча, налетел вихрь и разметал солому и семена. Все опешили и перепугались. Кто взял лопату и ворошит солому, кто схватил вилы и тычет в зерно: хочет сгрести в кучу. Сосед наш, молотивший с нами, вскочил с перепугу на лошадь и носится вкруг нас вскачь, а сам благим матом кричит: „Конец света, конец света! Погибаем! Где моя трубка?.. Вихрь прошел, и стало нам смешно над собственным страхом".

Поучительный характер рассказа очевиден, и направлен он на искоренение предрассудков и суеверий, имевших большое место в жизни старой чувашской деревни. Писатель достигает своей цели не прямым обличением невежества и темноты населения, а средствами беззлобного юмора, всячески щадя самолюбие читателя.

Подобен ему и следующий рассказ „Поиски лошади", в котором изображается юмористический эпизод безуспешных поисков мужиком лошади, на которой он сидит верхом.

Большим вниманием Яковлева пользовались народные сказки. При литературной обработке чувашских сказок он отдает предпочтение сказкам о животных и бытовым и почти не пользуется фантастическими сказками. В этом опять-таки сказывается рационалистический подход писателя к использованию устного богатства народа в воспитательных целях. Бытовые сказки и сказки о животных в этом смысле давали ценнейший материал.

Творческая обработка народных сказок Яковлевым проводится в направлении усиления их дидактизма, устранения излишних деталей и отступлений, усложняющих уяснение читателем морали сказки. Очень типична в этом отношении обработанная И. Я. Яковлевым чувашская сказка „Сармандей", в которой осуждаются такие житейские недостатки, как слепое подражание, несамостоятельность в действиях и поведении людей, в результате чего одна нелепость порождает другую.

Писатель не искажает сюжета народной сказки. Он освобождает ее от вульгаризмов, устраняет некоторые отступления, ритмизирует язык сказки. Сказка насыщается аллитерациями, и она становится напевной и удобной для чтения и запоминания. Прием последовательного наращивания событий способствовал усилению внимания слушателей и читателей, а неожиданная развязка вызывала веселый смех. Сказка эта до сих пор продолжает оставаться одной из любимых детьми и включается в сборники для детского чтения.

Традиция творческого использования богатств чувашского фольклора была воспринята многими последующими чувашскими писателями. Наиболее значительные произведения дореволюционной чувашской литературы: баллада „Леший“ М. Ф. Федорова, нравоописательные и нравоучительные рассказы и повести И. Н. Юркина, бытовые рассказы Игнатия Иванова, классическая поэма „Нарспи“ К. В. Иванова, революционно-сатирические новеллы М. Ф. Акимова, стихотворения и песни Н. И. Полоруссова-Шелеби, были созданы на материале устно-поэтического творчества чувашского народа. Особо благотворное воздействие оказала эта традиция на развитие чувашской детской литературы в советских условиях.

И. Я. Яковлевым был написан и ряд оригинальных рассказов для детей: „Петушок“, „Сорока“, „Мельница“ и другие, в которых разносторонне представлены жизнь детей и взрослых, их труд и быт, нравы и обычаи, думы и настроения, чаяния и переживания, показан окружающий детей мир природы и животных. По жанровым особенностям это преимущественно короткие повествовательные рассказы и описания. Образы этих повествовательных рассказов и описаний группируются по тематическим признакам: времена года, занятия и забавы детей, семья и общество, труд и быт взрослых, человек и природа и т. п. Персонажами рассказов являются дети и взрослые, животные и птицы — словом все то, что близко и понятно детям, что составляет предмет их интересов, наблюдений, служит средством связи детей с обществом и природой. Очень большое внимание уделяет в своих рассказах Яковлев вопросам семьи, ее авторитета и труда, как основы жизни и воспитания человека.

Пример взрослых должен быть непререкаемым — такова основная мысль многих детских рассказов. Очень типичен в этом смысле рассказик „На жатве“:

„Жнем мы однажды пшеницу на дальней полосе. Я связал сноп и понес его к пятку; вернулся, а серпа-то и нет. Ищу-ищу и никак не найду. А брат забрал мой серп и молчит. Отец, недовольный нами, стал браниться: за работой не играют, так, говорит, будет дело стоять! А мне на особицу добавил: когда вяжешь сноп, клади серп на плечо“.

Увлечение этим авторитаризмом приводит иногда Яковлева и к оправданию пережитков патриархального быта: применение взрослыми телесного наказания к детям за их ослушание, нарушение советов и наказов старших; воспитание в них страха перед религиозными догмами.

Оздоровляющей и воспитующей роли труда в формировании человека И. Я. Яковлев придавал исключительно важное значение. „Труд кормит, а лень портит“ — такова сентенция многих детских рассказов. В качестве типичного примера можно привести рассказ „Калач“:

„Одному мальчику очень хотелось калача, и он все просил отца, чтобы тот привез ему с базара калачей. Однажды в

базарный день отец велел мальчику положить в сумку коровай черного хлеба и повел его корчевать поле. Привел на загон и говорит: „Вот, сынок, корчуй эти пеньки, а на хлеб не гляди, он сам по себе станет калачом“. Сказал и ушел на базар.

Принялся мальчик корчевать пеньки. Корчевал-корчевал, а потом подошел к сумке и смотрит: нет, хлеб все еще не стал калачом. Немного погодя опять посмотрел: хлеб все еще не стал калачом. Время клонится к вечеру, проголодался мальчик — терпенья нет, а хлеб так хлебом и остается. Тут он не вытерпел. Вынул коровай, отрезал горбушку, посолил ее круто и принялся есть. Ай-ай-ай, ну до чего стал вкусным хлеб, вкуснее калача! Воротился с базара отец и спрашивает сына: „Ну, как, сынок, не стал еще хлеб калачом?“—Белым он, правда, не стал, а по вкусу куда тут калачу до него!—отвечает сын.— „Так вот оно, сынок: потрудишься да проголодаешься и черный хлеб вкусен, а сытому имед горек“,—говорит отец.

Большинство рассказов Яковлева выдержано в стиле рассказов К. Д. Ушинского и Л. Н. Толстого и преследовало цель развития в детях наблюдательности, внимания и навыка разбираться в окружающей обстановке и жизни. При этом, следуя педагогическим принципам Ушинского и Льва Толстого, И. Я. Яковлев уделяет очень большое внимание развитию творческих способностей самих детей. И совсем в духе Л. Н. Толстого он вовлекает учащихся своей школы в творческую работу. Под его руководством учащиеся собирают образцы устно-поэтического народного творчества, пишут оригинальные сочинения и рассказы. Лучшие из этих рассказов отбирались и включались потом Яковлевым в букварь. Так были созданы получившие большую популярность среди детей рассказы: „Калач“, „Нужда“, „Каприз“, „Хураська“, „Как я разбил часы“, „Как ожил мертвый цыпленок“, „Как я сбежал из дому на свадьбу“, „Раскаялся“, „В ночном“, „Смерть Марука“ и другие.

Из среды учащихся яковлевской школы вышли впоследствии писатели и поэты, как бытописатель И. Н. Юркин, писатель-этнограф Г. Т. Тимофеев, журналист и писатель-сатирик М. Ф. Акимов, талантливый поэт, основоположник чувашской поэзии К. В. Иванов, драматург и композитор Ф. П. Павлов, поэт-лирик Г. В. Зайцев-Талмурза, прозаик М. Д. Трубина и другие.

Работа И. Я. Яковлева по обработке произведений устно-поэтического народного творчества и созданию оригинальных произведений на чувашском языке тесно переплеталась с переводческой деятельностью. Им и его учениками переводились наряду с книгами религиозного характера образцы произведений русской литературы и фольклора. Особым вниманием Яковлева пользовались произведения малой эпической формы (басни, нравоучительные новеллы). Еще в 80-х годах учениками Яковлева под его руководством были переведены

на чувашский язык I и II книги для чтения Л. Н. Толстого, а к 1903 году и III и IV книги, в которых широко представлены образцы русского эпического жанра. Басни и рассказы, песни и стихотворения А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, И. А. Крылова, Л. Н. Толстого и других видных русских писателей и поэтов, включавшиеся в хрестоматии для чтения в русских школах крупнейшими русскими педагогами К. Д. Ушинским и его последователями В. Я. Стоюниным, В. И. Водовозовым, Н. Ф. Бунаковым и другими, стали использоваться в переводах для чувашских детей с первых годов издания чувашского букваря. Так уже в букварях 1875—1880 годов встречаются переводы обработанных Л. Н. Толстым басен „Лгун", „Баба и курица", „Лошадь и конюх", „Стрекоза и муравей", „Лисица и виноград", „Рыбак и рыбка", „Собака и тень", „Волк и журавль", „Волк и ягненок", „Ворон и лисица", рассказы и сказы из „Родного слова" К. Д. Ушинского: „Трусливый Ваня", „Лиса и козел", „Лиса и кувшин" и другие.

Басня, анекдотический рассказ, основанные на иронической, полной скрытых намеков форме речи, давали возможность писателю-переводчику привносить в перевод и собственное творчество. Отношение к переводам у Яковлева было именно творческим. Его переводы по существу представляют новые произведения. Ярко расцвеченные образными средствами родного языка, они приобрели национальный колорит и воспринимались читателями как произведения своей литературы. Обращает внимание читателя и такая характерная особенность: каждый из переведенных рассказов или басня дополняется нравоучением, взятым из чувашского фольклора—пословицей или поговоркой,—усиливая логическую завершенность произведения. Так, басня „Мышь под амбаром" в переводе заканчивается чувашской народной поговоркой и при обратном переводе получает следующее содержание:

„Голодная худая мышь прогрызла пол и забралась в клеть. Всю ночь она поедала рожь, и раздулся живот у ней, как барабан. Настало время отправляться восвояси. Подошла мышь к дырке: голова пролезает, да живот застревает. Мучилась-мучилась она, да так и не пролезла. Пришла утром в клеть кошка, поймала мышку и съела. Поэтому и сказано: послушаешься чрева, так и голову сгубишь".

Нравоучительный рассказ Л. Толстого о Феде, который гнал усталого коня, заключается пословицей: „Холивший коня пешком не ходил, призревший стариков голодным не ходил"; басня „Собака и тень"—другой пословицей: польстишься на многое, без малого останешься; анекдотический рассказ о двух, заработавших три рубля и деливших их три дня,—поговоркой: лучше полу шубы мять, чем праздным стоять; и так—каждый рассказ и каждая басня.

Деятельность И. Я. Яковлева по переводу произведений малых жанровых форм завершилась обращением к крупным эпическим и лирическим произведениям классиков русской ли-

тературы, однако непосредственного участия в переводе их на чувашский язык он не принимал, а предоставил эту работу своим наиболее одаренным воспитанникам, всячески поощряя и воодушевляя их в этом полезном и нужном для народных масс деле и взяв полностью на себя заботу по изданию и распространению переводов. Так, были переведены и изданы отдельными книгами „Песнь про купца Калашникова“ и избранные лирические стихотворения М. Ю. Лермонтова, „Аленький цветочек“ С. Т. Аксакова, детские рассказы Л. Н. Толстого и другие. На попытки Яковлева и дальше продолжать эту благодарную работу по ознакомлению чувашских читателей с великими творениями русских писателей и поэтов был, однако, с наступлением вслед за революцией 1905—1907 годов полосы реакции наложен цензурный запрет.

Издательская деятельность И. Я. Яковлева имеет свою поучительную историю, которая служит наглядным подтверждением отсутствия свободы печати в условиях царской России, особенно для нерусских национальностей. Уже с первых годов издательской деятельности ему пришлось испытать тяжесть цензурного пресса и преследование реакционных кругов общества. Так, еще в 1884 году один из корреспондентов „Церковно-Общественного Вестника“ в статье „Из Чебоксарского уезда (о деятельности г. Яковлева по образованию чуваш)“, пытаясь опорочить алфавит Яковлева и вызвать отрицательное мнение о его общественно-литературной деятельности, злословил: „Пылкость молодой натуры увлекла г. Яковлева на неправильный путь в инородческом деле. Г. Яковлев в деле образования чуваш задался мыслию чувашский язык сделать языком книжным... Задавшись указанной мыслию, г. Яковлев естественно должен был подумать и об алфавите, и вот, после кропотливой работы и долгих филологических изысканий, к некоторым русским буквам он приделал хвостики, кавычки, и чувашский язык, как бы по мановению волшебника, явился языком вполне цивилизованным,—с своей транскрипцией, с запасом технических слов“. И это преследование длилось десятки лет. В 1903 году на страницах „Казанской газеты“ открыто говорилось, что „книжки на чувашском языке развивают только сепаратизм и самомнение, крайне несимпатичное и даже вредное... Не полезнее ли было бы для самих чувашей... давать им для чтения исключительно русские книги, в церкви, в школах, на народных чтениях говорить с ними, насколько возможно, только по-русски... Чувашской культуры не было и не будет...— (Казанская газета, № 15, 13 апреля 1903 года).

Несмотря на эти преследования, И. Я. Яковлев упорно продолжал работу по изданию учебных, научно-популярных и литературно-художественных произведений и книг на чувашском языке. Возможности были очень ограниченные. Тем не менее за время своей работы в качестве инспектора чувашских школ и Симбирской чувашской школы им было издано много различных книг, среди которых большую долю занимают книги рели-

гиозно-нравственного содержания, но немало и книг светских, полезных для народа. Увлечение изданием церковно-богослужебных книг и религиозно-поучительной литературы было несомненно отрицательной стороной в деятельности И. Я. Яковлева, которая никак не содействовала успешному осуществлению задач культурного подъема чувашского народа, а наоборот затормаживала рост самосознания трудящихся, отвлекала их от насущных вопросов общественно-политической борьбы, задерживала усвоение населением научных знаний.

К числу изданных И. Я. Яковлевым книг, направленных на распространение среди населения полезных знаний, следует отнести ряд научно-популярных брошюр по медицине: „Советы матерям при оспопрививании", 1897; „О чуме", 1897; „О глазной болезни трахоме", 1898; Сборник популярных листков по медицине, 1903; по сельскому хозяйству: „О хлебных семенах и посеве", 1908; „О травосеянии", 1908 и др.

Особо большой интерес проявлял И. Я. Яковлев к изданию переводов произведений русской литературы, образцов устно-поэтического и музыкально-песенного творчества чуваш, оригинальных произведений чувашской художественной литературы, но выпуск их в свет был сопряжен с гораздо большими трудностями, нежели издание религиозной литературы. Количество этих изданий было незначительное. Из них заслуживающими внимания являются, кроме переводов отдельных произведений Лермонтова, Аксакова, Толстого, Андерсена,— „Образцы мотивов чувашских народных песен и текстов к ним, ч. I", 1908 г., и сборник „Сказки и предания чуваш", 1908 г., в котором впервые были опубликованы образцы оригинальных произведений чувашской художественной литературы и среди которых помещены баллада М. Ф. Федорова „Леший" и поэма К. В. Иванова „Нарспи", выданные из опасений запрета цензуры за произведения народного творчества. Ярким примером неослабного надзора цензуры за изданиями И. Я. Яковлева может послужить 2-я часть „Образцов мотивов чувашских песен и текстов к ним", подготовленная учеником И. Я. Яковлева П. В. Пазухиным. Книга была набрана и отпечатана еще в 1912 году, но задержана цензурой и разрешена к выпуску в свет только в 1914 году с условием указания в качестве издателя не И. Я. Яковлева, а П. В. Пазухина.

И. Я. Яковлев и Симбирская школа в целом оказали большое влияние на развитие дореволюционной чувашской литературы, формирование литературного языка. С началом литературно-издательской деятельности Яковлева в 70-х годах прошлого столетия заметно усилилась борьба против диалектальной обособленности языка книг, издававшихся на чувашском языке такими деятелями просвещения чуваш, как Н. И. Золотницкий и другие. Наметилось положительное стремление к расширению лексики и грамматических форм языка книг путем творческого отбора языковых средств и верхового и низового говора чуваш, к установлению общих стилистических норм, как необходимых предпосылок к формированию литературного языка. Если

Н. И. Золотницкий в своей издательской работе опирался исключительно на лексические и синтаксические средства верхового наречия, то И. Я. Яковлев, взявший первоначально за основу книжного языка фонетику и лексику низового наречия, вскоре пришел к правильной мысли о необходимости творческого использования языковых средств и форм обоих наречий. От букаря к букварю, от книги к книге шло совершенствование языка и стиля печатных изданий, накапливалась лексика и обогащались синтаксические формы, которые и составили основу общедоступного и понятного для всего чувашского населения книжного языка. Язык книг Яковлева приобрел впоследствии норму общепринятой в дореволюционных условиях письменной и устной речи, которой придерживались при обучении в школах, в переводческой и издательской деятельности, в литературно-творческой работе.

С организацией чувашской учительской школы создание учебников, работа по переводу и изданию светской литературы на чувашском языке постепенно перемещается из Казани в Симбирск.

Творческий метод, избранный Яковлевым в своей переводческой работе, оказал плодотворное воздействие на развитие всей переводной литературы для чуваш. Принципы перевода Яковлева стали общепринятыми и получили дальнейшее углубление в работе переводчиков, подготовленных Яковлевым из числа учителей и учащихся Симбирской школы,—А. В. Рекеева, П. В. Васильева, К. С. Сергеева, Ф. Д. Данилова, С. А. Артемьева и многих других. Резкое отличие по сравнению с переводами Казанской комиссии при Миссионерском обществе представляли уже первые переводные издания, подготовленные Яковлевым и его учениками. Среди сторонников старого принципа текстуального перевода нововведения Яковлева вызвали ожесточенные нападки и нарекания. Яковлева и его школу обвиняли в вольном обращении с текстами, в искажении содержания и стиля оригинальных произведений. Однако переводы Яковлева, несмотря на эти нападки, вскоре получили широкое признание читателей. Простота и образность языка, народность стиля, стремление к смысловому переводу, а не слепое подчинение тексту оригинала—таковы отличительные особенности переводов Яковлева. Яковлев практиковал широкое пользование в переводах образными средствами родного языка, строго выдерживая особенности грамматического строя чувашского языка. Такой подход к делу создавал широкую популярность переводам Яковлева, вызывал среди читателей живой интерес к произведениям русской научной и художественной литературы и одновременно к устно-поэтическому и языковому богатству и творениям своего народа.

Собирание и изучение произведений чувашского фольклора, начатое Симбирской школой первоначально в целях использования, главным образом, в переводческой работе, постепенно приобретает характер обращения к нему как к средству разви-

тия оригинальной художественной литературы, изучения и воссоздания истории народа. Из числа учащихся Симбирской школы вышли фольклористы и этнографы, писатели и поэты, начавшие свою творческую работу с собирания и обработки произведений фольклора и создавшие немало крупных оригинальных произведений на фольклорной основе.

Влияние Яковлева и его школы на развитие чувашской оригинальной художественной литературы дореволюционного периода выражалось, в первую очередь, в следовании писателей и поэтов примеру обращения Яковлева к фольклору и творческого использования его в своей литературной деятельности; влияние его творчества, во-вторых, сказывалось на тематике, жанрах и особенностях стиля литературных произведений дореволюционного периода и проявлялось, наконец, в личном соучастии Яковлева в творческой жизни многих писателей и поэтов.

Второй вслед за Яковлевым чувашский писатель Игнатий Иванов начал творческую работу под непосредственным воздействием Яковлева. Подготовленный Яковлевым к учительской работе Игнатий Иванов в бытность своей работы в сельской чувашской школе, в 1872—75 годах, пишет ряд очерков и рассказов из жизни и быта чувашской деревни. Все они выдержаны в духе рассказов самого Яковлева и напоминают яковлевские рассказы и по тематике и стилю, и по форме и идейной направленности. Так же, как и у Яковлева, рассказы Игнатия Иванова представляют собой по форме короткие нравоучительные произведения, основанные на фольклорном и бытовом материале.

Дидактизм рассказов Игнатия Иванова идет именно от букварных рассказов Яковлева и его педагогических идей.

Некоторые из рассказов И. Иванова были впервые напечатаны И. Я. Яковлевым в чувашском букваре издания 1900 года.

Выступивший почти одновременно с И. Я. Яковлевым на поприще общественно-педагогической деятельности другой чувашский писатель М. Ф. Федоров, автор первого вполне оригинального литературно-художественного произведения на чувашском языке, баллады „Леший“, также испытывал положительное воздействие яковлевской школы. Обращение в своем оригинальном творчестве к мотивам чувашского фольклора, творческое использование народных сказочных сюжетов у Федорова и Яковлева во многом сходно. Язык и стиль этой баллады носят след непосредственного воздействия письменности и основ литературного языка, заложенных Яковлевым. Так же, как и он, Федоров ставил целью своей литературной и педагогической работы добиться для родного народа прав на создание национальной культуры, на свободное приобщение его к передовой культуре русского народа, демократизации общественно-политических порядков.

Свое произведение М. Ф. Федоров, после безуспешных попыток издать лично, пересылает И. Я. Яковлеву, который опубликовал его в 1908 году в сборнике „Сказки и предания чуваш“.

Появление печатного слова на родном чувашском языке в

общедоступном для населения изложении и звучании послужило живительной силой для развития оригинальной литературы. Один из первых воспитанников Яковлева И. Н. Юркин, будучи в 1876—80-х годах учеником Симбирской школы, под влиянием учителей этой школы принимается за запись и литературную обработку образцов устно-поэтического творчества, а впоследствии и за оригинальное творчество.

Яковлев был рецензентом первых оригинальных произведений И. Н. Юркина. Известно из воспоминаний самого Юркина, какому тщательному разбору подверг И. Я. Яковлев первый оригинальный рассказ И. Н. Юркина „Радуга" (Асамат кĕперĕ). Обращение И. Н. Юркина в своем оригинальном творчестве к бытовой тематике, жанру нравоучительного и нравоописательного рассказа и повести, к крестьянским образам идет опять таки от Яковлева и его школы.

Автор обстоятельного этнографического очерка „Девять деревень" (Тăхăр ял) Г. Тимофеев получил навыки собирания и изучения фольклора и этнографии также в Симбирской школе.

Рукописный сборник „Девять деревень", любовно и обстоятельно составленный Тимофеевым, был переслан Яковлеву, который предпринимал неоднократные попытки издать его, однако сделать это ему не удалось, и сборник оставался в рукописном фонде Симбирской школы, служа богатым источником для дореволюционных чувашских писателей, поэтов и музыкантов всоздании ими на его основе оригинальных исследований, литературных и музыкальных произведений.

Поэтический талант К. В. Иванова, одного из самых крупных представителей дореволюционной чувашской художественной литературы, во многом обязан своим расцветом И. Я. Яковлеву, который оказывал большую помощь и творческую поддержку К. В. Иванову в его литературной работе. Интерес и любовь к устно-поэтическому богатству чувашского народа был привит Иванову Симбирской чувашской школой и Яковлевым. Будучи в школе, Иванов знакомится с рукописным сборником „Тăхăр ял", рукописью баллады „Арсюри", песнями, представленными И. Н. Юркиным и многими другими собирателями. Живя в деревне, он по крупице собирает и записывает произведения устно-поэтического творчества, которыми потом широко воспользовался при создании поэмы „Нарспи" и оригинальных стихотворных сказок: „Две дочери", „Железная мялка", „Вдова". Творческому использованию фольклора К. В. Иванов учился у Яковлева. Обращаясь к сюжетам народных чувашских сказок, Иванов творчески перерабатывает их, внося существенные изменения, направленные на усиление социальных мотивов, художественной выразительности и реализма образов и персонажей.

Обращение К. В. Иванова к переводу произведений классической русской поэзии был подсказан общим направлением, установившимся в переводческой деятельности Симбирской школы. В школе вошел в традицию отбор для перевода на чувашский язык, в первую очередь, произведений классиков русской лите-

ратуры. Поэтому совершенно естественно, что К. В. Иванов избрал для своих переводов произведения М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. В. Кольцова и других русских поэтов, поэзия которых была тесно связана с народно-песенным творчеством, вызывала у переводчика поэтические аналогии из сокровищниц родного устно-поэтического творчества. Опыт переводческой работы Яковлева непосредственно сказался на К. В. Иванове, благодаря чему им были созданы такие переводы, как „Песнь про купца Калашникова...“, „Парус“ М. Ю. Лермонтова, не уступающие по художественной силе оригиналу. Следует одновременно заметить, что редактором этих переводов К. В. Иванова был сам И. Я. Яковлев. Он же и издал переводы К. В. Иванова отдельной книгой, которая получила широкое распространение среди чувашского населения. При содействии И. Я. Яковлева была издана и классическая поэма К. В. Иванова „Нарспи“.

На внимание и участие И. Я. Яковлева в жизни и творчестве К. В. Иванов платил горячей привязанностью к нему. В стихотворном послании „Современность“, посвященном 40-летию Симбирской чувашской школы, поэт тепло отозвался о прогрессивной деятельности своего учителя И. Я. Яковлева по просвещению чувашского народа.

Созданная И. Я. Яковлевым Симбирская школа, заложенные им основы чувашской письменности и литературы позволили проявить себя еще в дореволюционное время отдельным талантливым представителям чувашского народа в науке, литературе и искусстве, оказали положительное воздействие на успешный и всесторонний рост творческих сил народа в советских условиях.

В общественно-педагогической и литературной деятельности И. Я. Яковлев был далек от мыслей о революционном преобразовании современного ему общественного строя. Умеренный в своих политических взглядах, не простиравшихся дальше реформ в области культуры и просвещения, всю силу своего незаурядного педагогического и организаторского таланта он направлял, главным образом, на осуществление задач повышения культуры и грамотности своего народа, сближения его с русским народом. Огромная работа, проделанная им, оказала плодотворное воздействие на многие стороны развития общественной жизни чувашского народа: грамотности и просвещения, письменности и литературы, и в целом всей его культуры в дореволюционное время.

ПРИВЕТСТВИЯ

Чебоксары, Верховный Совет, Председателю Президиума АНДРЕЕВОЙ

В связи с столетием со дня рождения виднейшего педагога и общественного деятеля Ивана Яковлевича Яковлева, посвятившего свою жизнь просвещению чувашского народа, шлю горячие поздравления советской и научно-педагогической общественности, желаю дальнейшего расцвета культуры и народного образования в Чувашской республике.

Министр просвещения РСФСР ***А. А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ.***

Чебоксары, Юбилейной комиссии по проведению столетнего юбилея со дня рождения просветителя чувашского народа Ивана Яковлевича ЯКОВЛЕВА

Областной Комитет Коммунистической партии большевиков и Совет Министров Мордовской АССР поздравляют братский чувашский народ со знаменательной датой столетия со дня рождения выдающегося сына чувашского народа Ивана Яковлевича Яковлева, отдавшего все свои силы и знания для просвещения чувашского народа и других народов Поволжья. Желаем успеха в дальнейшем процветании науки и культуры социалистической Чувашии, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Секретарь Мордовского Обкома ВКП(б) ***С. КОЧЕРГИН.***
Председатель Совета Министров Мордовской АССР ***Н. ТИНГАЕВ.***

г. Саранск, 26 июня 1948 года.

Чебоксары, Президиум Верховного Совета, Председателю Юбилейной Комиссии АНДРЕЕВОЙ Зое Ананьевне

Ввиду предстоящего первого июля общего собрания Академии не имею возможности лично принять участие в юбилейных торжествах. От имени Академии Педагогических Наук и от своего лично горячо поздравляю общественные организации Чувашской республики и работников Научно-исследовательского института языка, литературы и истории в день столетия со дня рождения виднейшего педагога и общественного деятеля

чувашского народа Ивана Яковлевича Яковлева. Желаю больших успехов в деле народного образования на благо нашей Социалистической Родины.

Президент Академии Педагогических Наук ***И. А. КАИРОВ.***

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК, ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ им. Н. Я. МАРРА—МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

22 июня 1948 года.

Московское отделение Института языка и мышления им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР шлет самое горячее поздравление трудящимся Чувашской АССР в знаменательный для нее день столетней годовщины со дня рождения великого чувашского просветителя и педагога И. Я. Яковлева.

Московское отделение ИЯМ, высоко ценя работу чувашских языковедных и педагогических учреждений, всегда поддерживало с ними научный контакт и принимало посильное участие в подготовке чувашских языковедных кадров. Пожелаем, чтобы в дальнейшем этот контакт укреплялся все более и более и чтобы массы чувашского народа, строящие новую жизнь под знаменем Ленина—Сталина, выдвинули новые ряды чувашских филологов, языковедов и педагогов, которые довершат великое дело просвещения Чувашии, начало которого заложил И. Я. Яковлев.

Да здравствует наша Великая и многонациональная Родина.

Да здравствует наш Великий вождь и учитель товарищ СТАЛИН.

Зам. директора МО ИЯМ, Член-корреспондент АПН, профессор Г. П. Сердюченко.

Заведующий тюрко-монгольским сектором, Член-корреспондент АН СССР, профессор Н. К. Дмитриев.

ПРИВЕТСТВИЕ ОТ ИНСТИТУТА МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

Институт методов обучения Академии Педагогических Наук РСФСР шлет свои горячие приветствия и поздравления юбилейной сессии Чувашской АССР, отмечающей столетнюю годовщину со дня рождения видного педагога И. Я. Яковлева и восьмидесятилетнего существования основанной им Симбирской школы.

Имя И. Я. Яковлева пользуется глубоким уважением со стороны всех историков педагогики и всех ученых методистов по специальности нерусских школ. Изучая проблему преподавания русского языка нерусским народам РСФСР, мы постоянно убеждаемся, насколько прав был И. Я. Яковлев в своей методической работе. Только теперь стало видно, какой урожай принесли те скромные семена, которые восемьдесят лет назад

были брошены им на благодатную чувашскую почву. Мы вносим имя И. Я. Яковлева в „золотой фонд национальных педагогов" нашей страны и от души желаем его продолжателям, беззаветным работникам чувашского просвещения, новых и новых успехов в их благородном деле на благо нашей Великой Родины.

Зав. отделом нерусских школ ИМО АПН,
*Действительный член АПН, профессор **Н. К. Дмитриев.***
*Зав. сектором родных языков, профессор **Ф. Ф. Советкин.***

Чебоксары, Чувашский научно-исследовательский институт

Коллектив Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории сердечно поздравляет Вас с столетием со дня рождения виднейшего педагога и общественного деятеля И. Я. Яковлева. Желаем братскому чувашскому народу, его ученым, интеллигенции самоотверженной плодотворной работы над процветанием социалистической по содержанию, национальной по форме культуры, передовой советской науки, верно служащей народу, неуклонно проводящей политику партии Ленина-Сталина во имя полного торжества коммунизма.

*По поручению коллектива директор Марнии **Калашников.***

Йошкар-Ола.

Чебоксары, директору научно-исследовательского института товарищу Григорьеву.

Коллектив научных работников Мордовского научно-исследовательского института поздравляет Вас и весь коллектив научных работников Чувашского научно-исследовательского института с столетним юбилеем со дня рождения выдающегося просветителя народов Поволжья, замечательного сына чувашского народа Ивана Яковлевича Яковлева и желает успеха в Вашей научно-исследовательской работе.

*Директор **Дорожкин***

Саранск.

Чебоксары, Верховный Совет, АНДРЕЕВОЙ

Институт теории и истории педагогики АПН приветствует сессию, посвященную памяти выдающегося чувашского педагога Ивана Яковлевича Яковлева, и горячо желает Советской Чувашии дальнейших успехов в строительстве культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

*Директор **Константинов.***

Председателю Президиума Верховного Совета Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики Зое Ананьевне АНДРЕЕВОЙ

На празднике столетней годовщины со дня рождения Ивана Яковлевича, прежде всего, приветствую могучий русский народ за бесчисленные проявления доброжелательного и великодушного участия к нуждам своих младших братьев чуваш и за дружественную поддержку их стремлениям к свету и культуре.

В лице своих лучших представителей великий русский народ дал возможность скромному крестьянскому сыну Ивану Яковлевичу приготовиться к жизненному для него делу и осуществить это дело достойным образом.

Горячо приветствую чувашский народ, трудолюбивый, одаренный, верный в жестоком бою, верный в мирном труде, безгранично преданный старшему брату—великому народу русскому и его державе.

Нерасторжимо спаянные кровью, политою в Великой Отечественной войне, дружно объединенные в созидательном труде, наши народы смело идут вперед, не боясь врагов и их происков, непоколебимо доверяя гению любимого вождя Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА, твердо ведущего сынов нашего великого многонационального содружества народов на пути счастья и славы.

Лауреат Сталинской премии, Член-корреспондент Академии Наук СССР, профессор ***А. И. Яковлев.***

26 июня 1948 года.

Чебоксары, Верховный Совет, Юбилейная комиссия, АНДРЕЕВОЙ

Поздравляю чувашский народ с юбилеем замечательного педагога-просветителя И. Я. Яковлева, желаю республике хозяйственных, культурных и научных успехов.

Член-корреспондент Академии Наук СССР ***С. Е. Малов***

Ленинград.

Приветствие от Казанского Филиала Академии Наук СССР*

Товарищи! В стране победившего социализма стало традицией всенародно отмечать юбилейные даты рождения и смерти выдающихся людей науки, литературы и искусства, которые своим честным служением народу помогли ему в его прогрессивном развитии.

Только у нас, в стране Советов, в стране, идущей по начерченному великим гением человечества Лениным и Сталиным

---

* Приветственная речь, произнесенная 26 июня 1948 в г. Чебоксарах на торжественном заседании, посвященном столетию со дня рождения И. Я. Яковлева. *Ред.*

пути к светлым вершинам коммунизма, стало возможным по достоинству оценить заслугу многих деятелей культуры и науки, вышедших из гущ народов, подвергавшихся в условиях царизма социальному и национальному угнетению.

Наряду с чествованием великих корифеев русской науки и культуры все советские народы, как праздник своей национальной культуры, в последние годы широко отметили юбилейные даты великого украинского поэта и революционера-демократа Тараса Шевченко, азербайджанского поэта-гуманиста Низами, основоположника узбекской литературы Навои, татарского просветителя и педагога Каюма Насырова, народного поэта Г. Тукая и многих других замечательных людей нашей многонациональной Родины.

Сегодня трудолюбивый чувашский народ, вместе с другими народами нашего Союза, заслуженно чествует столетие со дня рождения выдающегося своего сына, просветителя, ученого, педагога и общественного деятеля Ивана Яковлевича Яковлева, отдавшего все свои силы делу „национального подъема чуваш и претерпевшего ряд гонений от царизма“ (В. И. Ленин).

Иван Яковлевич Яковлев—питомец славного Казанского университета, где учился и начал свою революционную работу великий основатель нашего советского государства В. И. Ленин. Он дорог всем народам многонационального Поволжья, ибо своей скромной, но весьма почтенной деятельностью И. Я. Яковлев помог также развитию и их культуры, с которыми жил и общался чувашский народ. Глубокое изучение его педагогических взглядов и наследства несомненно представляет большой интерес и для нас, представителей братских республик.

Разрешите, товарищи, от имени Казанского Филиала Академии Наук СССР передать участникам данного торжественного собрания пожелания новых успехов в процветании науки и культуры чувашского народа, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Пусть цветет и развивается орденоносная Чувашия!

Да здравствует нерушимая дружба народов нашей Родины!

Да здравствует Великий корифей науки наш вождь и учитель Иосиф Виссарионович СТАЛИН!

Директор Института языка, литературы и истории Казанского Филиала АН СССР, доцент ***М. Х. Гайнуллин.***

ХРОНИКА

В июне месяце 1948 года трудящиеся Чувашии совместно с научно-педагогической общественностью всего Советского Союза отметили столетие со дня рождения виднейшего педагога и общественного деятеля чувашского народа Ивана Яковлевича Яковлева. Одновременно отмечалось и восьмидесятилетие организации Симбирской чувашской учительской школы (1868 г.), сыгравшей, как известно, важную роль в деле просвещения чувашского народа в дореволюционное время.

Правительство Чувашской республики и Областной Комитет ВКП(б), придавая большое значение педагогической деятельности И. Я. Яковлева и организованной им при содействии и помощи Ильи Николаевича Ульянова, тогдашнего инспектора народных училищ Симбирской губернии, чувашской школе, в связи с подготовкой к юбилею провели ряд мероприятий. Была организована юбилейная комиссия в составе председателя комиссии тов. Андреевой З. А.—председателя Президиума Верховного Совета Чувашской АССР и членов комиссии—Секретаря Обкома ВКП(б) по пропаганде и агитации тов. Вишнякова А. С., заместителя председателя Совета Министров Чувашской АССР тов. Евлампьева К. Е., Министра просвещения тов. Макарова М. П., Секретаря Обкома ВЛКСМ тов. Токарева А. М. и директора Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории тов. Григорьева П. Г.

В увековечение памяти виднейшего педагога и общественного деятеля И. Я. Яковлева Указом Президиума Верховного Совета РСФСР присвоено имя И. Я. Яковлева Бичуринской и Аликовской средним школам и Батыревскому педучилищу нашей республики, Ульяновскому педучилищу. Совет Министров РСФСР для особо отличившихся в учебе студентов Чувашского педагогического института учредил пять стипендий имени И. Я. Яковлева. Чувашское государственное издательство выпустило на русском языке монографию „Иван Яковлевич Яковлев“ (биографический очерк) под редакцией проф. Ф. Н. Петрова. Указанная монография, изданная пятитысячным тиражом, дает читателям богатый материал для изучения жизни и педагогической деятельности И. Я. Яковлева, отдавшего на служение родному народу всю свою жизнь.

Кафедра педагогики Чувашского государственного педагогического института совместно с Институтом усовершенствования учителей Чувашии организовали в помещении педагогического института выставку, посвященную столетию со дня рождения Ивана Яковлевича Яковлева, показывающую состояние просвещения среди чуваш до Октябрьской социалистической революции и достижения народного образования республики за 30 лет советской власти. Выставку посетило несколько тысяч колхозников, учащихся, учителей. В настоящее время она превращена в постоянно действующую педагогическую выставку по истории просвещения чувашского народа.

В течение мая и июня месяцев в школах, избах-читальнях, клубах и домах культуры республики проводились специальные доклады и беседы о жизни и деятельности И. Я. Яковлева и о достижениях народного просвещения за годы советской власти. Научными сотрудниками Научно-исследовательского и Педагогического институтов, а также учительством республики были прочитаны лекции и доклады среди рабочих, колхозников и интеллигенции о роли Симбирской чувашской учительской школы и И. Я. Яковлева в истории просвещении чувашского народа и о достижениях в области просвещения за годы советской власти.

Юбилей И. Я. Яковлева был отмечен также в ряде братских республик и областей, как в Татарии, Ульяновской и Куйбышевской областях. Он отмечался Научно-исследовательским институтом истории и теории педагогики Академии педагогических наук РСФСР. Достаточно широко освещался юбилей в республиканской печати. Газеты „Чăваш Коммуни“, „Красная Чувашия“ посвятили юбилею специальные номера, в периодических журналах „Ялав“ („Знамя“) и литературном альманахе „Тăван Атăл“ („Родная Волга“) были напечатаны обширные статьи об общественно-педагогической деятельности И. Я. Яковлева. Отдельные статьи были также помещены в центральной прессе—в газетах „Известия“, „Учительская газета“, а также в областной печати—в газетах „Кзыл Татарстан“, „Ульяновская правда“.

Чувашский художник-скульптор Кудрявцев И. Ф. ко дню юбилея выполнил бюст И. Я. Яковлева, который в настоящее время находится на постоянной выставке Чувашского педагогического института.

Рукописный фонд Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории сумел собрать значительное количество редкостных экземпляров фотографий, отображающих жизнь Ивана Яковлевича Яковлева в разные годы, а также отдельные виды Симбирской чувашской учительской школы. Среди фото имеются снимки и виды, которые были сфотографированы в свое время классиком чувашской художественной литературы, бывшим воспитанником чувашской школы поэтом К. В. Ивановым. По собиранию

этих материалов работал научный сотрудник института Н. Ф. Данилов. Одновременно институт собрал для рукописного фонда воспоминания бывших воспитанников Симбирской школы и некоторые мемуары быв. преподавателей школы, всего до тридцати единиц хранения. Эти материалы представляют большой научный интерес, в особенности воспоминания писательницы Марфы Трубиной, начальника Управления полиграфпромышленности Чувашской АССР И. Т. Трофимова, старейшего журналиста А. Л. Лукина, генерал-майора З. Т. Трофимова и многих учителей. Эти материалы могут быть использованы в дальнейшей работе по составлению истории Симбирской чувашской школы, а также научной биографии И. Я. Яковлева.

26-го июня в столице Чувашии гор. Чебоксарах, в Государственном академическом театре, состоялось торжественное заседание советских, партийных и общественных организаций совместно с трудящимися города, посвященное столетию со дня рождения И. Я. Яковлева. На заседании был заслушан доклад Председателя Президиума Верховного Совета Чувашской АССР тов. Андреевой З. А. на тему: „Общественно-педагогическая деятельность И. Я. Яковлева". На заседании присутствовали гости из братских национальных республик: Татарии, Мордовии, Удмуртии, представители Министерства просвещения РСФСР, Академии Педагогических Наук, а также внучка И. Я. Яковлева, кандидат исторических наук Ольга Алексеевна Яковлева, представители районов республики. В президиум торжественного заседания были избраны: секретари Обкома ВКП(б) тт. И. М. Чарыков, Т. А. Ахазов, Ф. П. Романов, М. М. Романова, секретарь Горкома ВКП(б) Я. А. Плетнев, Председатель Президиума Верховного Совета Чувашской АССР тов. З. А. Андреева, Зам. Председателя Совета Министров Чувашской АССР К. Е. Евлампьев, представители научно-педагогической общественности республики. Среди гостей был бывший воспитанник школы, знатный земляк, генерал-майор З. Т. Трофимов.

После доклада было оглашено множество приветствий, в том числе: от Министра просвещения РСФСР тов. Вознесенского, от Президента Академии Педагогических Наук академика Каирова, от Московского отделения института языка и мышления Академии Наук СССР, от лауреата сталинской премии, члена-корреспондента Академии Наук СССР, доктора исторических наук профессора А. И. Яковлева, от члена-корреспондента Академии Наук проф. С. Е. Малова и ряда институтов братских республик. По окончании торжественной части был дан концерт силами артистов Татарского театра оперы и балета и артистов вокального ансамбля Чувашского радиокомитета под руководством заслуженного деятеля искусств композитора Г. Я. Хирбю.

В ознаменование же столетия со дня рождения И. Я. Яковлева 27—28 июня в гор. Чебоксарах проходила юбилейная научная сессия Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории и Чувашского государственного

педагогического института. На сессии были заслушаны и обсуждены следующие доклады:

1. Чувашский педагог И. Я. Яковлев, докладчик старший научный сотрудник Научно-исследовательского института истории и теории педагогики Академии Педагогических Наук А. Ф. Эфиров.

2. Симбирская чувашская школа и ее место в истории просвещения чуваш, докладчик Министр Просвещения ЧАССР М. П. Макаров.

3. И. Я. Яковлев инспектор чувашских начальных школ, докладчик зав. школьным отделом Обкома ВКП(б) А. М. Шалфеева.

4. Роль И. Я. Яковлева в создании чувашского алфавита и чувашской письменности, докладчик—кандидат филологических наук, зав. сектором языка Научно-исследовательского института В. Г. Егоров.

5. И. Я. Яковлев и чувашская художественная литература, докладчик зав. сектором литературы и фольклора Института М. Я. Сироткин.

Заседания научной сессии происходили в прекрасно оборудованном большом зале Центрального дома пионеров. В течение двух дней зал был переполнен участниками сессии: учителями, прибывшими из районов республики, писателями, журналистами, партийными и советскими работниками, научными работниками и преподавателями и студентами вузов. На сессии участвовали и гости из братских национальных республик, представители Министерства Просвещения РСФСР, Академии Педагогических Наук т.т. М. К. Бакеев и А. Ф. Эфиров, внучка И. Я. Яковлева, доцент Московского библиотечного института имени В. М. Молотова—О. А. Яковлева. В работе научной сессии приняли также участие первый секретарь Чувашского Обкома ВКП(б) тов. И. М. Чарыков и Председатель Президиума Верховного Совета Чувашской АССР тов. З. А. Андреева.

Все доклады проводились на высоком идейно-теоретическом уровне и были выслушаны присутствующими с большим вниманием.

В научных докладах, прочитанных на сессии, была освещена разносторонняя педагогическая и организаторская деятельность И. Я. Яковлева. В мрачные и тяжелые годы царизма, когда многомиллионные нерусские народности царской России, в том числе и чуваши, были бесправными, беспрестанно подвергались всяческим унижениям и оскорблениям, И. Я. Яковлев при помощи передовых представителей великого русского народа и благодаря своей неутомимой энергии и упорной настойчивости сумел закончить гимназию, а затем, получив университетское образование, все свои знания и способности отдал родному чувашскому народу.

И. Я. Яковлев был достаточно осведомлен в передовой педагогической литературе своего времени, разработал для чуваш письменность, методику преподавания родного и русского языков для чувашских школ и составил чувашский букварь. Яковлев имел незаурядные знания и в области сельского хозяйства.

Организованная им при чувашской школе сельскохозяйственная ферма давала значительные познания учащимся, будущим учителям сельских школ, в их практической работе по сельскому хозяйству.

В докладах особо подчеркивалось замечательное содружество И. Я. Яковлева с выдающимся педагогом, инспектором народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульяновым, отцом великого Владимира Ильича Ленина. Благодаря непосредственной помощи И. Н. Ульянова Яковлев сумел в 1868 г. организовать в Ульяновске так называемую Центральную чувашскую школу, впоследствии преобразованную в Чувашскую учительскую школу. При помощи И. Н. Ульянова же, указанная школа была обеспечена такими замечательными педагогами, как Калашников, домашний учитель В. И. Ленина, и др. Организованная Яковлевым школа постепенно разрослась в учебное заведение, которому в 1877 г. Министерством просвещения было предоставлено право подготовлять учителей, и она сыграла значительную роль в истории просвещении чувашского народа. В продолжение почти полувековой деятельности Яковлев сумел подготовить через организованную им школу около одной тысячи учителей как чуваш, так и русских. Как инспектор чувашских школ Казанского учебного округа, Яковлев способствовал открытию школ среди чувашского населения не только в Симбирской, но и Самарской, Уфимской губерниях. Всего им было открыто несколько сот школ. И. Я. Яковлев создал новый тип чувашской национальной школы с четырехлетним курсом обучения, с основательным изучением двух языков: чувашского и русского. За время инспекторской деятельности И. Я. Яковлева чувашская начальная школа стала серьезным источником распространения общеобразовательных знаний и достигла значительной популярности среди чувашского народа.

Симбирская чувашская учительская школа под руководством И. Я. Яковлева стала центром всей культурной творческой работы среди чуваш. Здесь готовились не только педагоги для чувашских школ, но и квалифицированные переводчики, собиратели фольклора, писатели, композиторы и др. Благодаря переводческой деятельности Яковлева грамотная часть чувашского населения получила возможность читать русских классиков и русскую переводную научную литературу, что способствовало приобщению чуваш к культуре великого русского народа. Известно, что в этой школе были заложены основы чувашского литературного языка, и школа и его работники, в том числе И. Я. Яковлев, сыграли заметную роль в деле создания художественной литературы для чувашского народа. Следовательно, как подчеркивали докладчики, И. Я. Яковлев был одним из зачинателей приобщения чувашского народа к передовой культуре великого русского народа, и в этом отношении им сделано очень много.

В прочитанных докладах большое внимание уделялось и вопросу состояния народного образования при советской власти,

когда благодаря исключительным заботам большевистской партии и советского правительства неграмотность среди чуваш ликвидирована, когда количество учащихся в современной Чувашии стало в 6 раз больше, чем это было в 1913 г., и школ стало: начальных 568, семилетних—399, а средних 87, техникумов и педучилищ более 10; высших учебных заведений 3. До революции же чуваши имели фактически единственную среднюю школу в Симбирске. За годы советской власти под руководством партии Ленина—Сталина, при помощи великого русского народа коренным образом преобразовалась Чувашия: она стала богатой, цветущей, культурной советской республикой.

По заслушанным докладам на научной сессии развернулись оживленные прения. Интересное выступление сделал старший преподаватель кафедры педагогики Чувашского педагогического института тов. Н. С. Степанов, который поднял ряд весьма важных вопросов по истории просвещения чуваш. Он поставил задачу дальнейшей разработки наследства И. Я. Яковлева, особо остановился на роли И. Н. Ульянова в истории просвещения чувашского народа и предложил разработать на основе архивных источников тему: „И. Н. Ульянов и чувашская школа". В заключение тов. Н. С. Степанов подчеркнул необходимость изучения истории школ советского периода.

Интересным было выступление начальника Государственного архива Чувашской республики тов. И. И. Музыкантова, который подчеркнул, что многие работники, занимающиеся исследованием истории школ и, в частности, истории Симбирской чувашской школы, недостаточно привлекают архивные материалы, находящиеся в архивах Чувашии. Тов. Музыкантов на основе некоторых архивных источников показал совместную работу И. Н. Ульянова с И. Я. Яковлевым по вопросу открытия чувашской школы, привел факты о том, как много помог чувашской школе инспектор И. Н. Ульянов. Внес предложение написать монографию об И. Н. Ульянове, где бы было показано открытие им чувашских школ, т. к. Ульянов, как подчеркивает тов. Музыкантов, много лет работал по вопросам хозяйственного укрепления чувашских школ. При том сам открывал школы в Курмышском, Буинском уездах среди чувашского населения.

Научный сотрудник по фольклору Чувашского научно-исследовательского института Н. Ф. Данилов осветил переводческую деятельность И. Я. Яковлева и возглавлявшейся им школы, научный сотрудник института по чувашскому языку Н. А. Резюков на многих примерах показал работу школы и И. Я. Яковлева по вопросам чувашского языка, в частности по сбору словарного материала для словарей чувашского языка Н. И. Ашмарина.

Весьма содержательным было воспоминание о школе и своем педагоге-воспитателе И. Я. Яковлеве бывшего воспитанника школы, ныне гвардии генерал-майора З. Т. Трофимова.

В своем заключительном слове по первому докладу тов. А. Ф. Эфиров отметил, что выступавшие в прениях дали много нового материала и внесли ценные предложения для дальней-

ней разработки вопросов истории просвещения чувашского народа, в частности советского периода. Тов. Эфиров особо подчеркнул, что научная сессия института прошла организованно, доклады были содержательные и на высоком научно-идейном уровне, были прослушаны с большим вниманием.

Сессия приняла решение поручить Институту языка, литературы и истории прочитанные на сессии доклады издать отдельным сборником, разработать и издать в ближайшие годы научную биографию Ивана Яковлевича Яковлева. Сессия поручила дирекции Научно-исследовательского института подробно изучить педагогическую деятельность Ильи Николаевича Ульянова, его работу по просвещению чуваш и в ближайшие годы издать на чувашском языке монографию об И. Н. Ульянове. Сессия также обязала институт разработать мероприятия, направленные к дальнейшему изучению педагогического и литературного наследства И. Я. Яковлева.

П. Г. ГРИГОРЬЕВ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

НТ 00483. Подписано к печати 12/III—1949 г. Объем 6,75 печ. л. Заказ № 2450. Тираж 3000.

Типография № 1 Управления полиграфпромышленности при Совете Министров Чувашской АССР

г. Чебоксары, ул. Володарского, 5.

Цена 7 руб. 4-90